

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

КРЫМ

РОМАН*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Евгений Константинович Лемехов курировал в правительстве оборонно-промышленный комплекс. Статный, с упитанным сильным телом, упрямой большой головой, с блестящими, чуть навывкате глазами, он неутомимо поглощал впечатления, жадно усваивал опыт, который откладывался в нем, как древесные кольца. В свои сорок пять он был преисполнен энергии, которая, как плотный бестелесный порыв, раздвигала перед ним жизненное пространство. Он входил в это пространство, как входят в гостеприимно распахнутые двери. После четвертого класса школьная учительница подарила ему томик Пушкина с надписью: “Женя, будь всегда и во всем первым”. С тех пор Пушкин стал для него поводырём, тайным покровителем, и множество пушкинских стихов, отрывков, случайных строк хранила его память. Он следовал напутствию учительницы, одолевая возрастные рубежи радостно и легко, оставляя позади своих менее удачливых сверстников. Ему казалось, что перед ним ступает невидимый проводник, переводя его через провалы и рытвины. Он шёл, веря своему тайному предводителю, который поворачи-

---

ПРОХАНОВ Александр Андреевич родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Автор многих книг прозы и публицистики, романов “Чеченский блюз”, “Красно-коричневый”, “Идущие в ночи”, “Господин Гексоген”, “Крейсерова соната”, “Человек звезды”, “Время золотое”. Живет в Москве.

* Журнальный вариант.

вал к нему свою кудрявую голову и вёл по таинственным дорогам. Но собственная воля и страсть определяли его успех, его несокрушимое восхождение. Эта страсть была подобна раскалённому языку пламени, прожигающему танковую броню, воздушному ступку, летящему впереди истребителя, бестелесному лучу, указывающему путь ракете. Баловень судьбы и счастливцев, Лемехов был выбран чьей-то неведомой волей, влекущей его к загадочному предназначению.

Лемехов был любимцем президента Лабазова. Президент поручил Лемехову крошечную работу по обновлению оборонной промышленности, которая умирала, подобно выброшенному на отмель киту. Когда отхлынули воды советской эры, обнажилось дно, на котором беспомощно, как обитатели подводного царства, корчились заводы, конструкторские бюро и научные центры. Как пар, улетучивались под раскалёнными лучами великие открытия и замыслы, неосуществленные проекты, непроверенные гипотезы. И над этой гибнущей высокоорганизованной жизнью вились тучи мелких стервятников, крылатых насекомых и трупоедов.

Президент Лабазов был утомлён долгими годами правления. Он восстанавливал доставшуюся ему в управление руину. Строил государство. Создавал банки, корпорации, нефтепроводы, олимпийские стадионы. Вдруг обнаружил, что на страну надвигаются тучи военных угроз. Эти угрозы множатся, слышатся, превращаясь в опасность большой войны.

Лабазов обнаружил программу обновления вооружений: создание новейших танков и самолётов, ракет и космических лазеров; модернизация старых заводов и строительство новых. Он поручил этот грандиозный проект Лемехову, и тот стал вспарывать омертвелую, усыпанную камнями пустошь.

Совещания, на которых кричали до хрипоты, ссорились представители армии и оборонных заводов. Космодромы, откуда поднимались окружённые плазмой тяжёлые ракеты. Полигоны, где установки залпового огня превращали барханы в слитки раскалённого кварца. Танкодromы, где крутился, взлетал, плыл и нырял под воду танк. Встречи с академиками, предлагавшими оружие, использующее новые физические принципы. Доклады президенту, когда нервный и мнительный Лабазов торопил его с пуском заводов по производству антиракет.

Лемехов появлялся везде, с медвежьей грацией пронося своё большое тело сквозь цеха и лаборатории, садился в салон самолёта, где шло совещание, а внизу среди ночной Сибири краснели факелы нефтяных месторождений. И среди этой крошечной работы, иногда на грани яви и сна, в душе его открывалось таинственное пространство, где веяли неясные, пугающие своей странностью переживания. Они говорили о существовании иной жизни, иного предназначения. Того, о котором он, скорее всего, никогда не узнает. Так смотришь в звёздное небо, в бездонные колодцы с туманностями, к которым стремится душа, и начинаешь сходить с ума, и отводишь глаза, чтобы сохранить разум.

Сегодня Лемехов находился на заводе ракетных двигателей, на московской окраине, когда-то заводской и рабочей. Теперь вокруг завода толпились супермаркеты и развлекательные центры, похожие на фантастические грибы и разноцветные пузыри. Люди наполняли эти храмы торговли, неутолимо и алчно вкушая, приобретая и поглощая. Они уже не стремились в Космос, не изумлялись космическому чуду Гагарина. К чуду можно было прикоснуться руками, купить за деньги, положить в нарядный пакет, в душистом салоне иномарки увезти в особняк.

Лемехов на заводе созерцал не мнимую целлюлоидную красоту, а подлинную мощь и величие. В окружении свиты министерских чиновников, конструкторов, инженеров посреди огромного цеха с лучистыми стальными пролетами он осматривал двигатель для новой сверхмощной ракеты. Ракета создавалась для "Лунного проекта", который после долгого перерыва возобновляла Россия. На подмосковных заводах уже был изготовлен "лунный город", состоящий из жилых, боевых и исследовательских модулей. Уже прошли испытания дальнобойные лазеры, способные поражать атакующие ракеты противника, испепелять морские и наземные цели. Уже был построен те-

лескоп, фиксирующий метеориты, и пусковая установка, отправляющая к опасному болиду ядерный заряд. “Лунный проект” создавался сотнями заводов, конструкторских бюро и научных центров. Всё громадное множество предприятий, полигонов и академических институтов билось в конвульсиях, задыхалось, вырывалось из графиков, распалось. Лемехов, намотав на запрястья ременные вожжи, управлял этой бешеной квадригой, сплетая с ремнями свои рвущиеся сухожилия.

— Какая красота, Денис Митрофанович, — обращался Лемехов к директору завода, любуясь двигателем. — Это просто шедевр!

Директор польщенно улыбался. Двигатель возвышался на подиуме, словно это была скульптура. Составленный из множества деталей, в изгибах, цилиндрах, трубках, он, как и всё совершенное, достигал удивительной простоты. Так поэтическая мысль сочетает нерасторжимо множество переживаний и чувств.

Тело двигателя, созданное из тугоплавких металлов, напоминало сияющее светило. Трубы, большие и малые, свивались в жгуты. Они были похожи на аорты, окружавшие сердце. Хрупкие, сложно изогнутые сосуды, оплетавшие цилиндры и сферы, были подобны лианам, вьющимся по стальному дереву. Поворотные сопла были как чаши и кубки для бесцветной кипящей плазмы. В голубоватых отливах, безмолвный и неподвижный, двигатель таил в себе чудовищную силу. Ревущий огонь. Свист газа. Дрожанье земли и неба, когда ракета на слепящих лучах, словно громадная колокольня, покидает старт и уходит в пустоту, развесив над лесами невесомые звоны.

Двигатель, стоящий в цеху, был подготовлен к испытаниям. Другой, подобный ему, уже погрузили в бетонный бункер. Команда инженеров на испытательном стенде ждала Лемехова, чтобы начать испытание.

— Через полгода мы должны иметь шесть таких двигателей, Денис Митрофанович. Будем иметь? — обратился Лемехов к директору, который ревниво и трепетно демонстрировал своё детище.

— Будем, Евгений Константинович, — директор был невысокий, плотный, с упрямым бобриком, в рубаше с расстёгнутым воротом и неловко повязанным галстуком. Он чем-то напоминал дрессировщика, измотанного непокорным зверем. Этот зверь стоял перед ним послушный, смиренный, но в любую минуту мог взъяриться, ринуться с рыком на своего повелителя. — Будет трудно, Евгений Константинович, но двигатели построим.

Они стояли в стерильном цеху в белых халатах и бахилах. Свита Лемехова состояла из чиновников министерства и космического ведомства, из офицеров космических войск. Ему сопутствовал неизменный заместитель Леонид Яковлевич Двудлистиков. Он держал записную книжицу, делал пометки, преданно заглядывая в глаза начальнику. Завод представляли директор, начальник цеха, конструкторы КБ. Чуть поодаль стояли рабочие, с любопытством поглядывая на высоких руководителей.

Среди заводских представителей Лемехов обратил внимание на худого стройного человека с увядающим красивым лицом. На лице его лежала тень утомления, какая бывает у тех, кто одержим тайной, снedaющей их страстью. Прямой тонкий нос, мягкие, чуть капризные губы, яркие голубые глаза неправдоподобного василькового цвета, будто на радужку наложили синие линзы. Лемехов обратил на него мимолётное внимание, как на нечто чужеродное и тревожащее. Но тут же забыл, повернувшись к директору:

— Американцы успешно испытали дальнoбойный лазер, который можно разместить на орбите. Этот лазер станет держать под прицелом наши лунные установки, но мы их разместим под лунной поверхностью, и они будут неуязвимы.

— Чтобы успеть с шестью двигателями, нам нужна помощь, Евгений Константинович. Самарский завод задерживает узлы, а Воронеж поставил бракованные комплектующие. Нам нужна ещё одна станочная линия. Мы нашли в Японии подходящие станки, но нам отказали в дополнительном финансировании.

— Это кто отказал? Опять Саватеев? Он что, саботирует? — возмущился Лемехов. — Он что, американский агент? Напомните мне, Леонид Яковлевич, — обратился он к Двудлистикову. — Пора ему башку оторвать.

— Оторвите, Евгений Константинович, — заместитель ударял в книжницу золочёной ручкой, делая пометку, преданно глядя на Лемехова.

— За вашей работой, Денис Митрофанович, лично следит президент. Сейчас, когда мы испытываем двигатель, я доложу ему о результатах. Он просит сделать всё, чтобы серия из шести двигателей вышла с завода в срок. Это имеет не только оборонное, но и политическое значение. Когда президент поедет в Лондон на совещание “восьмёрки”, продвижение “лунного проекта” будет козырем в переговорах с американцами.

— Передайте президенту, что мы чувствуем его заботу. Заказ государства не будет сорван.

— Спасибо.

Лемехов с благодарностью взглянул на директора. Этот коренастый, небрежно одетый человек был из плеяды новых директоров, сменивших утомлённых старцев, по которым пришёлся чудовищный удар перемен. Разрушенные заводы, разворованные станки, разбегающиеся, проклинаящие начальство рабочие — всё это постигло директорский корпус, руководивший индустрией Советов. “Красные директора” ошалело взирали на убийство страны, но быстро опомнились после её насильственной смерти: набросились на бесхозное богатство, прибирали к рукам, продавали за бесценок, расхищали запасы драгоценных металлов. Кто строил особняки в реликтовых подмосковных лесах, кто навсегда укатил за границу. Когда мало-помалу стала подниматься промышленность, им на смену, бог весть откуда, появились дееспособные люди. Стали оживлять мертвеца. Так сбегаясь к захлебнувшемуся в воде умельцы, делают “искусственное дыхание”, вдувают в слипшиеся лёгкие воздух, бьют в грудь, сгибают, что есть мочи, конечно, пока утопленник ни сделает булькающий вдох, и его ни начнёт рвать мутной жижей.

Таким был этот директор, создающий уникальный двигатель. Лемехов и сам был из тех, кто за волосы тянул из омыта утонувшую индустрию, ставил на ноги рухнувшую страну.

— Наш президент дал нам задание. Не только нам, оборонщикам, но и всему народу: в кратчайший срок преодолеть двадцатилетнее отставание. Перепрыгнуть яму, которую вырыли нам либералы. Успеть до начала крупного военного конфликта восстановить оборону, оснастить армию сверхсовременным оружием. Если нет, то нас сомят, как сказал Сталин. Он-то знал, что до начала войны остаются считанные годы. Тогда Советский Союз дни и ночи строил танки, отливал орудия, запускал самолёты. Это был гигантский рывок, ведущий к Победе. Сейчас мы должны повторить этот тигринный бросок. Не догонять Запад, а, как тигр, срезать угол, выйти наперез и оказаться впереди.

Лемехов сделал резкий взмах рукой, и ему показалось, что двигатель, как стальной тигр, готов к броску.

— Президент делает всё для восстановления оборонного комплекса. Лучшие станки — пожалуйста. Финансирование научных разработок — пожалуйста! Зарплаты рабочим — пожалуйста! Мы должны оправдать доверие президента. Опасность велика. Враг силен. Его военная техника превосходна, она грозит нам уничтожением. Сейчас, здесь, в этом цеху, решается исход будущей войны. Этот двигатель — двигатель Победы!

Двигатель, сияющий и безмолвный, отражал яркие лампы, и казалось, он весь покрыт множеством глаз, которые, не мигая, смотрят на Лемехова. Так идол в своём величии воспринимает жреческие восхваления.

— Кончилось время, когда музыку в стране заказывали банковские менялы и адвокатишки, едкие журналистишки и телевизионные куртизанки. Теперь марши играем мы, технократы. У нас миллиарды рублей, интеллект, понимание мировых проблем, судьбы Отечества. Нам президент доверил самое драгоценное: государство, народную судьбу, суть русской цивилизации. Мы — его гвардия, его боевой авангард. Для нас это высокая честь. Мы служим ему не за страх, а за совесть. Мы посвящаем стране свои таланты, свою творческую волю. Вверяем президенту нашу судьбу, как он вверил нам судьбу России. Мы видели, как его предали те, кто называет себя “креативным

классом". Все эти конторские служащие и мальчики из пиар-агентств, длинноногие секретарши и горбатые правозащитники, телевизионные стилисты из гейклубов. Они собрались на своём бесовском болоте и проклинали президента, угрожая ему смертью. Мы — гвардия президента Лабазова, его "креативный класс". Мы изобретаем и строим невиданные машины. Мы создаём новые технологии. Мы сооружаем грандиозную машину нового российского государства. Так будем же достойны своей исторической миссии. Здесь, на вашем великолепном заводе, запуская этот чудесный двигатель, мы утверждаем нашу историческую волю, нашу гвардейскую непобедимость.

Его слушали с одобрением. Лицо директора стало суровым. Рабочие кивали.

— Но главный наш враг — это апатия, поселившееся в народе уныние. Это глубокая печаль, которую переживает русский народ. Удар, который ему нанесли, оглушил его, и по сей день народ, словно в обмороке. Его руки отвыкли работать. Его слух не воспринимает проповеди. Его душа омертвела. Он равнодушен к оскорблениям, которыми его осыпают. Как разбудить народ? Как вернуть ему веру? Как вдохновить его на великие труды и свершения?

Лемехов оглядывался, словно ожидая услышать ответное слово, которым можно разбудить опоенный зельями народ.

Они покинули цех и переместились в испытательный центр, где в бункере находился двигатель.

Испытательный центр — саркофаг из бетона и стали, способный удерживать в своей оболочке огненный взрыв. В озарённом зале перед мониторами сидят испытатели в белых халатах. Они следят за разноцветными всплесками электронных синусоид. Двигатель, помещённый в бункер, закупорен в бетонный кокон. Его изображение туманится на экране. Голубовато-белый, перевитый сосудами, с волнистой пуговицей, он напоминает эмбрион, притихший в утробе, окружённый сиянием в чуть заметном трепете, в легчайших дрожаниях.

Лемехова усадили перед экраном, и он смотрел, как тихо дышит нерождённый младенец. Испытания должны были подтвердить, что двигатель может выводить в Космос тяжёлые ракеты. Способность титановых и стальных сочленений выдержать чудовищное давление и адское пламя, готовность развивать тягу, достаточную для стратегического превосходства над противником, — всё это нужно было выяснять в ходе испытаний. "Лунный проект", дальнобойные лазеры, громадные телескопы, углублённые в лунный грунт лаборатории — существование всего этого зависело от испытаний двигателя. Новый пояс космической обороны, неуязвимый для ракет и лазерных пушек врага, разрушал агрессивные планы противника, сберегая для России ещё одно десятилетие мира.

Маткой, в которой созрел сияющий эмбрион, был не бетонный бункер, не завод, не город, а громадный клокочущий мир, перепаханный войнами и "цветными революциями". Его рождения ожидали американские авианосцы в Тирренском море, арабские толпы, заливающие кровью площадь Тахрир, китайские дивизии, проводящие маневры у берегов Амура. Его ожидали вражеские разведки, следящие с орбит за русскими космодромами, внедряющие агентов в российские КБ и на заводы. Его ждали генералы генштаба, строители лунных городов и расчёты лазерных орудий. Его ждал президент Лабазов, включённый в мучительное, с неясным исходом состязание, поражение в котором означало его личную смерть и смерть государства. Его рождения ждал Лемехов. Своей жаркой животворной энергией он возвращал этот стальной эмбрион.

— Евгений Константинович, прикажете начинать? — наклонился к нему директор. Бледный от волнения, он был акушером, ожидавшим трудных родов.

Лемехов кивнул. В динамике металлический голос начал обратный отсчёт: — Десять, девять, восемь...

Лемехов жадно следил за процессом. Рождался не просто двигатель. Рождалась новая космическая эра России. Остановленная злой волей, опрокинутая в хаос, Россия вновь подтверждала своё космическое бытие. Рвалась

в беспредельность, в которой народ угадывал своё ослепительное будущее, свою несказанную мечту.

Автоматика выводила двигатель на предельный режим. Бункер казался мартоном, в котором кипела сталь. В белой плазме возникали радужные кольца, словно расцветал волшебный цветок. Лепестки его опадали, вновь кипел огонь, и двигатель казался метеоритом, заключённым в пылающую сферу.

— Есть! Параметры в норме! Тяга в норме! — воскликнул директор. И все повскакивали с мест, обнимались, целовали друг друга. Пламя в бункере меркло. Краснел раскалённый бетон. Двигатель остывал — серебряный, нежный, словно младенец в купели.

Лемехов пожимал испытателям руки. Поздравлял директора, инженеров, конструкторов. Глаза у директора были влажные.

Глава вторая

Здесь, на краю парка с последней жёлтой листвой, стояла церковь, ажурная и высокая, какие строились в старинных дворянских усадьбах. От усадьбы сохранился парк с художочной аллеей и храм с кирпичной оградой. У ворот под дождём, накрывшись клеёнками, сидели нищие. В церкви находилась икона Божьей матери “Державная”, сложенная из драгоценной мозаики. Лемехов однажды заглянул в этот храм, восхитился иконой, пережил подле неё благодатное чувство. Теперь ему вновь захотелось увидеть икону.

Церковь была пустынной и сумрачной. Несколько прихожан стояли в сумраке, безмолвно молились. Тускло золотился иконостас. Огоньки свечей редко отражались в подсвечниках. Лемехов перекрестился, ступил в храм. Из тёмной стены, из мрака брызнули на него бриллиантовые лучи, драгоценно сверкнула икона. Богородица в алом облачении, среди золота и лазури, царственно восседала на троне. Младенец словно парил перед ней. Икона переливалась и трепетала. В ней блуждали разноцветные волны света. Казалось, она была обрызгана волшебной росой.

Лемехов потянулся к иконе. Беспшумно подошёл охранник, протянул свечу. Лемехов выбрал на подсвечнике догоравший огарок, зажгёт от него свечу и вставил черенок в тесное гнездо. Нежное пламя отразилось в иконе, и казалось, Богородица приняла в свою руку зажжённую свечку.

Лемехов приблизился к иконе, поцеловал, прижался лбом. Почувствовал, как икона благоухает. Такое душистое тепло исходит из палисадника, где цветёт сирень. Казалось, за иконой существует таинственное пространство, полное цветов. Если совершить молитвенное усилие, можно войти и оказаться в райском саду.

“Державная” была хранильницей государства, попечительницей русских государственныхников, к которым причислял себя Лемехов. Целуя бриллиантовые лучи, он помолился о судьбе страны, как это делают во время богослужений. Помолится об инженерах и конструкторах и об оборонной мощи, которую они создавали. Об успешных испытаниях двигателей, о которых надлежало доложить президенту. О “Лунном проекте”, непомерном в своей сложности и величии. О стратегической подводной лодке, которая скоро сойдёт на воду в Северодвинске. О “подводном старте”, откуда прынет ввысь новая баллистическая ракета, способная прорвать американскую оборону.

Постепенно молитвы его отвлеклись от этих грозных и тревожных забот. Бриллиантовые лучи напомнили ему бриллиантик в мамином золотом кольце: он в детстве брал в свои маленькие руки её большую тёплую руку и рассматривал кольцо. Теперь её рука, её милое дорогое лицо, её каштановые волосы были покрыты землёй, из которой вырастал тихий могильный цветок. Чувствуя нежную печаль, Лемехов думал о маме, молился о ней. Хотел, чтобы она его услышала в тех небесных аллеях, по которым сейчас гуляла.

Он подумал об отце, о его пижаке с орденом, о шёлковом галстуке, о вкусном запахе одеколона. Специалист по Африке, отец пропал без вести то ли в Ангольских саваннах, то ли в Мозамбике, на берегах Лимпопо. Те-

перь его безвестная могила среди африканских холмов томила Лемехова своей недоступностью, мучительной сыновей нежностью.

Свеча отражалась в иконе, словно Богородица держала её в перстах. Отражение свечи напоминало золотую дорожку на озёрной ночной воде. В свой медовый месяц в Карелии они вместе с женой смотрели в оконце. Прекрасная луна — “царица ночи”, как говорила жена, — пылала над туманными лесами. Рыбачий челнок чёрной стрелкой пересёк лунную дорожку. Теперь, после нервного потрясения, жена несколько лет находилась в психиатрической клинике. Навещая её, он видел седую голову, пустые глаза, голые ноги в синих венозных узорах. Лемехов молился о жене, каялся перед ней, мысленно посылая ей в больницу отражённую в иконе свечу.

Его блуждающие мысли, исполненные любви и печали, вдруг собрались в страстный молитвенный порыв. В этом порыве не было просьбы, жалобы или мольбы о собственном благе. Была благодарность и любовь к Богу, ведающему о нём, знающему каждую его мысль, сотворившему его для какой-то Ему Одному ведомой цели. Эта молитва была, как стремительный взлёт. Душа взмыла в беспредельную высь, коснулась пылающей белизны, слилась с ней, а потом вернулась на землю, принесла ликующее счастье.

Лемехов отступал от иконы, но она не отпускала его из своих бриллиантовых объятий.

Глава третья

Лемехов был приглашён в Кремль на приём к президенту. Машина вырвалась из туманных, в тусклых блёстках городских улиц, свернула с Каменного моста к Троицкой башне. Мимо постового, отдавшего честь, скользнула в ворота и оказалась среди синих елей, золотых куполов и белых соборов. Шёл дождь. Брусчатка Ивановской площади блестела, словно площадь намазали черной икрой. Дворцы с отложными воротниками наличников мутно желтели. Купола Успенского собора были похожи на мокрые золотые облака.

С самого детства Кремль вызывал у Лемехова робость и благоговение, словно здесь скопились загадочные сказочные силы, волновавшие и возвышавшие душу. И теперь, выходя из машины, он чувствовал эту незримую силу, которая сладко влекла и одновременно пугала. Кремлёвские соборы и башни присутствовали в его глубинной памяти, словно достались ему от рождения, были переданы по наследству.

Аудиенция предполагалась в библиотеке. При входе Лемехова встретил генерал ФСО Дробинник, из числа особо приближённых, кому президент Лабазов доверял самые деликатные поручения. Генерал был сух, с бледным узким лицом, которое пересекало шрам, словно полоснули клинком. Глаза у генерала были светлые и прозрачные, с тёмными точками жестокости, какие бывают у снайперов. Дробинник вошёл в доверие к президенту, когда в период второй Чеченской войны предотвратил покушение на Лабазова. Он сам участвовал в ликвидации заговорщиков и был ранен.

Он относился к Лемехову с внешней симпатией, за которой скрывалось холодное недоверие. Он и с другими соблюдал дистанцию, позволявшую молниеносно применять холодное и огнестрельное оружие.

Они пожали друг другу руки, и Дробинник проводил Лемехова в библиотеку.

— Какое настроение у президента, Пётр Тихонович? — Лемехов оглядывал овальную комнату, уставленную шкафами, где за стёклами блестели золотом кожаные переплёты подарочных изданий. На шкафах стояли фарфоровые и стеклянные вазы. Ещё одна дверь с тёмным, непрозрачным стеклом вела в соседнюю комнату. — В каком расположении духа пребывает Юрий Ильич?

Вопрос не был простой данью вежливости. Ходили слухи, что президент нездоров. Он долго не появлялся на людях, отчего множилось разногласие о его серьёзном недуге. О преемнике, которого пора показать общественности.

— Президент бодр. Мы сегодня долго тренировались в спортивном зале. И даже схватились в борьбе. Его броску позавидовал бы олимпийский чемпион.

— Его броски и подсечки хорошо известны мировым политикам. Особенно в Госдепе.

Лемехов и Дробинник послали друг другу два зашифрованных сообщения: запрос Лемехова о здоровье президента Лабазова и ответ Дробинника, в котором тот просил не беспокоиться по этому поводу.

— А вы, Евгений Константинович, ездили на охоту? — спросил Дробинник, зная об охотничьей страсти Лемехова. Он и сам был ружейный охотник.

— Да нет, не пришлось. Всё дела, дела. Вот сейчас лечу на север. Там обещали медведя. А вы поохотились?

— Вы же знаете, Юрий Ильич не любит охоту. Не то, что первый президент. Юрий Ильич любит рыбалку. А какой я рыбак? Так, из вежливости спиннинг бросаю.

— Благодарите Бога, что Юрий Ильич не коллекционирует бабочек. А то бы вам пришлось завести сачок.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Прозрачные глаза генерала дрожали от смеха, но чёрные точки оставались неподвижными.

Генерал чутко замер, как обладающий повышенным слухом зверь, словно уловил скрытый шорох. Поспешно вышел. И через минуту в библиотеке появился президент Юрий Ильич Лабазов.

Он двигался своей строевой офицерской походкой, выражавшей целеустремлённость и непоколебимую волю. Эту походку он демонстрировал в публичных местах, будь то кремлёвский дворец или дипломатический раут. Это был своеобразный балет, за которым следили обожающие дамы, мнительные чиновники и проницательные журналисты.

Однако теперь эта бодрость и лёгкость шага давались президенту с трудом. Лемехов видел, как при каждом шаге Лабазов чуть прищуривает глаза, словно преодолевает боль. Его лицо было бледным, виски ввалились, и на них проступили болезненные синие жилки. Он протянул Лемехову узкую ладонь и тут же отдернул её, словно боялся, что Лемехов, касаясь руки, как хиромант, догадается о его нездоровье.

— Как прошли испытания двигателя? — раздражённо, словно ожидая дурной вести, спросил Лабазов.

— Отлично, Юрий Ильич. По всем параметрам превзошел американцев. Теперь у России есть лучшая в мире тяжёлая ракета. Считайте, что мы на Луне.

— Рад, — глаза Лабазова торжествующе блеснули. — Передайте коллективу мои поздравления. Скажите, будут ордена, будут премии.

На скулах Лабазова выступили маленькие розовые пятна, как райские яблочки.

— “Лунный проект” переводит Россию на новый цивилизационный уровень. “Лунный проект” — это обещание, которое я дал народу, и я сдержу его.

— Сейчас, Юрий Ильич, мы спустим на воду ещё одну лодку и проведём испытания “подводного старта”. Тогда в Вашингтоне сменят тон.

— Поезжайте на спуск лодки и на ракетные стрельбы. Мне нужны хорошие новости. Вы, Евгений Константинович, всегда приносите хорошие новости.

Бесшумно, как кошка, возник Дробинник:

— Пришёл Семён Владимирович Братков. Вы ему назначали. Пусть пождёт или может войти?

— Пусть войдёт, — Лабазов махнул рукой в сторону стеклянной двери, делая останавливающий жест.

Братков был владельцем нескольких крупнейших холдингов, которые добывали нефть, варили сталь, строили олимпийские стадионы, скупали землю в чернозёмной зоне. Он слыл закадычным другом президента с тех пор, когда тот, ещё никому не известный военный, возводил неказистый домик в садовом товариществе. Братков помогал ему строиться, ловил с ним рыбу в озере, давал в долг. Он сопутствовал Лабазову в его стремительном возвышении, получая от друга привилегии, которые сделали его одним из самых богатых людей России.

Братков влетел в библиотеку, как упругий, туго надутый мяч. Маленький, плотный, с коротким седым “бобриком”, весёлыми глазами на коричневом от океанского загара лице. Казалось, его кто-то крепко пнул. Пробив дверь, он внёс в комнату звон удара и сейчас станет отскакивать от стен и потолка, пока ни иссякнет энергия толчка.

— Здравствуй, Юра, — кинулся он обниматься с Лабазовым. — Ну, как самочувствие? Ничего, ничего, молодцом. Сколько можно тебя уговаривать? Плюнь ты на всё, поедем со мной на Карибы. Остров назвал твоим именем — Юрьев остров. Дворец, порт, яхта. Поймаем тунца на полцентнера. Мулатки. Отдохнёшь недельку от своих чумных забот, — он обнимал Лабазова за плечи, заглядывая в глаза, словно хотел убедиться, здоров ли тот, в силах ли их дружба.

— Ты чего хотел? — сухо спросил Лабазов, освобождаясь от объятий друга.

— К тебе не пробьёшься. Твой Дробинник — как овчарка. Ты ему скажи, чтобы своих пропускал и не лаял.

— Много работы. Времени нет совсем. Ты чего хотел-то?

— Смотри-ка, что я тебе подарю, — Братков полез в карман и вытащил большое золотое яйцо, усыпанное алмазами. Протянул Лабазову. Тот принял, рассматривая его без особого интереса. Казалось, подарок был ему неприятен.

— А ты раскрой, раскрой яичко! Вот здесь кнопочка.

Он помог Лабазову найти кнопочку, нажал. Яйцо растворилось, превращаясь в цветок лилии. В сердцевине цветка открылась изящная танцовщица, золотая балерина, которая стала кружиться, плескать ногами.

— Узнаёшь? — радостно хохотал Братков. — Специально для тебя изготовили.

Лабазов поморщился. Это был намёк на его затянувшуюся связь с красавицей балериной, о чем судачил весь интернет, упрекая президента в распутстве.

Лабазов закрыл яйцо и небрежно положил на стол:

— О чем ты пришёл просить?

— Пустяк, не стал бы тебя беспокоить. Хочу купить нефтеперегонный завод в Беларуси. С “батькой” договорился, уломал. Он упёртый, цену заламывал, но вроде бы сговорились. И вдруг отбой. Что такое? Оказывается, наш-то друг закадычный, Вещий Олег, Олежка наш лупоглазый, у которого zenки алюминиевые, договорился за моей спиной с “батькой”. За ту же цену. Но на тебя ссылался, дескать, ты заинтересован в покупке. И “батька”, который от тебя очередной кредит ожидает, переиграл сделку в пользу Олежки. Так я о чём прошу: ты цыкни на лупоглазого, чтобы не щеголял твоим именем. Он, где надо, дружбой твоей щеголяет, а в других местах кроет тебя почём зря... — Братков возмущался вероломством бывшего друга, стараясь заразить Лабазова своим возмущением. — Он ведь, знаешь, о чём, подлец, говорит? Что ты его избрал своим преемником. Что, дескать, ты устал, хочешь уйти из Кремля. Уехать со своей балериной куда-нибудь в Альпы и там кататься на лыжах, любоваться ледниками, озёрами. Балерина будет танцевать для тебя босиком на альпийских цветах.

Братков воздел руку, изображая танцовщицу, но не подпрыгнул, не ударил ножкой о ножку, а тронул Лабазова за рукав:

— Юра, поговори с лупоглазым. Он ведь предатель. Мне этот заводик позарез нужен, а ему соликамского калия хватит. Он — Иуда, а я твой верный друг.

Лабазов сбросил с рукава пятерню Браткова, отряхнул пиджак, словно на нём осталось пятно.

— Он предатель, а ты, Семён, мой верный друг? — глаза Лабазова превратились в узкие щели, в которых исчезли зрачки. Губы растянулись в волчьей улыбке, предвещающая вспышку гнева. И Братков, зная эти приступы бешенства, повернулся к Лабазову боком, подставляя плечо под жестокий укус.

— Ты говоришь, что безмерно мне предан? Но разве не ты тайно финансируешь телеканал “Золотой дождь”, где меня называют фашистом и людоедом?

— Побойся Бога, Юра! Это клевета! Это Лупоглазый марает меня, вбивает клин в нашу дружбу.

— Молчать! — тихо, с сильным свистом в горле произнёс Лабазов, — А разве не ты тайно посылаешь деньги всей этой “болотной” сволочи, чтобы они устраивали свои собачьи марши и вешали моё чучело, будто я — нюрнбергский преступник?

— Да что ты! Да Господи! Да это враги! Если не Лупоглазый, то Железнодорожник! Он со своими “Сапсанами” совсем очумел. Он говорит, что ты его выбрал преемником.

— Молчать! — губы Лабазова побелели, и его длинная улыбка стала ещё страшнее, — А разве не ты подкармливаешь сайты, на которых распространяются обо мне всякие гадости? Будто бы я зазываю к себе в резиденцию балерны, и они танцуют передо мною голые; что я держу в клетках маленьких птичек, ощипываю их заживо и наслаждаюсь их писком, их мучениями; что у меня рак в последней стадии, я едва хожу и скоро уйду из Кремля... Не твоих рук дело?

Гнев Лабазова вдруг иссяк и свернулся, как сворачивается молоко. Сменился больной усталостью, жалобной укоризной:

— Как вы меня обманули! Вы были мелкими офицериками, жалкими цеховиками, жуликоватыми клерками. Я дал вам всё: русскую нефть и газ, русский никель и алюминий, русскую сталь и чернозём. Я передал вам русские железные дороги и порты, русское золото и алмазы. Я хотел, чтобы вы стали опорой государства, руководили промышленностью, определяли политический процесс. Вместо этого вы вывезли все ценности за границу, вывели свои миллиарды в оффшоры, купили острова на Карибах, дворцы в Эмиратах, футбольные клубы в Испании и Англии. И теперь интригуете против меня, примериваете на себя Кремль, рвётесь в наследники. Вы, дикие алчные ничтожества, разорвёте Россию на части. Если я исчезну, вы устроите гигантскую бойню, потопите Россию в крови. Вы привозите в Россию то Благодатный огонь из Иерусалима, то Пояс Богородицы с Афона, но вы несёте в Россию гибель. И некому вам сказать: “Покайтесь, ехидны!” Некому отрубить ваши ядовитые щупальца! — Лабазов осунулся, пожелтел. Лицо его будто усохло и постарело. Виски ввалились, и на них мучительно запульсировали синие жилки. Он выглядел больным и беспомощным. И это приободрило Браткова, вернуло ему смелость и упрямую наглость:

— Ты ведь тоже хорош, не белым пушком покрыт. Каждая третья капелька нефти, которая из России течёт, кому в карман капает? С каждого самолёта, с каждой ракеты и пушки кому “оборонный процент” поступает? Мы по твоему приказу самых козырных тузов из нашей колоды выкинули. Один в Лондоне под камнем лежит, другой в зоне баланды всласть нахлебался. А их-то бизнес к кому перешёл?

Братков блеснул белыми вставными зубами. Наслаждался видом немощного Лабазова, из которого, казалось, истекает жизнь.

— Вон! — прошептал Лабазов, хватая себя за кадык. Набрал в грудь воздух и шумным, свистящим шёпотом повторил: — Вон! — Жадно хлебнул воздуха, проталкивая сквозь горло мешающий кляп, и дико, выпучивая глаза, краснея от хлынувшего гнева, закричал: — Вон отсюда!

Братков сжался, превратился в упругий мяч и вынесся из комнаты. Вслед ему полетело и ударилось о дверь яйцо с бриллиантами. Из расколотого яйца вышла золотая балерина. Она шевелилась на полу, дергала ногами, тянула руки, похожая на раздавленную жужелицу.

Лемехов тайлся в укрытии, не понимая, зачем Лабазов сделал его свидетелем этих безобразных пререканий, открыл подноготную отношений со своим приближённым кругом.

Он уже вновь собирался вернуться в библиотеку, но возник генерал Дробинник и доложил:

— Юрий Ильич, в приёмной ждёт Орех Владлен Леонидович. Прикажете подождать?

— Зови, — Лабазов ногой заталкивал под диван шевелящуюся балерину.

Орех появился в туго застёгнутом чёрном пиджаке, в тёмном галстуке, с аккуратной папочкой в руках. Он был лыс, с тонкими белесыми волосами, зачёсанными от уха до уха, не скрывавшими, впрочем, розовую кожу черепа. В его движениях была осторожность и зыбкость, позволявшая мгновенно откликаться на волю руководителя. Так чуткая морская водоросль реагирует на проплывающую рыбу.

Орех был заместителем главы Администрации, отвечал за внутреннюю политику, за общественные проекты и избирательные кампании. Сейчас ему поручили создать новое общественное движение в поддержку президента. Популярность Лабазова заметно таяла, а правящая партия всё больше теряла доверие народа.

— Ну, как, Владлен Леонидович, идёт созидание нового храма? Какая архитектура? Какой строительный материал? — Лабазов не без труда сбросил остатки гнева и казался приветливым и весёлым. — Ведь вы знаменитый каменщик, не так ли?

— Уж вы скажете, Юрий Ильич! Разве я масон какой-нибудь! — живо откликнулся на шутку Орех.

— Я имел в виду, что вы каменщик, который не разбрасывает камни, а собирает. И что вы там насобирали? — Лабазов усадил Ореха за овальный стол из карельской березы, сам присел рядом. — Что вы там надумали?

Орех раскрыл заветную папочку, извлёк несколько листков.

— Вот, Юрий Ильич, план мероприятия. — Орех робел, предъявляя на суд начальника своё творение, — Во-первых, мы решили назвать наше общественное движение “Народным ополчением”. Это будет ополчение в защиту президента, как в своё время действовали Минин и Пожарский. Идём освобождать Москву, да и всю Россию от либеральных захватчиков. Как вы, Юрий Ильич, утверждаете “Народное ополчение”?

— А что, хорошее название, — одобрительно кивнул Лабазов.

— Тогда пункт второй, — Орех осмелел, расправил плечи, голос его звучал твёрже. — Народ собирается на Красной площади, у памятника Минину и Пожарскому, и пятью колоннами идёт к Манежу. У каждой колонны свой лидер. Ну, там, известный артист или врач, или олимпийский чемпион, или телеведущий. Все идут к Манежу, несут гербы городов. Как воинство со щитами и знаменами с изображениями львов, орлов, горностаев, оленей...

— Орех там не изображён? — мило пошутил Лабазов.

— Ну нет, на гербах нет ореха. — Орех совсем осмелел от шутки Президента. — Рассказываю дальше. С песнями, скандируя: “Лабазов! Лабазов!” все приближаются к Манежу.

Лицо Лабазова, минуту назад, выражавшее снисходительное одобрение, вдруг сморщилось. Его перекосила гримаса брезгливости и отвращения.

— Какая пошлость! Какая тупая безвкусица! Прокисший борщ! Протухшая рыба! За что мне такое?

Он отпихнул папку, и листки посыпались на пол. Орех растерянно дрожащими руками стал подбирать листки.

— О чём я вам говорил при нашей последней встрече? Мне не нужны бутафорские представления, какие устраивают в провинции на “День города”. Мне не нужна организация всё из тех же наёмников, перебегающих из партии в партию. Мне нужна “партия нового типа”! Мне нужен “орден меченосцев”! Мне нужны опричники и гвардейцы, — Лабазов метался по комнате, давая разбросанные по полу листки, едва ни наступая на пальцы Ореху. — Ступайте и больше не приходите ко мне со своими дурацкими проектами! Ненавижу козы орехи! — Лабазов произнёс это вслед убежавшему “ополченцу”, затаптывая оставшийся на полу листок. — Евгений Константинович, выходите из своего зазеркалья.

Лемехов вернулся в библиотеку, ошеломлённый тем, что видел и слышал. Лабазов умышленно сделал его свидетелем трех аудиенций.

— Теперь вы видели, кто меня окружает. Лысцы, предатели и идиоты. Нет людей! Пустыня! Вы один. Вы делаете дело, от которого зависит судьба государства. Я верю вам. Не обманите меня!

- Я вас не обману, не предам, Юрий Ильич.
- Вы моложе меня, сильнее. Я отношусь к вам, как к сыну.
- Надейтесь на меня, — взволнованно произнёс Лемехов, испытывая к Лабазову внезапное обожание.

— Я вас вызову позже!

Лемехов шёл через Ивановскую площадь среди белизны и туманного золота.

Глава четвёртая

В Северодвинске на заводе “Севмаш” готовились к торжеству: спускали на воду стратегическую подводную лодку новейшего класса “Борей”, которая резко усиливала мощь военно-морского флота, ослабленного в годы разрухи. Эта лодка несла в своих шахтах шестнадцать баллистических ракет, была способна пускать их из-под воды, проталкивать в огненную полынью сквозь полярные льды, послать шестнадцать чудовищных взрывов американским городам, преодолевая заслон враждебных антиракет.

Эта лодка была аргументом на переговорах с Америкой, касались ли эти переговоры проблемы Сирии или соблюдения прав человека в России. Эта лодка убеждала соперников в том, что права человека в России соблюдаются и что Сирия и впредь может чувствовать локоть России. Спуск лодки отслеживали все разведки мира, освещали военные аналитики всех крупных держав. Лемехов летел принимать это грозное оружие, плод непомерных усилий промышленности, науки и флота.

Он вылетал из “Внукова”, с правительственного терминала, где его поджидала свита чиновников, пул журналистов. Самолёт был готов к взлёту. Заместитель Двудлистиков делал краткий доклад, пока Лемехов в зале ожидания пил кофе.

— Академики, командующий флотом, представители Генерального штаба уже на верфи. Они вылетели из Петербурга своим бортом. У нас почти все в сборе. Не хватает одного человека.

Двудлистиков стоял у столика, слегка склонившись, и Лемехов не предлагал ему сесть. У Двудлистокова было вытянутое лицо с утиным носом, близко посаженные, пугливые глаза, хрящевидные, плотно прижатые уши. Иногда в моменты возбуждения от него начинал исходить острый уксусный запах. Зная за собой эту неприятность, он душился одеколоном. Двудлистиков был сокурсником Лемехова, когда оба учились в Дипломатической академии на факультете геополитики. Двудлистиков, провинциальный абитуриент из Самары, ещё на вступительных экзаменах преисполнился обожания к Лемехову, который помог ему написать сочинение. С тех пор он следовал за Лемеховым, как тень.

Он обожал в нём ум, великолепную внешность, лёгкость таланта, неизменность успеха, с которым тот преодолевал одну препону за другой. Лемехов позволял себя обожать, пользовался преданностью Двудлистокова, увлекал за собой в стремительный карьерный полёт. Так стальная игла прокалывает плотную ткань, продёргивая за собой мягкую нить. Их отношения не были дружбой, как нельзя назвать дружбой отношения берёзы и подберёзовика. Двудлистиков, как правило, называл Лемехова по имени-отчеству и лишь в редкие минуты воодушевления, во время фуршетов, чокаясь с ним, говорил ему: “Женя”.

— Все готовы, Евгений Константинович. Нет лишь одного человека.

— Кого?

— Верхоустина Игоря Петровича.

— Кстати, я просил вас, Леонид Яковлевич, навести о нём справки.

— Я навёл. Могу зачитать резюме.

Двудлистиков извлёк свой неизменный блокнотик с золотой ручкой, вставленной в кожаную петельку.

— Верхоустин Игорь Петрович, 1963 года рождения, русский. Имеет в роду священников. Кончил филологический факультет университета. Участвовал в фольклорных экспедициях на Север, где записывал русские песни. Работал на археологических раскопках в Новгороде, где искал берестяные

грамоты. Уехал в Америку и стажировался в Йельском университете на факультете социальной психологии. Вернувшись в Москву, работал в аппарате ЦК КПСС в идеологическом отделе. Участвовал в написании “Слова к народу”, которое называли манифестом ГКЧП. После ареста путчистов уехал в Мексику, где участвовал в конгрессе колдунов. Вернувшись в Россию, работал в пиар-агентстве, выполняя задания банков и корпораций. Прочитал несколько лекций в Академии ФСБ и в МИДе. Сейчас вольный художник, помогает устроителям выставок современного искусства.

Двулистиков закончил читать, сохраняя позу полупоклона.

— Странный пушкинист, — произнёс Лемехов, поднося ко рту чашечку кофе. И в этот момент в зал ожидания вошел Верхоустин, в плаще со следами дождя, с кожаным баулом на колесиках. На бледном лице странно, неправдоподобно светились его васильковые глаза.

— Слава Богу, не опоздал. Шофёр такси не сразу нашёл дорогу. Нечасто летаю правительственными рейсами. — Он пожимал Лемехову руку, и пожатые его были мягким, осторожным, словно он боялся боли.

Пригласили на посадку. Щеголеватый командир корабля перед трапом рапортовал Лемехову. Журналисты с аппаратурой и чиновники с портфелями разместились в основном салоне. А Лемехов и Верхоустин заняли место в переднем отсеке, отделанном кожей и дорогим деревом. Милая стюардесса постелила на столик крахмальную скатерть. Самолёт разбежался, звонко взлетел. Аэродром отпрянул вниз, и открылись тёмно-золотые осенние леса с затуманенными синими елями, тусклый блеск воды. Всё померкло, погрузилось в клубящиеся тучи, плеснувшие в иллюминатор длинные брызги. А потом сверкнуло солнце, и вся угрюмая холодная осень и гнетущий сумрак остались внизу, за непроглядной пеленой. Самолёт летел в прозрачном звоне, окруженный лазурью. На белом крыле переливался лучистый свет.

Стюардесса расставляла тарелки и хрусталь. Раскладывала приборы. Ставила блюда с черной и красной икрой, с ломтями рыбы и балыка. Наливала французский коньяк в хрустальные рюмки.

Они молчали, наслаждаясь легчайшим опьянением, будто кто-то провёл перед глазами нежной рукой, и всё стало ярче, отчетливей.

— Мы сейчас взлетали, и я подумал, какая мучительная красота в этих осенних русских лесах, в сырых полях, — произнёс Верхоустин. —словно твоя душа навеки покидает любимую землю. У нашего знаменитого художника Распевцева есть портрет Раушенбаха в период его болезни. Великий физик в больничном халате, с огромными измученными глазами летит над осенними рощами, седыми озерами, вьющимися дорогами. Расстаётся навек с этой прекрасной землёй. Распевцев словно знал, что Раушенбах скоро умрёт, и сделал его прощальный портрет.

Васильковые глаза Верхоустина были мечтательны и печальны. А Лемехов вдруг вспомнил свой недавний визит к президенту. Как в библиотеку слугители внесли портрет в золотой раме, где Лабазов красовался на фоне Медного всадника. И его лицо было исполнено надменного величия...

— Я только что видел картину Распевцева, на которой изображен президент. Слава Богу, его глаза не были измученными и больными.

— Я тоже не верю слухам о его здоровье. Хотя в одной компании, в узком кругу, я слышал, что будто бы по воле президента создаётся тайный проект под названием “Бессмертие”. Президент якобы серьёзно болен и ищет эликсир долголетия или бальзам бессмертия. К проекту привлечены лучшие биохимики, врачи, генетики, молекулярные биологи, специалисты по пересадке органов. Там работают создатели искусственного интеллекта, психологи, специалисты по образам. В проект приглашены богословы, шаманы, последователи Николая Фёдорова, знатоки волшебных технологий. Финансируют проект наши виднейшие олигархи. Кстати, об этом проекте рассказывал Семён Владимирович Братков, который, похоже, и сам участвует в его финансировании.

У Лемехова дрогнуло сердце. Верхоустин со своими младенчески синими глазами словно невзначай опять назвал человека, побывавшего в кремлёвской библиотеке. Это могло быть совпадением, но это совпадение пугало.

— Бессмертие нужно человеку, который осуществляет какой-нибудь громадный, длящийся бесконечно замысел, — Лемехов не обнаружил испуга. — Одной жизни такому человеку не хватит. И второй тоже не хватит. Такой, рассчитанный на вечность замысел осуществляет, должно быть, только Господь Бог. А наши олигархи, такие как Братков, хотят бесконечно вкушать экзотические яства, наслаждаться без устали женщинами, обзаводиться всё большим количеством яхт, машин, самолётов. Но для этого не стоит жить вечно. У президента Лабазова есть большой проект, и для его реализации не хватит одной жизни. Поэтому он ищет себе преемника. Но уж конечно не Браткова.

Верхоустин смотрел в иллюминатор, вёл глазами, и казалось, солнце перемещается за его взглядом. Вот оно проникло в салон и засверкало в хрустальной рюмке. Лемехову было больно смотреть на это сверкание.

— Мало кто из людей способен на большие проекты. Казалось бы, судьба даёт им такую возможность, но они уклоняются, бегут, занимаются пустяками. Один видный чиновник из Администрации президента, кому поручено заниматься внутренней политикой, признался мне, что его не интересует политика, а он всю жизнь, с самого детства коллекционирует фантики от конфет. И у него, должно быть, самая большая в мире коллекция фантиков.

— Как зовут чиновника? — замирая, спросил Лемехов.

— Владлен Леонидович Орех.

Они молчали. Солнце ушло из рюмки, и Верхоустин не пытался вернуть его обратно в хрусталь. Лемехов был подавлен. Странная связь обнаружилась между ним и сидящим напротив человеком. Эта связь была неявной, проявилась она в трёх странных совпадениях, словно Верхоустин каким-то чудесным образом присутствовал там, в кремлёвской библиотеке. Или имел дар ясновидения, о чём, возможно, говорили его странные голубые глаза, которыми он проникал в глубину чужого сознания.

— Россия тоскует по Большому проекту, — сказал Верхоустин. — Она заждалась Большого проекта. Русская история ищет для себя просторное русло, а её загалкивают в мутную заводь. Русская история попала в мутную заводь и ходит в ней по кругу. В этой заводи, где нет протоки, вода застоилась и заболотилась. В ней появилась тина и сине-зелёные водоросли. Уже три десятилетия Россия опутана сине-зелёными водорослями. В неё вцепились раки, жуки-плавунцы, ядовитые личинки. Россия ждёт, когда хлынет вольный поток. Русская история стремится найти широкое русло. — Верхоустин говорил спокойно, и его бледное сухое лицо казалось застенчивым, словно ему было неловко выступать в роли проповедника.

— Повторяю, у президента Лабазова есть Большой проект, — Лемехов изумлялся тому, что сидящий перед ним человек угадывает его скрытые мысли, что его пронизательные голубые глаза разглядели неясные тревоги и разочарования, которые Лемехов гасил в кромешных трудах. — Через час мы увидим, как на воду спускают изделие, переводящее Россию на новую цивилизацию.

— Россия сама — грандиозный корабль, севший на мель. Нужен огромный прилив, непомерная волна, чудовищный удар океана, чтобы Россия сошла с мели. Президент Лабазов чувствует необходимость Большого проекта, но у него не хватает воли. Слишком много душевных и физических сил он потратил на сиюминутные нужды. Слишком часто он упивался властью, играл в неё, используя для исполнения личных капризов. Властью невозможно играть. Она не терпит игры. Она ускользает из рук тех, кто в неё играет. И тогда незадачливый игрок слышит, как в кремлёвские ворота ломаются заговорщики. Он слышит ропот бунта. На него со всех сторон смотрят глаза предателей. И эти глаза ищут, где у него на шее бьётся синяя жилка, чтобы перерезать её.

— Вы говорите так, словно всю жизнь изучали природу власти, — Лемехов чувствовал исходящую от Верхоустина опасность. Эта опасность таилась в синих глазах, одиноко сиявших на бесцветном лице. Эти глаза только что водили солнце, заманили светило в салон самолёта, заключили в хрустальную ловушку. Теперь эти глаза вели его, Лемехова, и он слабо сопротивлялся.

— У меня был в жизни период, когда краткое время я работал референтом идеологического отдела ЦК. С этого скромного места мне открывалась вся картина последней советской схватки. Я видел людей, которые участвовали в схватке. Я помогал тем, кто старался сохранить государство. Я написал им бумагу, которую потом называли историческим манифестом, предвестником путча. Это был переломный момент. Кончился один Большой проект, и Россия нуждалась в другом, не менее великом, чем прежний. Русская история упёрлась в плотину и искала для себя свободное русло. Искала человека, который вместил бы в себя всю мощь исторического потока. Мне казалось, что среди членов ГКЧП есть такой человек, обладающий исторической волей, что его избрала история. Но я ошибся. Среди последних советских вождей не нашлось такого, в ком история обрела бы свой путь к океану. И она хлынула в мелкие, протоки, которые вели в болото. Горбачёв и Ельцин — это мнимые русла русской истории, которые привели её в гнилую заводь.

— А президент Лабазов?

— Казалось, что в нём русский поток обрёл, наконец, свой выход в океан. Но и он оказался мнимым. История отхлынула от него, и мы видим, как на высохшем дне поблёскивают мелкие ракушки его суетливых дел.

Опасность нарастала. Лемехов чувствовал гипнотизм васильковых глаз. Чувствовал, как в его сознание бросают таинственные семена, и они начинают прорастать, грозят превратиться в ядовитый цветок, от которогояд расточится по всей его жизни, отравит его бытие.

— Кто же может стать руслом русской истории? — невнятно спросил Лемехов.

— Быть может, вы.

С аэродрома колонной машин отправились на завод. Цех — огромное потное чрево, в котором, как громадные зародыши, зреют подводные лодки. Закопченное стальное нутро в ядовитых отсветах, с конвульсиями бегущих огней. Запах горелой стали, газа, сладких лаков, едкой сукровицы, выступающей на бетонных стенах. На стапелях — лодки. Присосались к дышащей матке, наращивают плоть, пульсируют, как ненасытные эмбрионы. Одна — ржаво-красная, покрытая суриком, в сварных пухлых швах, с темными пустыми провалами. У другой — белый титановый корпус с пуповинами кабелей, труб. Она жадно пьёт электричество, газ, сжатый воздух. Третья — чёрная, смоляная — покрыта вязкой резиной, с горбатой рубкой, в которой шипит синее пламя сварки. Винт в корме похож на латунный цветок.

Готовая к спуску лодка — непомерно огромная, как чёрная гора с горбами и выступами. Живая, угрюмая, в устрашающей неподвижности она похожа на гигантский мускул, способный сдвинуть с места планету. На чёрной бортовине — бело-красная славянская вязь: “Державная”, — и драгоценная, как бриллиант на тёмном сафьяне, икона. Люди, собравшиеся у борта, кажутся песчинками, прилившими к глянцевитой коже кита.

Лемехов в пластмассовой каске стоял в окружении адмиралов, конструкторов, представителей министерств и ведомств. Главнокомандующий флотом — седеющий, с бронзовым лицом — взволнованно смотрел на атомную громаду, поступающую в распоряжение флота. Старый академик, автор проекта, бессильный и немощный, опирался на трость. Преодолев недуг, он прилетел сюда полюбоваться на любимое детище. Губернатор — бородатый, лобастый, похожий на медведя, — горделиво оглядывался, давая понять, что такое изделие могло быть создано только в его вотчине. Директор завода, утомлённый бессонными ночами, выглядел счастливым и торжествующим в этот победный час. Владыка был в золотом облачении, которое казалось солнечным слитком на фоне черной, как вар, лодки. Оркестр приготовился дуть в медные трубы, грохотать тарелками, стучать в барабаны. Тут же телеоператоры готовили свои камеры, репортеры мерцали вспышками. Подаль, в белых касках и робах, стояли рабочие, изготовившие эту лодку, которая, забыв о своих творцах, была готова порвать пуповину.

Лемехов уже побывал на лодке, на всех её уровнях, во всех отсеках. Был пропитан запахами краски, лаков, холодной стали. Он прошагал по палубе, где кружились шестнадцать люков, закрывавших пусковые шахты.

Люки напоминали клапаны чудовищной флейты, под звуки которой мир закрывает свои опалённые глаза. Лемехов касался ладонью стальной плиты, за которой таились пусковые шахты, ожидавшие шестнадцать ракет, громадных, как колокольни. Реактор, ещё без топлива, окружённый поясами защиты, будто бы уже испускал таинственное излучение, и Лемехов, заглядывая сквозь тугоплавкое смотровое стекло, чувствовал сверхплотный сгусток энергии, который толкнёт эту громаду во тьму подводных течений.

Он первым подошел к микрофону, и его слова, металлически-четкие и звенящие, улетали в даль цеха, сливаясь с туманным эхом.

Ему аплодировали. Вспыхивали блицы, мерцали окуляры. Лодка слушала его. Казалось, она хотела запомнить эту речь своей угрюмой памятью, чтобы унести с собой в чёрные глубины.

Вторым говорил академик. Он опирался на палку. Руки его тряслись, в голосе дребезжало множество трещинок:

— Такой лодки нет у американцев. В этом я вас уверяю. Построив эту лодку, мы обеспечили мир нашим детям и внукам. А я уже дед восьми внуков. Может быть, она всплывет ненадолго у Калифорнии и передаст американцам наш пламенный привет. Эту лодку мы продолжали строить в самые чёрные годы — чернее не бывало! Строили бесплатно, натошак. Многие не дожили. Они бы сейчас порадовались. Порадовались бы и наши великие флотоводцы, такие как адмирал Горшков. Жизнь кончается, а замыслы продолжают рождаться. Хорошо, что в науку идут молодые. Очень хорошо, — академик закашлялся, из старческих глаз его потекли слёзы, и он отошел в сторону, опираясь на трость.

Лодка слушала его, и казалось, на её чёрных бортах, как барельефы, проступают лица учёных, инженеров, адмиралов, и среди них — тяжёлое, с насупленными бровями лицо адмирала Горшкова.

Говорил Главком флота. Его бронзовое лицо было властным и торжественным. Лодка поступала в его распоряжение, резко наращивая мощь военно-морских сил. Она пополняла стадо, которое паслось в мировом океане. Он знал, в какие районы мира уйдёт стратегический крейсер, невидимый для спутников и самолётов противника, не оставляющий среди течений ни звука, ни тепловой борозды, ни следов радиации. Лодка была воплощением войны и гарантом мира, и эта двойственность странно присутствовала сейчас в лице Главкома.

Выступал губернатор. Его короткая борода упрямо торчала. Ноги, когда он подходил к микрофону, слегка косолапили, и это ещё больше усиливало его сходство с медведем.

Владыка, сияя облачением, приступил к освящению лодки. Его иконописное лицо было строгим и благоговейным. Голос рокотал, взлетая к стальным перекрытиям цеха. Чёрная махина молча внимала ему.

— Господи Боже наш, седяй на серафимах и ездяй на херувимах, мудроستی украсивый человека, ниспосли благословение Твое на судно сие и Ангела Твоего к нему пристави, да шествующие в нем им хранимы и наставляеми, в мире и благополучии путь свой совершивши.

Владыка принимал из рук священника крошило, окунал в чашу с водой, крошил лодку. Брызги летели в собравшихся. Лемехов, чувствуя на лице холодные капли, думал, что молитва уплывёт вместе с лодкой в пучину, бережёт экипаж среди смертоносных стихий.

Директор завода замахал руками, подавая знаки рабочим в касках. Сразу три бутылки шампанского разбились о корму, нос и борт лодки, брызнули стеклом и белой пеной под крики “ура!”. Сверкали вспышки, операторы сновали вдоль борта.

Заместитель Двулистиков подал Лемехову кусок мела. Лемехов подошёл к чёрному, нависшему борту и старательно, крупными буквами, как школьный учитель на доске, вывел надпись: “Не валяй дурака, Америка!” Все вокруг ликовали, хлопали. Операторы и фотографы снимали эту хлесткую имперскую надпись.

Оркестр грянул государственный гимн, и над лодкой стал подниматься трехцветный флаг, чтобы потом, когда лодка, пройдя все испытания, посту-

пит на вооружение флота, над ней вознёсся, заструился своим синим крестом Андреевский стяг.

Медленно растворялись ворота цеха. В тёмный металлический цех ворвались ветер и свет. Осеннее солнце играло на далёких водах, и в тусклом серебре металась чайки. Лодка дрогнула, словно почуяла стихию, которая ждала её, чтобы принять в свои сокровенные глубины. Заскрипели невидимые катки, задрожали железные фермы, и под медный гул, звяканье тарелок и бой барабана лодка пошла из цеха.

Лемехов завороченно смотрел на движение выпуклого бархатно-чёрного борта, на драгоценную надпись: “Державная”. Непомерная тяжесть, слепая мощь перемещались под воздействием неведомой воли, чтобы наполнить мир своим чудовищным механизмом, передвинуть ось, вокруг которой вращается шар земной.

Глава пятая

После торжественной церемонии состоялся фуршет. В здании заводоуправления были накрыты столы, расставлены мясные и рыбные закуски, фрукты, бутылки. Толпились инженеры, конструкторы, начальники цехов, мастера. Среди пиджаков и галстуков мелькали морские мундиры. Батюшка, служивший в заводском храме, блестел золотым крестом. Разливали напитки, чокались, преодолевая смущение, шумели, гомонили. Раздавался смех, здравицы.

Главнокомандующий флотом выпил не одну рюмку водки, и его широкоскулое лицо было фиолетово-красным, словно его обожгли ветры всех широт.

— А я вам говорил, Евгений Константинович, и опять говорю. Для полноценных военно-морских операций каждый наш флот должен иметь палубный авианосец. Подсчитано, что в акваториях Чёрного, Средиземного, Балтийского, Баренцева моря, в районах Тихого океана Россию ждёт с десяток локальных конфликтов. Без авианосцев эти конфликты не разрешить. Я очень прошу убедить президента включить в программу перевооружения строительство авианосцев.

— Я говорил об этом с президентом. Он понимает проблему. Он распорядился искать верфи для размещения подобных заказов.

Их рюмки звякнули, и главком выпил, высоко, по-офицерски подняв локоть.

Подошёл, косолапая и сутулясь, губернатор, похожий на матёрого медведя.

— Конечно, Евгений Константинович, нашему президенту виднее, но я бы на его месте сделал вас председателем правительства, и оно бы заработало без пробуксовок. России нужен разбег, а то мы застоялись. Когда Россия стоит, в ней всякая муть заводится, всякие Болотные площади, народ начинает дурить. Вот вы бы России дали разбег, пнули её хорошенько, и она от этого пинка снова станет великой державой.

— А вы не боитесь, что от этого пинка многие губернаторы полетят кувирком?

— А и правильно, пусть летят. Пусть и я полечу, если не справляюсь. Как раньше пели: “Была бы только Родина / богатой да счастливою”. Нужен, нужен пинок, а иначе начнём дурить. Об этом и президент говорит. За здоровье нашего президента! — он выпил водку и отошёл, покачиваясь, обходя невидимые препятствия, как, должно быть, медведь обретаёт лесные кочки.

К Лемехову подошёл его заместитель Двulistиков, держа в руках рюмку с водкой. Было видно, что это не первая рюмка. Его маленькие глазки, окруженные красными веками, возбужденно блестели; утиный нос порозовел, и на нём выступили микроскопические капли пота. Плотно прижатые хрящевидные уши были белыми, словно отмороженные, а мочки налились пунцовым жаром. Он был возбуждён и, как всегда в такие минуты, от него пахло едким уксусом, запах которого был бесценен перебить дорогой одеколон.

— Женья! — Двulistиков обратился к Лемехову по имени, ибо это был тот редкий случай, когда Двulistиков пренебрегал субординацией. Ему хоте-

лось вспомнить их студенческие отношения. — Женья, ты великий человек! Как ты мог догадаться и написать на лодке: “Не валяй дурака, Америка!”? Теперь эта наша “Державная” всплывет где-нибудь у Флориды, и американцы сбегутся на набережную Майями, чтобы прочитать этот привет из России! Подумают, что это предупреждение самого президента Лабазова! Я всю жизнь иду за тобой, зная, что ты не ошибёшься, что, следуя за тобой, я следую правильным курсом, что моя судьба повторяет твою судьбу. Я иду за тобой след в след: читаю книги, которые ты читал, покупаю костюмы в тех же бутиках, что и ты. Люблю, как и ты, золотистых блондинок. Занился охотой, потому что ты охотник... Тебя любит Боженька, он тебя по жизни ведёт. А за тобой и меня. Тебя Боженька высоко посадит, с собою рядом. Ты, Женья, станешь президентом. У тебя нет соперников, потому что тебя Боженька любит. А значит, и меня. Мне за тобой вверх взлетать, а крылья есть у меня? Взлечу ли? Ты меня с собой заведи, я тебе и там пригожусь. Заберёшь, Женья?

Двулистиков страшно разволновался, на глазах его заблестели слёзы, водка выплескивалась из рюмки. Лемехову были неприятны и капельки пота на его утином носу, и шевелящиеся уши, и запах возбуждённого зверька. Но эти физиологические недостатки искупались искренней преданностью, которая находила себе подтверждение в бесчисленных перипетиях каждодневной борьбы.

— Много рисков, Лёня, — усмехнулся Лемехов, — много опасностей. Чем выше взлетаем, тем больше падать. Давай не думать, куда нас Боженька вознесёт. Давай его молить, чтобы он нас отсюда не сбросил.

— Я тебе говорю, ты идёшь в президенты. А насчёт опасностей и рисков — положишься на меня. Я тебя не предаю. Пулю, которая в тебя полетит, на себя возьму. Вместо тебя хоть в тюрьму, хоть под пулю. Ты великий человек. Тебе служить — значит, Боженьке служить. Люблю тебя! — Двулистиков потянулся, было, желая поцеловать Лемехова. Вытягивал губы для поцелуя, но Лемехов отстранился, вынес вперёд бокал. Двулистиков поцеловал бокал, а потом залпом выпил свою водку. Отошёл, покачиваясь и блаженно улыбаясь.

На Лемехова смотрели васильковые глаза Верхоустина, и Лемехов вдруг подумал, что всё это время ему хотелось заглянуть в глубину этих колдовских васильковых глаз.

— Я заметил, как вы провожали взглядом скользящую лодку. Казалось, что ваш взгляд сообщает ей движение. Это походило на телекинез. Вы способны перемещать зрачками тысячи тонн, — Лемехов благодушно улыбался, шутил, но сам старался понять, какая сила исходит из этих глаз, синева которых напоминала небо в мартовских берёзах. — Может быть, вас пригласить для участия в каком-нибудь оборонном проекте? Скоро будем сдавать вторую подобную лодку, в честь иконы Казанской Божьей Матери.

— Поверьте, лодку построят и спустят на воду без меня. Обойдутся. А вот без вас не обойдутся, — лицо Верхоустина оставалось таким же бледным, и только губы стали розовой от вышитою красного вина. — Вы руководили строительством лодки, а, по существу, руководили государством: тысячами заводов, лабораториями и научными центрами, где вы встречались с интеллектуалами; армиями рабочих и инженеров, которых нужно было готовить и направлять в дело; городами, регионами, железными дорогами, портами — всей инфраструктурой страны, замкнутой на эту громадную верфь. Идеология оружия, без которой невозможен осмысленный труд; финансовая политика, без которой невозможно перевооружение; внешняя политика, которая, в конечном итоге определяется количеством лодок и стратегических ракет; внутренняя политика, которая требовала непрерывных схваток с пацифистами, либералами-западниками, коррупционерами, врагами модернизации... Всё было в ваших руках. Управляя строительством лодки, вы управляли Россией. В сущности, вы исполняли президентскую роль.

— Вы заблуждаетесь. Я исполнял поручение президента. Я тот, кто выполняет задания президента.

— В обычных условиях это было бы так. Но сейчас, когда задвигались тектонические платформы, когда вновь приблизилась катастрофа, вы выполняете поручение Государства Российского. Поручение русской истории. Лод-

ка, которую вы спустили на воду, освящена именем Державной Божьей Матери. Я помню, как вы молились перед этой иконой в храме. Как молились на неё здесь, на верфи.

— Это слишком пафосно. Я чиновник правительства и не мыслю подобными категориями.

— Вам и не нужно ими мыслить. За вас мыслит сама история. Лодки, которые вы строите, — “Державная”, “Казанская”, “Владимирская”, “Тихвинская” — это иконы русской цивилизации. В океанской пучине, во тьме морской они сберегают Россию. Делают русское оружие святым. Лодки, носящие имена православных икон, и их экипажи — это подводные монастыри, где совершается молитва, сберегающая Россию. Вам проведение поручило мессианскую работу по спасению Государства Российского.

Через два дня они стояли на палубе эсминца, который вышел в море, в район полигонных стрельб. На мостике сигнальщика скопились конструкторы и творцы ракеты. Директора головных предприятий, создававших её основные узлы. Учёные-баллистики и специалисты по твёрдому топливу. Адмиралы и офицеры флота, в нетерпении ожидавшие нового оружия. Испытатели, установившие на корабле системы слежения и контроля.

Лемехов в штурмовке, отороченной волчьим мехом, вдыхал сочный морской воздух, смешанный с запахом соларки. На серой стальной стенке в помощь сигнальщику чёрной краской были начертаны силуэты американских самолетов, контуры эсминцев, фрегатов и крейсеров. Море было серым, в тревожных волнах, на которых внезапно загоралось злое полярное солнце. На горизонте туманились корабли охранения, оцепившие район испытаний. Стрекотал вертолёт, облетавший эсминец. В туманах, в лучах, в переливах металла чайки. И где-то в глубине притаилась лодка. В шахте была готова к пуску ракета. Уникальная, сверхскоростная, способная стремительно преодолевать начальный отрезок траектории, уязвимый для противоракетных систем противника. Начинённая кассетой термоядерных зарядов, которые, приближаясь к континенту врага, рассыпались веером. Маневрировали, окружая себя облаком помех. Ускользали от ракет-перехватчиков, накрывая своим гибельным ударом огромные пространства чужой территории.

Ракета шла трудно. Её строительству сопутствовали неудачи. Пуски кончались авариями. Ракета взрывалась тут же, над морем или сходила с траектории и не достигала цели. Или вовсе не выходила из шахты. Гигантские коллективы лихорадило. Панически искали виновных. Премьер-министр грозил отстранить от работы генерального конструктора или закрыть проект. Президент при встречах с Лемеховым глухим голосом спрашивал, соответствует ли генеральный конструктор занимаемой должности.

Теперь, на палубе эсминца Лемехов слушал генерального конструктора, одетого в грубую брезентовую робу, из которой торчала худая голая шея, какая бывает у общипанной курицы. Его губы были покрыты фиолетовыми пятнами, будто он их искусал. На измождённом лице торчал большой крючковатый нос, напоминавший экзотический клюв. В тёмных кругах, глубоко утонувшие в глазницах, тревожно блестели глаза. В них была мука бессонных ночей, тоска ожидания очередной неудачи и непоколебимое упорство творца, верящего в истинность своих изысканий.

— Я знаю, Евгений Константинович, какие разговоры ведутся в правительстве относительно ракеты. Дескать, выбрано ложное решение, тупиковый проект, надо сворачивать работы и передавать тематику другому институту. Но я говорил и говорю: конструкция ракеты безупречна. Такой не будет ни у них, ни у нас. Это прорывное направление, на которое указывали отцы-основатели. Виновата не конструкция, а технологическое исполнение на заводах.

— Но вы же, Климент Иванович, посещаете заводы-изготовители. Вы не можете указать им на узкие места?

— Узкие места известны. Это исчезновение целых технологий, которых мы лишись за время катастрофического простоя. Это допотопная элементная база, некачественное стекловолокно, отставание в производстве порохов. Тридцать лет нас уничтожали, как вредителей, а теперь в три года мы хотим построить шедевр. Так не бывает, Евгений Константинович.

— Но ведь отцы-основатели могли! Хотя у них не было под рукой совершенных технологий и безупречного станочного парка, но они создавали шедевры!

— Тогда, Евгений Константинович, был Сталин, был Берия, была партия, и был канун мировой войны. Не сделаем ракету — от страны угольки останутся...

— Теперь то же самое, Климент Иванович.

Генеральный конструктор был из тех, кто молодым инженером прошёл великую школу, где учителями были грандиозный Королёв и непревзойдённый Глушко, гениальный Уткин и прозорливец Челомей. Те, кто ставил первые ракеты в лесах и на горах, опускал их в шахты и размещал на железнодорожных платформах. Успевал вооружить государство, прежде чем на страну упадут термоядерные бомбы Америки. Эта школа, достигнув расцвета, стала гаснуть с уходом великой плеяды, стала ветшать вместе с дряхлеющим государством. А когда государство пало, школа подверглась разгрому. Победители, покорив страну, рыскали по ней, уничтожая оружие. Закрывали заводы и институты, лишали финансирования конструкторские бюро и научные центры, вывозили за границу секреты, резали недостроенные космические корабли. Переманивали талантливых инженеров, которые трудились теперь в лабораториях Америки, создавая гибельное для России оружие.

— Климент Иванович, вы должны продолжать работу, не слушая сплетен. Вы можете рассчитывать на мою поддержку. Таких специалистов, как вы, у России раз-два — и обчёлся. Мы должны беречь вас, как драгоценность. Вокруг вас собирается талантливая молодёжь. Вы передаете ей великие традиции Королёва. Я верю в вашу ракету. Она полетит. Сейчас полетит, потому что мир устроен так, что она должна полететь! — Лемехов пожал конструктору холодную стариковскую руку, и круглые глаза подвижника благодарно замерцали.

Приближалось время пуска. Командир корабля в рубке отдавал приказания, и его слова тонули в тихом рокоте двигателя. Вертолёт облетел эсминца и опустился на корму в оранжевый посадочный круг. Люди всматривались в туманную даль, наводили бинокли туда, где должна была, распарывая море, появиться ракета.

Лемехов увидел Верхоустина. Тот в стороне, не смешиваясь с другими, смотрел в море. Его глаза — немигающие, яркие — казались огненно-синими. Его зрачки испускали лучи, которые, казалось, проникали сквозь воду, находили в пучине притаившуюся лодку, извлекали её на поверхность. На мгновение Лемехову почудилось, что он видит лодку, висящую в стеклянной воде. Верхоустин устремлял в морскую глубину свою волю, выпрыскивал в море потоки энергии. И эти колдовские потоки омывали лодку, проникали сквозь обшивку, окружали экипаж, реактор, ракету незримым свечением.

По громкой корабельной связи начался обратный отсчет:

— Десять, девять, восемь, — будто звонкий молоток бил в корабельное железо.

Лемехов видел, как замерли люди, как лицо генерального конструктора обрело молитвенное выражение, словно он видел парящую над морем икону.

— Семь, шесть, пять...

Лемехов чувствовал, как все его жизненные силы и помыслы сосредоточились на далёких морских туманах с проблесками чаек: там должна была появиться ракета. Он верил в счастливый пуск. Переносил в ракету свои страстные упования, честолюбивые устремления, суевренные ожидания. Отождествлял с ракетой, с её громадной мощностью и совершенной конструкцией свою судьбу. Сопрягал с её траекторией свой жизненный путь, стремление к туманной, неясной, но пленительной цели.

— Четыре, три, два...

Верхоустин был страшно бледен. Вцепился в поручень палубы. Лемехову казалось, у глаз его полыхает синий факел. Генеральный конструктор был похож на птицу, готовую взмыться в небеса или рухнуть, попав под выстрел.

— Один...

“Державная”, помощи! — успел подумать Лемехов, прижимая к глазам бинокль.

На море, на серых водах, забелело пятно. Расширилось, заблестело, как всплывающая медуза. Взбухло, словно шапка гриба. В кипятке, в раскалённых пузырях, протыкая море, стала подниматься стеклянная колокольня. Сбрасывала пышные клубы, лизала море огненным языком. Держалась мгновенье, рассылая во все стороны лучи и грозные рокоты. Прянула ввысь, пробивая в тучах полыню. Ушла, унося с собой огненный хвост, который превращался в огромный перламутровый цветок, в кольца трепещущих радуг. Гул умолкал, утекал тихим звоном вслед за ракетой. Полыня в облаках смыкалась, и только на море оставалось ослепительное пятно.

Все молчали, нервно смотрели на часы, пока, по истечении времени, металлический голос не произнёс:

— Ракета вышла на расчётную траекторию.

Все восхищённо ахнули. Кинулись поздравлять генерального, обнимались, били по рукам, словно кушцы, заключившие сделку. И вдруг все обернулись к Лемехову. Бросились к нему, подхватили. Стали подбрасывать. Он хохотал, взлетая, видя поручни палубы, плещущее море. Падал на подставленные упругие руки.

— С победой, Климент Иванович, — Лемехов подошёл к главному конструктору. Тот молча кивал, улыбался. Глаза его были в слезах.

Все спускались с мостика, торопились в кают-компанию, где уже разливали шампанское. Лемехов задержался на палубе. Вдалеке на море трепетало серебряное пятно, словно мерцающий божественный образ. Лемехов навёл бинокль, ожидая увидеть отражённый на водах лик Богородицы. И там, в серебре, чёрной горой всплывала лодка. В бинокль были видны её зализанные борта и горбатая угрюмая рубка.

Глава шестая

Теперь, когда оборонная программа завершилась, спуск на воду стратегической лодки и ракетные стрельбы состоялись, Лемехов собирался отдаться своей давней страстной утехе — охоте. Он позвал с собой Верхоустина. Тот сразу согласился.

Вертолёт пролетал над красными и золотыми лесами, над тёмной еловой тайгой, среди которой пламенели драгоценные оклады, ожерелья, таинственные, золотом писанные узоры. Озёра были в солнечной ряби, из которой вдруг поднимались испуганные белые лебеди. Реки, студёно-голубые, возникали в лесах, и было видно, как несутся по ним тёмными стрелками утки, вздымая на воде буруны.

Вертолёт снизился над чёрной, с большими избами деревней, миновал её и опустился на сырой опушке, где стоял одинокий охотничий дом. Лемехов, Верхоустин и два неотступных охранника нырнули под винты, прихватив баулы и чехол с карабином. Оглянулись на удалявшийся вертолёт и пошли к дому, где их встречал егерь. Он был в засаленной фуражке, неряшливом камуфляже, ловкий, вёрткий, с коричневым, древесного цвета лицом. Пожимал гостям руки своей твёрдой пятернёй, истёртой о топорница и охотничьи ножи, ружейные приклады и звериные шкуры.

Егеря звали Макарычем. Вокруг него вились две лайки с круглыми, как крендели, хвостами. Он ввёл гостей в дом. Здесь было чисто, из бревенчатых стен торчал мох, вокруг суков на потолке блестела смола. Печь была белой, с чёрным закопченным зевом, и от неё пахло сладко, как в церкви.

Деревянный стол без скатерти был уставлен едой. Большое блюдо с ломтями тёмного мяса (“Лося третьего дни завалили”, — сказал егерь). Печёная тетёрка, чья костлявая шея не помещалась на блюде, а в раскрытом клюве её торчала красная брусничная веточка. “Их нонче столько, что сами к крыльцу бегут, в печь просятся”, — комментировал угощение егерь. Миски с клюквой, черникой, моршшкой. Грибы отварные, солёные: “Косой коси — на утро опять встают!” Блестели бутылки с настойками, и в одной на дне розовели выцветшие ягоды, в другой утонул белесый корень.

— Что Бог послал, Константиныч, — егерь двигал к столу лавки. Низкое солнце положило на бревна два янтарных мазка.

Ели с удовольствием дичь, пили пьяную настойку. Макарыч накидал в печь поленьев, и жаркое пламя лизало свод, дрова трещали, сыпали угли, дышали жаром. Под потолком висела деревянная птица с распушёнными веером крыльями из тонких расщепленных пластин. Тёплый воздух долетал до птицы, и она кружилась на бечёвке, поводила пышными крыльями.

— Этот медведь, Константиныч, больно хитёр, — егерь запьянел и пустился в объяснения. — От выстрела уходит, Константиныч. Он в едем деле дохтур. Он на овёс придёт, на жопу сядет и лапами овёс к себе загребат, сосёт. А сам глазами туды-сюды, туды-сюды. Чуть не по его — драпать! Он семилетка, переросток, молодых медведей обижает, к медведицам не пущат. Пора его бить, Константиныч, молодёжи путь открывать. А то непорядок.

Лемехов сладко опьянел от вкусной настойки. В тетеревином мясе ему попалась дробинка, и он выложил её на стол. После грозного железа, ревущего огня, свистящих скоростей славно было оказаться в деревянной избе, среди тёплых ароматов, потрескивающих дров, под таинственной птицей, распушившей хрупкие крылья.

— Ты, Константиныч, бей наверняка. Лучше промахнуться, чем зацепить. Раненого отпустишь, он тебе мстить будет. Медведь зло помнит и обидчика не отпускает. У нас в деревне Василий Егорович жил, так себе охотник. Кабана, лося достанет, а чтобы медведя — то нет. Раз на него медведь вышел, и Василий Егорович его картечью цапнул. Не убил, а ранил, и медведь от него в тайгу убёг. Отлежался, всяки травы, ягоды ел. Встал на ноги и начал Василию Егоровичу мстить. Пришёл в деревню и забор его повалил. Потом корову его на лугу задрал. Потом бабу его украл. Баба его в тайгу по грибы пошла и пропала, ни платка, ни корзины. Василий Егорович чувствует, что медведь к нему самому подбирается, собрал вещички, да в Архангельск утёк. Так медведь его и там достал. Раз пришли к Василию Егоровичу на квартиру, а он задранный лежит, и следы от когтей. Во как!

Они ещё посидели, пока не стемнело. Егерь запалил керосиновую лампу и стал собираться.

— Пошёл в деревню к бабе. А вы ночуйте. Мы, Константиныч, после обеда с тобой пойдём. Сперва на вездеходе тебя доставлю, а там как хошь: с тобой пойду до Белой пади или ты сам до овсов добирайся. Там вышку найдёшь, — и ушёл, стукнув дверь. Охранники тоже ушли спать на другую половину дома, а Лемехов с Верхоустиным остались в тёмной горнице среди танцующих отсветов и теней.

— Эта деревянная птица — голубь, образ Духа Святаго, — Верхоустин кивнул на потолок, под которым качалась, плавно крутилась на нитке загадочная птица. — В северных деревнях, населённых старообрядцами, таких голубок вешали над люльками новорожденных, и на них сходил Святой Дух. Над вами, Евгений Константинович, дышит Дух Святой.

— Откуда вы знаете про северные деревни? — Лемехов заворуженно следил за волшебным парением птицы, распушившей на потолке пернатые тени.

— В молодости я путешествовал по русскому северу, собирал старинные песни. Было время, когда я знал сто песен, которых не сыщешь ни в одном фольклорном сборнике. Я привозил эти песни в Москву. Мы их разучивали с друзьями и пели хором.

— Вы пели в хоре?

— Кто никогда не пел хором, тот лишил себя неповторимых переживаний. Северные песни долгие, монотонные.

— Русские песни, как и Пушкин, открывают в человеке забытые коды. Соединяют дух с источниками неисчерпаемой энергии. Делают народ-карлик народом-великаном. Подводные лодки, баллистические ракеты и русские песни делают народ непобедимым.

— А вы бы не могли мне спеть какую-нибудь северную песню, — попросил Лемехов, зачарованный летящими по избе волнами тепла и света, колышанием пернатой тени, колдовским взглядом Верхоустина. Казалось, это он зрачками своими тихо раскачивает деревянную птицу.

Верхоустин отвёл взгляд от птицы, устремил его сквозь бревенчатые стены в сырую ночь, где, невидимые, стояли золотые леса. Лицо его побледне-

ло, словно отпрянула кровь. Тонкий нос болезненно заострился, как у смертельно больного. Глаза остановились и замерли, наполнились мерцающим светом и стали похожи на два голубых прозрачных кристалла. Он приоткрыл рот и стал вдыхать воздух, будто собирался сделать последний вздох. Брови его болезненно приподнялись, и он издал звук, похожий на стон, на скрип сухого лесного дерева, на трескучее карканье одинокого ворона.

Лемехов испугался этого нечеловеческого, тоскливого звука. Оцепенел, словно его лишили воли...

*И где кони?
И где кони?
Они в лес ушли.
Они в лес ушли.*

Звук исходил не из груди человека, а из глухого дупла, в котором гнездились два неведомых существа. Одно уныло вопрошало, а другое печально и отрешённо отвечало. Одно мучило другого вопросами, а другое отвечало покорно и обречённо:

*И где тот лес?
И где тот лес?
Черви выточили.
Черви выточили.*

Голос внезапно окреп, словно в сухое русло хлынули воды. Казалось, число поющих умножилось. Лемехов вдруг увидел свою детскую книжку с лубочной картинкой Билибина: витязь в кольчуге и шлеме, ворон на камне, далёкая заря над лесом. Побежали видения, одно за другим, словно их извлекали из запечатанной памяти и разбрасывали, как драгоценные карты. Вот бабушка с седой головой раскладывает пасьянс, выкладывая на скатерть нарядных дам и валетов. Вот мама, молодая и гибкая, вешает над столом разноцветный светильник, а за окном на водосточной трубе расцвела гроздь голубых сосулек, как ледяное соцветье. Цветные пылинки в луче горячего солнца, он ведет своей детской рукой по узорам ковра и изумляется видом своих розовых пальцев и маленьких нежных ногтей.

*И где черви?
И где черви?
Они в гору ушли.
Они в гору ушли.*

Вот деревенская девушка в ситцевом платье провожает его до околицы, дарит на прощанье цветок розовой мальвы, чтобы больше никогда с ним не встретиться. Вот молодое лицо отца склонилось над детской кроватью, и он ликует в своём утреннем пробуждении, он так благодарен отцу, так любит его родное лицо...

*И где гора?
И где гора?
Быки выкопали.
Быки выкопали.*

*И где быки?
И где быки?
Они в воду ушли.
Они в воду ушли.*

Лемехов почувствовал, как стало тяжело в груди, набежала муть, стало тоскливо. Спираль, на которой была записана его судьба, оборвалась и померкла. Райское блаженство, волшебное чудо казались недостижимыми.

Клубящийся ком тьмы окутал его. Из этой тьмы стали падать, подобно камням, воспоминанья, о которых он старался забыть, но звуки угрюмой песни вырывали их из мглы, и они падали, как раскалённые метеориты.

Собака, которую он купил, мечтая иметь рядом преданное добродушное существо... Он застрелил её в приступе слепой ярости, когда она загрызла деревенского индюка. И теперь видел её, милую, весёлую, со смеющимися глазами, за секунду перед тем, как он спустил курок. Жена, беременная, стояла у крыльца рядом с цветущими флоксами. Он уговаривал её отказаться от ребёнка, который будет мешать их молодой, неустроенной жизни. Жена согласилась, бессильно побрела от крыльца и плакала одна в беседке.

*И где вода?
И где вода?
Гуси выпили.
Гуси выпили.*

Как тучи, толпились кошмары. Мерещились грядущие войны, горящие здания, окровавленный асфальт площадей. Пулемёты гнали толпу, били из окон снайперы. Государство качалось и корчилося. Сражались ватаги и банды, самозванцы стремились в Кремль. Пронзённые торпедами, тонули подводные лодки, выплёскивая из реакторов огненный яд. Лучи дальнобойных лазеров сбивали ракеты, жалили в небесах самолёты, жгли и плавил танки. Взрывались плотины и дамбы, и ревущий поток сметал города и селенья.

Песня гудела, как звук поднебесной трубы. Синеглазый пророк возвещал окончание мира, и в синих кристаллах его глаз переливалась прозрачная смерть.

*И где гуси?
И где гуси?
Во тростник ушли.
Во тростник ушли.*

Лемехов стремился туда, где было спасенье от грядущих напастей и бед, но упорная сила возвращала его обратно, захватывала в колдовскую спираль, водила кругами, и он плутал в лабиринте среди синих кристаллических вспышек.

*И где тростник?
И где тростник?
Девки выломали.
Девки выломали.*

Он пребывал в дурной бесконечности. Был деревянной чуркой, которой перебрасывались два лесных колдуна. Один колдун задавал дурные вопросы, а второй находил ответ, из которого возникал новый дурной вопрос. Эти вопросы и ответы сводили с ума, заставляя рассудок двигаться по порочному кругу, рождали безумие.

*И где девки?
И где девки?
Они замуж пошли.
Они замуж пошли.*

*И где мужья?
И где мужья?
Они померли.
Они померли.*

Он вдруг нашёл в лабиринте малое ответвление, едва заметный ход, который уводил из заколдованной спирали, сулил избавление. Он дождался,

когда в песне прозвучал и оборвался очередной вопрос, и ещё не прозвучал ответ. Нырнул в этот ускользающе-малый проём между звуками и услышал, как у него за спиной проревел вихрь и, не найдя его, умчался по жуткой трубе.

Он втискивался в спасительный ход, ввинчивался в него плечами и бёдрами. Застревал, закупоривал его своим телом. Ужасался тому, что так и останется в нём навсегда.

*И где гробы?
И где гробы?
Они погнили.
Они погнили.*

И этот последний ответ был чудесным и долгожданным: он прерывал мучительное кружение, разрывал порочный круг бытия.

Они сидели молча, словно хотели привыкнуть к новой, возникшей между ними близости.

— Вы станете президентом России, — тихо произнёс Верхоустин.

Пернатая тень скользила по потолку. На столе в стеклянной бутылке блеснула зелёная искра. Тетёрка на блюде уронила мёртвую голову, и в раскрытом клюве её краснела ветка брусники.

— С какой стати? — раздражённо сказал Лемехов, — У России есть президент — Юрий Ильич Лабазов.

— Это лишь видимость. Он ещё значится президентом, но это лишь тень. Из этой тени на свет выступает другой человек. Это вы, Евгений Константинович Лемехов.

— Вы живёте в области мифов и хотите, чтобы другие верили вашим мифам. Перестаньте говорить ерунду.

— Математический институт Академии наук по моей просьбе произвёл моделирование политического процесса в России с целью выявить будущего президента. Исследовались общественное мнение, интересы элит, конфликтные потенциалы, динамика карьерного роста, уровень поддержки тех или иных фигур в среде военных, спецслужб, Церкви, научной интеллигенции, гуманитарных кругов. Все линии сошлись на вас.

Лемехову казалось, на лбу его дрожит красная точка. Он чувствовал прикосновение луча, за которым последует выстрел. Погасит малиновый зев печи, тень деревянной голубицы, лицо Верхоустина. Что-то грозное и смертельно опасное приблизилось и стояло за тёмными стёклами, откуда протянулся ко лбу невидимый луч.

— А что будет с действующим президентом? — спросил Лемехов, и сам испугался вопроса, как если бы уже мысленно согласился с Верхоустиным.

— Лабазов завершился. Время его истекло. Господь от него отвернулся.

— С чего вы взяли? Наоборот, его время настало. Он долго медлил и, наконец, приступил к долгожданным преобразованиям. Я один из его соратников, кто совершает эти преобразования.

— Он не успеет совершить преобразования. Он болен. Дни его сочтены.

Лемехов боялся Верхоустина. Тот своими синими лучами проникал в потаённые глубины его сознания, где таились запретные мысли, искустельные мечты, честолюбивые ожидания.

— Я не хочу вас слушать. Ваши фантазии опасны и рассчитаны на слабоумных. Вы, случайно, не глава тоталитарной секты, который улавливает в свою общину психически обездоленных людей?

— Вы должны принять решение. Это не терпит промедления. По России будет нанесён удар сокрушающей силы. Не ракетами, не самолётами, не подводными лодками. Это новое оружие, которое разжижает хребет государства. Подтачивает все идеалы. Оскверняет все ценности. Умалчивает все достижения. Ссорит элиты. Возмущает народ. Выбивает лидера, как выкальывают из свода замковый камень, и свод осыпается, погребает под собой страну и народ. По Лабазову нанесут уничтожающий удар. Опубликуют роковой рентгеновский снимок. Подвергнут его психическим атакам, используя всю мощь информационных технологий, экстрасенсорных ударов, клеветы

ту, слухи. Родятся книги о президенте-маньяке, комиксы о президенте-сади-сте, рок-оперы о президенте-придурке. Лабазов не выдержит удара: он или умрет, или сбежит из Кремля. И тогда начнётся самое ужасное: борьба за власть разных кланов, резня на Кавказе, восстания народов. Это создаст неуправляемый хаос, который приведёт к падению Государства Российского, теперь уже навсегда, потому что обломки страны растащат Китай, Турция, Европа, Америка. И там, где была тысячелетняя Россия, останется кратер, как от падения метеорита-гиганта.

— Так не будет, — слабо прошептал Лемехов, — такое невозможно.

— Вы должны подхватить замковый камень и не дать своду рухнуть. Вы тот новый замковый камень, который будет вставлен взамен прежнего. Ваша миссия — спасти Государство Российское. Для этого вас сотворил Господь, дал вам жизнь и дыхание. Вы должны стать президентом России.

Лемехов вдруг почувствовал пьянящую сладость, восхитительное озарение. Его тайные предчувствия сбывались, сокровенные мечты вырывались к свету. Он избранник. На нём перст Божий. Он замковый камень русской истории. И это говорит ему не синеокий пророк, а внутренний голос, подобный голосистой трубе, которая трубит его час.

— Но как я стану президентом России?

— Вас безоговорочно поддержат оружейники и промышленники, — продолжал Верхоустин, — вас поддержат армия и спецслужбы, вас поддержит Церковь, вам поверит интеллигенция. Мы создадим новую партию. Весь мой опыт социального конструктора, системного аналитика, специалиста по гуманитарным технологиям я отдам вам. Мы построим партию нового типа, партию Большого проекта, партию Русской Победы.

— Всё бред. Пора спать. Вам постелили за стенкой.

Они разошлись по разным половинам избы. Лемехов накрылся тяжёлым стеганым одеялом и быстро уснул, но сон его был тревожным и тягостным. Ему снилась ночная дорога, и он идёт по ней, накинув одеяло на плечи. Рядом идут другие люди, тоже накинув одеяла. Их лица неразличимы. Они подходят к горе и идут вверх на гору, за которой синее заре. На вершине горы из камней выложена спираль. Люди входят в эту спираль и идут, совершая кружение, приближаясь к центру, где исчезают. И в этой спирали, в этих кругах из таинственной бездны доносится: “И где кони? И где кони?..” Заря над горой синяя, как слива.

Глава седьмая

Наутро они почти не общались. Верхоустин оставил избу, и Лемехов видел, как тот бродит по сырому лугу, нагибается, что-то рассматривает. Быть может, последние предзимние цветы. Под хмурым небом леса казались тёмно-золотыми слитками, и это золото вливалось в глаза, делая их тяжёлыми и неподвижными.

Пообедали, обмениваясь пустяками, будто и не было ночного разговора. На замызанном внедорожнике прикатил егерь Макарыч. Проворный, деловитый, положил на лавку защитного цвета куртку и брюки, поставил резиновые сапоги.

— Надевай, Константиныч, форму. Я её рябиновыми веточками перекладывал. Медведь нюхастый: человека учуял и убёг. Давай-ка мне карабин.

Лемехов достал из чехла свой немецкий пятизарядный карабин: медового цвета ложе, голубоватый, с вороньим отливом ствол. Протянул Макарычу. Тот расстегнул ворот, извлёк нательный крестик, приложил к стволу, к патроннику, к ложу:

— Господи Иисусе, посули зверю сладкий овёс, пьяный мёд, ягоду-чернику. Чтобы рабу божьему Евгению не потеть, не храпеть, не дрожать, не бежать. Пуля первая, она же последняя. Ружьё заговорено, отмолено. А мы тебе, Боже, свечку поставим.

Макарыч поцеловал карабин, как целуют икону, вернул Лемехову.

— Теперь слушай, Константиныч. Я тебя до леса подброшу и по лесу, пока дорога терпит. Как промоины пойдут, ты выходи и ступай пешком километра три. Колея путь укажет. Дойдешь до луговины, где овсы, и увидишь вышку. Садись и жди. Сегодня медведь придет, чую. Ты его бей, а если утечет, за ним не бежи. Он, раненый, тебя сторожить станет и сгребет. Я утром с собакой приду, и, если что, мы его по следу возьмём. Ну, давай собирайся.

Лемехов облачился в пятнистую форму, натянул сапоги. Распихал по карманам фонарь, тепловизор, прибор ночного видения, нож, индивидуальный пакет, непромокаемые спички, коробку с патронами. Пристроил за спиной свёрнутый тёплый коврик. Взял на плечо карабин. Верхоустин наблюдал за его приготовлениями, проводил вещам взглядом васильковых глаз.

Внедорожник пересёк луговину, въехал в лес, выдавливая жижу из промоин, углубился в сырую чащу, в тусклое золото. Некоторое время колыхался, объезжая упавшие деревья, буксуя в ямах. Остановился у рытвины, полной чёрной воды, на которой застыли жёлтые и красные листья.

— Стоп машина, — сказал Макарыч. — Танку делать неча. Только пехота. Ступай, Константиныч, а я тебя завтра найду, — и уехал, оставив Лемехова у чёрной, осыпанной золотом лужи. Слушая, как стихает вдали мотор, Лемехов вдохнул полной грудью холодный воздух с запахами хвои, горькой листвы, мокрых грибов. С неба брызнула ему в лицо горсть дождя, и он зашагал.

Шёл сквозь лес сильной лёгкой походкой. Куртка была удобна, сапоги по ноге, ремень карабина плотно давил плечо. Лес обступил его своей чуткой тишиной, смотрел, пускал в свою глубину, молча, таинственно следил за ним, передавал весть о нём от дерева к дереву, от одной мшистой кочки к другой. Лемехов был окружён бесчисленными глазами. Маленький придорожный цветок, успевший перед холодами раскрыть свои розовые лепестки; ягода черники, пьяная на вкус, оставившая на пальцах каплю винного сока; старая паутина на еловой ветке с застрявшим в ней птичьим пером; красный, с волнистыми краями лист осины с зеркальцем воды, отразившей небо, — все они приглядывали за ним, наблюдали, куда и зачем он идёт. Он чувствовал лес, как дышащий мир, среди которого, наполняя его тайной, жил медведь.

Лемехов забывал грохочущий железный мир, из которого явился в заповедный лес, сам становился обитателем леса. И когда из-под ног его взлетел рябчик, унесся, посвистывая и хрустя крыльями, Лемехов испугался и обрадовался своему испугу, поблагодарил рябчика за этот восхитительный испуг.

Лес кончился, и он оказался на пустоши, где, должно быть, прежде стояла деревня, одна из тех многочисленных деревень, что исчезли на оскудевшем Севере. Избы пропали, пустошь зарастала кустами и была засеяна овсом. Это было ухищрение егерей, которые на овёс выманивали кабанов и медведей. Овёс отяжелел от дождей и полёг, в нём были протоптаны кабаньи тропы, чернела изрытая кабанями земля. Поле в сумерках казалось сизым, голубым, и над ним висел туман. Посреди поля стояла вышка, построенная из жердей. К ней, раздвигая метёлки овса, направился Лемехов, осыпая сочные брызги.

По шаткой лестнице он забрался на вышку, постелил на сырые доски коврик. Выставил карабин, разглядывая сквозь инфракрасный прицел опушку, увеличенные, струящиеся в водянистом свете кусты, древесные стволы, ели, усыпанные у вершин шишками. Представлял, как в зелёном свете прицела возникнет медведь, поднимая заострённую морду, ловя летящий над полем ветерок.

Сердце сильно забило, и он всё двигал перекрестье прицела вдоль опушки, ожидая выхода зверя. Но опушка была пустынной, мир сквозь прицел казался зеленоватым аквариумом, в котором, чуть размытые, струились гривы овса.

Он успокоился. Устроился поудобнее и приготовился ждать. Смахнул с приклада прилипший березовый листок. Опустил карабин, положив ствол на деревянную поперечину.

Неподальёку, за полем, кричали журавли. Начинал курлыкать один, ему вторил другой, множились стонающие вопли, и сонмище тревожных криков

сливалось в булькающую, звенящую и рыдающую музыку. От неё сладко захватывало дух. Лемехов подумал, что журавлиная станица встала на вечернюю птичью молитву, и этот стонающий вопль слышит притаившийся в чаще медведь.

Стемнело. Лес стоял неразличимой островерхой стеной. Овсяное поле стало бурым, с млечной полоской тумана.

Он услышал бурлящий звук крыльев, который сильным хлопком оборвался недалеко от вышки. Навёл прицел на звук. В студенистом зеленом круге возникла тетёрка, её маленькая изящная голова, тонкая шея и круглое туловище с прижатыми крыльями. Она поворачивала голову в разные стороны, как женщина перед зеркалом. А потом принялась клевать овёс, долбя метёлки крепким клювом. Потом вдруг встрепенулась и улетела с замирающим булькающим звуком.

Лемехов ждал, когда стусится ночь, и в этой холодной гуще, пропитанной душистой сыростью, запахом пряных трав и горькой коры, возникнет медведь. Так же, как и Лемехов, он ждёт, когда погаснет на западе последняя голубая полоска.

Лемехов извлёк из кармана тепловизор, подарок офицера спецназа. Повёл им по полю. В окуляре была однородная серость, в которой вспыхивали розовые частицы. Горячая жизнь птицы или лесного животного не нарушала холодное однообразие поля, не отражалась в окуляре розовым нежным пятном.

И вдруг возникло это розовое свечение: два розовых силуэта появились на буром фоне. Они плыли, не касаясь земли, нежно-розовые, окружённые алой кромкой, — это лосиха и лосёнок пересекали поле, и казалось, они парят в невесомости, как два небесных светила. Лемехов с блаженным умилением следил, как посланцы неба пересекают поле. Забыл, что рядом лежит стальной карабин, заряженный смертоносными пулями, и он явился сюда, чтобы убить. Он был свидетелем чуда, и кто-то незримый, повелевающий лесом, полем и небом, удостоил его созерцания чуда, наградив волшебным зрелищем.

Розовые лоси плавно переплывали поле, оставляя гаснущий след. Исчезли, породив в душе Лемехова нежность и обожание.

Он вдруг подумал, что лоси предвосхищали появление медведя. Медведь послал их вперед себя, и теперь с минуты на минуту явится сам.

Лемехов схватил карабин. Он испытывал острое нетерпение, страстное ожидание, готовность выстрелить. Взгляд его сквозь прицел скользил по опушке. В канале ствола лежала пуля, приклад плотно упирался в плечо, палец касался спускового крючка, лаская гладкую сталь. Он сдерживал дыхание, успокаивая сердце. Глаз его сочетался с пулей, мускул руки сочетался с холодной сталью. Он был уверен в точности выстрела и ждал, когда из тёмного леса на водянисто-зелёное поле выйдет громадный зверь, чутко поведёт головой, запоздало обнаружит опасность и повернёт к лесу. Но в него уже вопьётся огненный выстрел, пуля пробурлит могучие кости, рассечёт сердечную мышцу.

Лемехов вёл прицелом, просматривая опушку, но медведя не было. Глаз уставал, палец нервно касался крючка, плечо затекло.

Он стал упрашивать зверя выйти из леса, выманивал его, умолял. “Выйди, ну, что тебе стоит! На одну минутку, на секундочку! Овёс вкусный, сладкий, для тебя приготовлено угощенье. Ну, выйди, умоляю тебя!”

Эта детская наивная молитва сменилась другой, обращённой не к медведю, а к тому безмолвному властелину окрестных чащоб и полей, который выслал к нему лосей, а теперь, вняв его молитве, вышлет и медведя. “Умоляю тебя, ты властелин, ты всемогущий. Твои лоси. Твоя тетерка. Твой красноголовик, который выглядывал из зеленого мха, когда я шёл по дороге. Пришли мне медведя!”

Эта языческая молитва, обращённая к лесному духу, не помогла. И он стал молиться Господу, совершая крестное знамение. “Я грешник, Господи, виноват перед Тобой, прости меня. Я каюсь, испущю грехи. Но пошли мне медведя, покажи, что Ты любишь меня, слышишь меня. Пошли медведя, Господи!”

Эта молитвенная страсть, жаркое упование жгли сердце, захватывали в раскалённую сердцевину всё бытие, ради которого он жил и дышал.

И вдруг его опалила мысль, которая пряталась во всех его молитвах: если он убьёт сегодня медведя, то станет президентом России. Медведь, как в сказке, таил в себе его будущее, его судьбу, его главное предназначение. Оно исполнится, если пуля пробьёт нынче медвежье сердце. И предначертанье не сбудется, если медведь не придёт.

Эта мысль страшно взволновала его, а потом опустошила и отлетела, оставив по себе лишь горькое недоумение. Лемехов сник, отвёл взгляд от прицела, снял палец с крючка и отложил карабин.

Он испытывал разочарование. Он молил Бога об утолении своей охотничьей страсти, своей искусительной потаённой мечты, которую внушил ему странный колдун с васильковыми глазами. Бог не внял его молитве. Он был неугоден Богу, был им отвергнут.

Он лежал на коврике в холодной ночи, и ветер летел над вышкой, посылая его мелким дождём. Не связанные между собой мысли его бежали и рассыпались.

Мимо проплыл борт лодки, чёрный, как вар, с белым росчерком мела. Возникло женское, розовое тело, одетое блеском воды. Его возлюбленная стояла под душем в перламутровой ванной, вода омывала её грудь, бежала по животу, и он касался губами её колен. Мозаичная икона “Державная” брызнула бриллиантовыми лучами, и возникло болезненное, раздражённое лицо президента, его презрительно сжатые губы, когда он смотрел на картину придворного живописца.

Все это кружилось, сталкивалось, рождало тревожное недоумение.

Он повёл тепловизором по ночному небу, направляя прибор в мутную пустоту. Перевёл его на лесную опушку, где кромка леса едва отличалась от поля, усеянного красными точками. Скользнул по овсам и увидел медведя.

Медведь был красным пятном, пульсирующим, как огромное сердце. Пятно, яркое внутри, бледнело по краям, растворяясь в серой мгле, где вспыхивали красноватые точки. словно сердце разбрызгивало капельки крови.

Лемехов боялся шевельнуться, моргнуть, чтобы дрожанье век не передалось через окуляры прибора и не спугнуло медведя. Лемехов умолял медведя, чтобы тот не исчез. Отложил тепловизор, подтянул карабин. Подкладывая ладонь под цевьё, упирая в плечо приклад, прижался глазом к трубке прицела. Зеленоватое пространство заструилось в прицеле, и в перекрестье возник медведь. Бурое тулово, заострённая голова, шевелящиеся лапы. Медведь сидел, загребая лапами метёлки овса, совал их в пасть, жевал и крутил головой. Подпрыгивал на ягодицах, перемещаясь вперёд, захватывал лапами новую охотку стеблей и заглатывал сладкое лакомство.

Лемехов моментальным усилием воли остановил неровное дыхание, успокоил сердцебиение, слил воедино мышцу плеча, хрусталик глаза, чуткий палец, лежащий на спуске. Навёл перекрестье туда, где, невидимое, билось медвежье сердце, и нажал на спуск.

Тугая отдача, грохот. Он успел увидеть в прицел, как дёрнулся, отшатнулся медведь. Знал, что пуля его настигла. Отложил карабин и в тепловизор оглядывал поле, ожидая увидеть алое пятно зверя. Медведя не было. Кругом была серая мгла, непроглядная муть.

Он жарко дышал, сердце колотилось. Он не мог промахнуться. Раненый зверь мчался сейчас сквозь лес, гонимый страшной болью, разбрызгивая кровь из раны. Или мёртвый, с пробитым сердцем, пробежав до опушки, рухнул дрожащей горой.

Лемехов не понимал, что ему теперь делать: оставаться на вышке до рассвета, дожидаясь егеря Макарыча с собаками, и по следу, по окровавленным травмам догонять медведя, чтобы добить лежащего, угрюмо глядящего на поднятые стволы. Или же, не дожидаясь рассвета, освещая путь фонарем, найти у опушки раненого зверя и, не давая ему опомниться, дострелить подранка.

В нём боролись благоразумие и страсть. Здравая осмотрительность, свойственная его рассудительной натуре, позволявшая избегать губительных решений, и жаркое нетерпение, которое внезапно охватывало его и побуждало

действовать вслепую, уповая на удачу, на счастливую звезду. И неизменно приводило к успеху.

Он свернул коврик и укрепил за спиной ремешком. Придерживая заряженный карабин, спустился с вышки. Зажёл фонарь и стал пробираться через овсы, светя ярким млечным пятном. Овсяные метёлки полегли от дождя, на сапоги летели блестящие брызги.

Лемехов увидел затоптанный овёс, вырванные с корнем стебли. Здесь медведь лакомился, загребая лапами метёлки, чавкал, сосал, подпрыгивал на ягодицах. Здесь в него попала пуля, толкнула навзничь, обратила в бегство. Лемехов светил фонарём, стараясь обнаружить кровь. Влажно переливались стебли, хрустально вспыхивала вода.

Лемехов осторожно пошёл к опушке, держа на весу карабин, готовый стрелять, если в свете фонаря вдруг возникнет косматая башка, белые клыки и красный язык. И всё это ринется с рёвом ему навстречу.

Опушка была в мелких кустах с жёлтыми листьями. Стояли невысокие ёлки, усыпанные каплями. В траве, в пятне фонаря мелькнул цветок лесной гераньки. Пахло сырой землёй, горечью увядающих трав, лесным туманом, в котором сладко истлевала листва. Крови не было.

Неужели он промахнулся? Спугнул зверя? И теперь тот укрылся в непролазной чаще. И весь огромный лес прячет его, стережёт, бьет по лицу Лемехова мокрой еловой веткой, громоздит на пути коряги, громко хрустит сучками, оповещает о его продвижении. И все обитатели леса — лоси, кабаны, тетёрки и рябчики — проснулись и наблюдают за ним. Сообщают медведю о его приближении.

Он увидел на травяном листе чёрную кляксу. Она блестела, как деготь. Он тронул её пальцем, палец поднёс к фонарю, и палец был красным.

Лемехов ликовал. Зверь подстрелен. Промчался, неся в себе пулю, брызнув на траву густой, как варенье, кровью.

Кровь пятнала траву, темнела на листьях длинными брызгами. Брызги указывали направление звериного бега. Лемехов, чуткий, осторожный, пружиная стопами, шагал, предчувствуя близость зверя. Втягивал воздух, стараясь среди холодных лесных ароматов поймать терпкий горячий запах крови.

Внезапно фонарь стал меркнуть, почти погас, только малиновым завитком виднелась нить накаливания. Видно, сел аккумулятор. Лемехов подумал, что это лесные духи, охранявшие медведя, погасили фонарь.

Царила тьма. Только в вершинах ёлок чуть синело ночное небо. Идти было невозможно. Стрелять, в случае появления раненого зверя, было невозможно. Нужно было поскорее возвращаться на овсяное поле, забраться на вышку и там в безопасности дожидаться рассвета.

Лемехов стоял, приподняв карабин, вслушиваясь в мрачную, опасную тишину леса. И вдруг почувствовал в этой тишине зияющую пустоту. Лес был пуст. Он обмелел, поредел, осел, словно из него вытек воздух, перестали пахнуть травы, хрустеть сучки, брызгать на лицо влага. Лес был мёртв, из него изошёл лесной дух. И Лемехов понял, что медведь убит. Пустота леса была пустотой дома, в котором лежал покойник. И эта тишина остановила Лемехова, опустошила. Вместо радости победителя он испытал недоумение, печаль, ноющую тоску. Словно пуля его убила не медведя, а весь лес. Казалось, он слышит слабый свистящий звук, словно из его груди сквозь прокол выходит воздух, — в груди оставалось всё меньше жизни, он вот-вот упадёт.

Он раскатал на земле коврик и лёг, прижавшись головой к словому корню. Уложил рядом ненужный карабин. Стал смотреть вверх, где едва синело небо.

Стояла тишина. Где-то неподалеку лежал медведь, и в его громадном, остывающем теле таилась убившая его пуля.

Лемехов лежал, вспоминая горячее алое пятно в тепловизоре, — излучение могучей жизни, которая теперь погасла. Почему-то вдруг вспомнил взлетающий истребитель, на испытаниях которого недавно присутствовал, и свой спор с министром обороны, касавшийся лёгных характеристик машины. Рассеянно подумал о своём заместителе Двулистикове, на лице которого постоянно держалось чуткое выражение преданности. Вспомнил свой за-

городный дом с зимним садом, где должен был распуститься цветок Виктории Регии — белая, плавающая в воде звезда с золотой сердцевинкой. Остро подумал об отце, пропавшем бесследно в Мозамбике, и о том, что где-то в африканской саванне среди трав есть место, на котором лежал отец, и в нём, как и в этом медведе, таилась убившая его пуля.

Послышался лай собак. Показался егерь Максимыч и второй мужик, долговязый, небритый, с лиловой отвисшей губой.

— Ну, Константиныч, завалил Мишу. Пуля моя заговорённая, ввинтилась ему под ребро.

— Где медведь? — спросил Лемехов.

— Тут, метров двести.

Медведь лежал среди мелкого ельника, бугрясь косматой спиной. Вытянул передние лапы, положил на них голову и закрыл глаза. Казалось, он спал, и в свои последние минуты больше не испытывал страдания, мучительного страха смерти. Примирился со своим уделом, кротко и безропотно принял смерть среди родных деревьев, любимых трав, крохотных предзимних цветков. На его бурой, отливавшей стеклянным блеском шерсти лежал жёлтый листок березы.

Лемехов смотрел на медведя и не испытывал торжества, а лишь мучительное непонимание мира, в котором он должен был выследить и убить этого огромного зверя. Опустошить лес, опустошить свою душу. И за это убийство увидеть кроткую звериную позу, какая бывает у спящих беззащитных детей. Это смирение в смерти. Этот малый золотой листок, глядя на который ему хотелось рыдать.

Собаки вились вокруг медведя, скулили, тонко взвизгивали, боясь приблизиться.

— Мы, Константиныч, шкуру сожем, скорняку отдадим. Тебе память. А за мясом мужиков из деревни пришлю. Тебе спасибо скажут.

Лемехов отошёл, присел на поваленный ствол. Смотрел, как Макарыч и мужик с лиловой губой сдирают с медведя шкуру.

Они перевернули зверя на спину, орудовали ножами, проводя хрустящие линии от горла к паху, делали кольцевые надрезы на лапах. С треском стаскивали шкуру, ударяя в мездру кулаками, рассекая лезвиями тугие плёнки. Казалось, они стаскивают с упавшего человека шубу, а тот не даёт, протестует, что его грубо раздевают.

Шкуру содрали и расстелили на траве мездрой вверх. Мездра была бело-розовой, в красных прожилках, отороченная жёстким мехом. Сам же медведь, липкий, красный, с литыми мускулами, был похож на окровавленного человека. На его голове с обрезанными губами, блестели клыки, чернели выпуклые, полные слёз глаза. Казалось, он хохочет и одновременно плачет.

Макарыч рассёк медведю брюхо, вывалил кишки, извлёк сердце и печень. Положил на траву, и они казались двумя мокрыми тёмно-коричневыми валунами. Лемехов видел, как Макарыч окровавленными руками устало оттирает со лба пот. От медведя исходил парной дух. Собаки крутились у тужи, опьянев от крови. Мужик с лиловой губой отгонял их ногами.

— Пошли обмывать добычу! — Макарыч завернул сердце и печень в клеёнку, погрузил в мешок. Они двинулись через лес к дороге.

Вечером в избе было дымно. Макарыч поставил на стол огромную сковородку с жареной медвежьей печенью. Наливал в стаканы водку.

— Ты, Константиныч, настоящий стрелок, — пьяно гудел Макарыч. — Много тут всяких бывает: генералы, депутаты. Так себе охотники, скажу я тебе. А ты, Константиныч, стрелок от Бога.

Лемехов пил водку, подхватывал вилкой куски обжигающей печени. Верхоустин смотрел на него счастливыми васильковыми глазами. Пьянея, Лемехов подумал, что это Верхоустин своим колдовством подвёл медведя под выстрел и его направлял в ночи по кровавой тропе, уложил у елового корня, навел веший сон. И заронил в Лемехова мучительную мечту, и обрызгал её жертвенной кровью.

Наутро прилетел вертолёт и доставил Лемехова и Верхоустина в аэропорт. В дороге они почти не разговаривали. В Москве, холодно прощаясь с Верхоустиным, Лемехов решил больше с ним не встречаться.

Глава восьмая

Лемехов любил возвращаться в свой загородный особняк в Барвихе. После утомительных совещаний в министерствах, после поездок на заводы и полигоны в уютной машине, в сопровождении тяжеловесного джипа охраны он мчался по Рублёвке, расплёскивая лиловые вспышки. Прорывался сквозь чад и рокот к Москве-реке, к реликтовым соснякам, к великолепным дворцам и усадьбам. Его дом был построен в стиле ампир. Архитектор использовал мотивы подмосковной усадьбы Суханово, где Лемехов в детстве жил вместе с мамой в доме отдыха архитекторов. Чудесны были белые колонны и медового цвета фасад, ажурная беседка и зимний сад, просторная ротонда и изумрудный газон.

У чугунных узорных ворот его приветствовал охранник.

— Здравия желаю, Евгений Константинович. За время вашего отсутствия происшествий нет.

Газон был сочный, зелёный, очищенный от палой листвы. Вдалеке белела беседка с колоннами. Кусты вокруг неё казались оранжевыми, красными и золотыми шарами. Садовник в фартуке, с секатором, снял перед ним тирольскую шляпу:

— С приездом, Евгений Константинович. Докладываю, что ваши любимые голландские георгины выкопаны и чудесно перезимуют. Розы укрыты, а уссурийский орех утеплён, и ему не страшны морозы. Загляните в оранжерею, там вас ожидает сюрприз.

— Спасибо, Валентин Лукьянович, рад вас видеть.

Лемехов прошёл к дому. К стеклянному входу вели чёрные, чугунного литья ступени. Фронтон украшен литыми павлинами. У входа стояли два мраморных льва. Лемехов тронул тёплой рукой холодную львиную голову.

В доме было светло и чисто. Веяло свежестью просторных прибранных комнат. Его встретил миловидный пожилой служитель Филипп Филиппович, которого Лемехов называл “мажордомом”.

— Заждались вас, Евгений Константинович. С прибытием, — на лице мажордома гуляла простодушная искренняя улыбка. Лемехов, отдавая мажордому пальто, шутливо спрашивал:

— Нет ли каких известий от государыни императрицы? Здоров ли светлейших князь Остерман? И верно ли, что у баронессы фон Зигель оценилась болонка?

— Всё хорошо, Евгений Константинович. Все, слава Богу, здоровы. Обед сейчас велите подать?

— Чуть погода, Филипп Филиппович.

Ему не терпелось заглянуть в зимний сад и узнать, какой сюрприз его ожидает.

Оранжерея напоминала прозрачный кристалл. Здесь теснились кадки с растениями. От глянцевиных листьев, тропических цветов, укутанных в мох стволов исходили испарения, туманившие стёкла зимнего сада.

Лемехов, задевая плечами ветки, прошёл к бассейну. В нём плавали круглые, как зелёные тазы, листья Виктории Регии. Из тёмной глубины всплыл цветок.

Белоснежные, как из сливочного масла вырезанные, лепестки. Золотые тычинки, окружавшие крохотный слиток золота. Дивная звезда взошла над тёмной гладью бассейна, в котором промелькнул и скрылся рыбий плавник. Лемехов с восхищением смотрел на цветок. Своей целомудренной красотой и доверчивой негой он говорил о благополучии дома, о достатке и изобилии, среди которых только и мог расцвести этот волшебный цветок Амазонки.

Среди растений, собранных стараниями садовника Филиппа Филипповича, были три дерева, которым Лемехов поклонялся. Это поклонение исходило из глубин древних верований, которые в нём тайно цвели среди рокота танковых моторов, взлетов ракет, отточенной логики научных концепций. Эти тайные верования, в которых он бы никому никогда не признался, уживались с церковными службами, с бриллиантовым ликом Богородицы, оставившим на губах нежное тепло. Они были из тех времен, когда его забытые

предки поклонялись священным рощам, оплетали берёзы лентами, населяли леса и воды духами жизни и смерти.

Араукария с мягкой дымчатой хвоей, с пушистыми, распростёртыми ветками напоминала женщину, раскрывшую объятия. Этой женщиной была его мать, это она раскрыла ему свои материнские объятия. Её душа, её чудесные переживания, её молчаливая любовь не исчезли после её смерти, а переселились в это вечнозелёное дерево. Лемехов взял в ладони мягкую опушённую ветку и поцеловал, как делал это при жизни мамы, целуя её милую руку. Араукария слабо качнула в ответ своими зелёными перстами.

Олеандр касался араукарии глянцевитой листвой. Это был отец, который не исчез на берегах Лимпопо, а перенёсся сюда, в оранжерею и вселился в дерево. Облачился в листву, иногда расцветая розовыми цветами, словно обращался к сыну с неизъяснимым отцовским влечением. Лемехов подолгу смотрел на цветущее дерево, стараясь угадать безмолвное послание, быть может, рассказ о том, каким был последний день и час отца у берегов жёлтой африканской реки, где настгла его смерть. Лемехов погрузил лицо в листву олеандра, чувствуя слабый смоляной аромат. Радовался тому, что листья олеандра и араукарии касаются друг друга, словно мать и отец встретились после долгой разлуки и теперь неразлучны.

И третье дерево, молодая пернатая пальма, вызывала в нём большую нежность и горькое обожание. Это был его нерождённый сын, от которого избавилась жена в помрачении, с их обоюдного согласия. Это сыноубийство превратилось с годами в разрушительную невыносимую боль, от которой жена потеряла рассудок и томилась уже несколько лет в клинике для душевнобольных. А он, в своих блистательных победах и неуклонных восхождениях, чувствовал в душе пулевое отверстие, в которое постоянно втекала струйка шемящей боли. Лемехов поцеловал молодой лист пальмы, напоминавший нераскрытый веер. Подумал, что сын продолжает жить, возрастает в этом стеклянном дворце.

Дом, в котором жил Лемехов, был двухэтажный, окружённый газоном и парком, сквозь который просвечивали соседские великосветские виллы. На первом этаже размещались кухня, столовая, службы, просторная гостиная и спальня, а также сауна и бассейн в полукруглой ротонде с прозрачным куполом. На втором этаже была спальня, рабочий кабинет, библиотека и комната, в которой жила, болела и провела последние дни мама.

В этом просторном и ухоженном доме иногда посещало его чувство одиночества. И он радовался, когда приезжала его возлюбленная Ольга, молодая, прелестная, композитор и музыкант. Она сочиняла сладостные и печальные блюзы, которые сама исполняла на флейте. Вот и сегодня он поджидал её в гости. Не стал обедать, попросив мажордома сервировать стол для ужина. Отпустил прислугу и гулял по дому, глядя, как в просторных окнах золотятся деревья, и на изумрудном газоне драгоценно белает беседка.

В комнату мамы он заходил очень редко. На мгновение приоткрывал дверь, видя кровать, где прошли её последние часы, и стены, сплошь завешенные иконами. К концу жизни мама воцерковилась, не пропускала службы, ездила в паломнические поездки, привозя из них множество больших и малых образов, пасхальных свечек, пузырьков с ладаном. Иногда он садился на кровать и смотрел на иконы, перед которыми мама молилась. О его, сыновнем здравии, об отце, возвращение которого вымалывала до последнего часа, и о чём-то таком, что вызывало у нее тихие слёзы. Лемехов смотрел на иконы, которые были зеркалами, хранившими материнское отражение, и пугался, что однажды откроет дверь в комнату, и навстречу ему, среди горящих свечей и лампад, шагнёт мама со своим чудным любящим ненаглядным лицом.

На столе в рабочем кабинете стояли телефоны правительственной связи, лежали документы, которые он не успел просмотреть перед поездкой. Стол укрывали сувенирные модели танков, штурмовиков, зенитно-ракетных комплексов, и среди них лежала огромная морская раковина, розовая, спиралевидная, с перламутровой глубиной. Эту раковину подарила ему Ольга, уверяя, что в ней звучит голос её флейты.

Лемехов поднёс раковину к уху, и ему почудилась печальная сладковзвучная мелодия.

В библиотеке он рассеянно рассматривал дорогие корешки подарочных изданий, вынул и поставил на место книгу Тосфлера на английском, труд Бжезинского “Большая шахматная доска”. Среди нарядных паспарту и расцвеченных суперобложек стояли книги отца: этнография Мозамбика, экономика португальских колоний, история Африканского национального конгресса. И втиснутая между этих томов тетрадь для календарных записей. В ней хранились отцовские заметки и его стихи. Эту тетрадь принёс отцовский сослужавец уже после того, как отец пропал без вести.

Лемехов достал тетрадь, присел на диван и стал читать написанные сними чернилами четверостишия, читанные много раз. И всякий раз они вызвали головокружение, как если бы он чувствовал вращенье земли.

*Царило африканское засушье.
В голодных деревьях стояли плачи.
Пила из лужи лань, прижавши уши,
Поджарый волк и я, “солдат удачи”.*

*Горела Африка, и дикое зверьё
Бежало сквозь огонь сухих акаций.
Бежал и я, не отпускал цевьё
Обугленной трофеейной “Эм шестнадцать”.*

*Нас уцелело двое из немногих.
Мы добирались до прибрежных глыб.
Нам океан выплёскивал под ноги
Серебряных и золочёных рыб.*

*Кипела на ветвях обугленных смола.
Мы у костра вповалку все уснули.
И в брошенных, обшарпанных стволах,
Устав летать, дремали наши пули.*

Лемехов перечитывал это и другие отцовские стихи. Душа отца тосковала по прекрасному и возвышенному, погружённая в жестокую войну, которая, в конце концов, унесла его в свою бездну. Среди страниц вдруг обнаружилась притаившаяся песчинка. Быть может, её принёс ветер, оторвав от барханов в устье Лимпопо, где пресная речная вода мешается с океанским рассолом.

Глава девятая

Лемехов увидел, как подкатил автомобиль. Плавно застыл у крыльца, и из него вышла Ольга. Ему показалось, что неслышная мелодия, та, что она играла ему во время последнего свидания, вдруг сладостно полилась. Ярче засветился зелёный газон, драгоценней засверкала беседка, таинственно отозвались в сердце стихи отца, нежнее задышал белоснежный цветок на тёмной воде бассейна. Ольга шла, опустив глаза и чуть улыбаясь, словно знала, что ею любуются. В руке у неё был узкий футляр, в котором хранилась флейта. Её кожаный жакет был оторочен пепельным мехом. Светлые волосы гладко зачёсаны и собраны на затылке. Лицо с нежным овалом выражало счастливую уверенность в том, что её ждут, любят, и она готова ответить на эту любовь.

Лемехов обнимал её, просовывал торопливые пальцы в рукава жакета, чувствовал её запястья, целовал её голую шею, хрупкую тёплую ключицу. Принимал футляр с флейтой, помогал снять жакет.

— Как прошли гастроли? Как Лондон? Тебя принимали в Виндзорском замке? В Букингемском дворце?

— Ну, конечно, вся династия плясала под мою дудку. А принц Чарльз предложил мне играть в придворном оркестре и подарил флейту из индийского самшита, инкрустированную перламутром и золотом.

— Такую же он подарил принцессе Диане. Мелодия вышла печальная.

— Ну, это всё шутки, конечно. Был концерт в “Альберт-холле”, было несколько концертов в Шотландии. И один концерт для нашей русской респектабельной публики во дворце, в предместье Лондона. Кстати, дворец принадлежит Вениамину Гольдбергу. Он назвался твоим хорошим знакомым и даже партнёром. Я так его очаровала, что он готов организовать моё турне по Америке.

— Веня ловкач, славится тем, что организует турне хорошеньким женщинам. В лихие девяностые годы ему удалось приватизировать мощное оборонное КБ, производящее антиракеты. Он получил от государства деньги, провалил заказ, и, должно быть, на эти деньги купил дворец в предместье Лондона. Теперь мы не знаем, как вернуть государству стратегическое КБ.

— Но он очень галантен, и в восторге от моих сочинений, — Ольга поддразнивала Лемехова. Но, заметив огорчение на его лице, обняла его, поцеловала в губы:

— Всё это пустяки, мой милый. Я у тебя. Ты мой единственный и неповторимый. И я очень хочу есть.

Они обедали вдвоём, без прислуги. Горящие спиртовки не давали остыть бульону из индейки и медальонам из телятины. Он наливал прохладное “Шабли” в высокие бокалы. Смотрел, как губы её касаются золотистого вина, пьют и улыбаются. На округлом подбородке дрожит милая ямочка. В больших серых глазах отражается окно с жёлтым клёном.

— Ну, а как ты путешествовал? Какие были у тебя приключения?

— Да как тебе сказать. Было нечто странное.

— Что странное?

Он не стал ей рассказывать о чёрной громаде лодки, проносящей мимо глаз свой чудовищный борг. О ракете, взлетавшей из моря в слепящей плазме. О медведе, уронившем на передние лапы мёртвую голову, и желтом листке берёзы, который прицепился к его загривку. Вместо всего этого он рассказал ей о разговорах с Верхоустиным. Ольга выслушала и уверенно ответила:

— Я не удивляюсь. Это пронизательный человек, а никакой не колдун. Я слабо разбираюсь в политике, не слежу за всеми избирательными гонками, этими лидерами. Но все они тебя не стоят. Одни — мнимые герои, пустышки, другие — самодовольные гордцы, третьи — хитренькие трусливые карлики, четвёртые — мстительные лилипуты. Ты абсолютно на них не похож. Ты свежий, сильный, открытый. Тебе всё без труда удаётся. Тебе поручили такое дело, перед которым другие пасуют, а ты строишь города и заводы, создаёшь чудесные машины. Я влюбилась в тебя, когда ты на вечеринке среди всех пустословов стал рассказывать о самолёте, который то летит, как вихрь, то останавливается в небе, как серебряный крест; то сверкает, как солнце, то становится невидимкой. Ты говорил о самолёте, как поэт, и мне захотелось написать музыку об этом самолёте. Лабазов выглядит усталым и разочарованным. То ли он болен, то ли ему всё надоело. Я вижу тебя на его месте. И не только я. Там, в Лондоне, когда Гольдберг пытался меня соблазнить, а я смеялась над ним, он сказал: “Ну, где мне угнаться за Лемеховым. Он же будущий президент”.

— Я думал, ты попросишь, чтобы я опомнился, — сказал Лемехов, — сможешь ли мне избавиться от наваждения.

— И не подумаю тебя отговаривать. Ты будешь президентом. Ты уже президент, но ещё об этом не знаешь. А я первая леди. Мы будем с тобой прекрасной парой. Вот белоснежный лайнер с надписью “Россия” приземляется в Париже, в Орли. На трапе мы появляемся вдвоём, и тысячи репортёров наводят на нас свои камеры. А потом в светской хронике появляется мой портрет с флейтой, и надпись: “Первая флейта России”.

— Надеюсь, что подобный снимок никогда не появится.

Они купались в бассейне. В полутьме вода казалась тёмным стеклом. Лемехов видел, как раздевается Ольга, как белеет её голая спина. Она приблизилась осторожно к краю бассейна. Её лопатки зябко двигались. Он включил свет, и бассейн вспыхнул лазурью. Сквозь прозрачную воду засверкали на дне мозаичные раковины, морские звёзды и водоросли. Ольга радостно

обернулась — благодарила его за это восхитительное зрелище. Спустилась по ступенькам в бассейн. По воде побежали волны. Донные водоросли, звёзды и раковины слились в разноцветное плескание, среди которого она плыла, поднимая и опускающая плечи. Она переплыла бассейн и встала, улыбаясь ему. Гнала от себя волны, и он видел, как блестят её мокрые пальцы, и тело просвечивает сквозь голубую воду.

Лемехов сбросил одежду, смешав её с легким ворохом, который Ольга оставила на плетеном кресле. Подошёл к краю бассейна и, толкнувшись, звонко врезался в воду. Летел вдоль дна, среди мелькающих мозаичных цветов, видел, как приближается жемчужное пятно. Обнял под водой её ноги. Целовал ступни, колени, живот. Ловил под водой её пальцы, пока хватало воздуха. А потом поднялся рядом с ней, сбрасывая с плеч шумную воду.

— А я думала, это дельфин целует меня.

Она выскользнула из его объятий и поплыла на спине. Он видел, как поднимаются и опускаются её руки, отекая слюдяным блеском, как кипит маленький бурн у её ног, как всплывает и тонет её грудь. Она оставляла на воде расходящийся след, и эти мягкие волны и её обнажённое тело волновали его.

Он укутал её в меховое полотенце, а потом обнял и отнёс в спальню. Уложил на тёмное покрывало. Она лежала, влажная, белая, как тот цветок, что распустился в соседней оранжерее над тёмной водой.

Её глаза закрыты дрожащими веками, золотистые изломы бровей. Снежная лыжня в сверканье солнца, он вонзает в лыжню заостренные лыжи. Её белое худое плечо, он жадно его целует, оставляя гаснущие отпечатки. Шелестящие тростники Лимпопо, отец выходит на берег в линялой панаме с худым загорелым лицом. Её сжатые побледневшие губы, он кусает их тёплую плоть с солёной капелькой крови. Тёмная, залитая водой колея с цветами лесной герани, на чёрной земле — сердцевидный лосиный след. Его ладонь на её поясице, гибкое скольжение спины, трепет её позвонков. Кудрявый шлейф взлетевшей ракеты, и там, где она поймала мишень, белый бесшумный взрыв. Её раскрытые, с блеском белков, глаза, слепые от наслаждения. Лицо жены, измученное и печальное, проплыло, как больное виденье. То слабый, похожий на птичий, вскрик, то хохот с блеском зубов, то длинный, исполненный боли стон. Негасимая заря над карельским озером, гагара уронила в воду незримую каплю, от которой расходится медленный серебряный круг. Её ногти больно режут голую спину, ноги захлестывают жаркой петлей. Тот маленький камушек, привезённый мамой с Мёртвого моря, и размытый в лунном свете силуэт сидящего у моря Христа.

Лемехов чувствовал, как приближается к горящей, оплавленной сердцевине. Он упал лицом на её лицо, пролетел сквозь её долгий исчезающий крик. И навстречу полыхнуло слепящим светом, оглушило бесшумным взрывом, и он пропал, забывался, не успев разглядеть промелькнувшее стокрылое существо.

Он лежал рядом с Ольгой, не смея её касаться.

— Ты называл меня Верой, — сказала она.

— Правда?

— Любил меня, а видел жену.

— Любил тебя.

— Мучаюсь, когда к тебе прихожу. В этом доме присутствует другая женщина. Сажу за столом, за которым она сидела. Ем из тарелок, из которых ела она. Плаваю в бассейне, в котором плавала она. Лежу с тобой на кровати, на которой ты лежал с ней.

— Не думай об этом.

— Приближаюсь к твоему дому, и мне кажется, твоя жена не пускает меня, отгоняет. Я с трудом перешагиваю твой порог.

Лемехов почувствовал к ней отчуждение. Она причинила ему страдание. Сказала вслух то, что глухо и беззвучно присутствовало в нём. Вина перед женой, которая в забытьи, измученная лекарствами, томится в клинике для душевнобольных. Иногда пробуждается из своего полусна в припадках тоски, в слёзных истериках. Жена казнила себя и его, выкликала нерождённого сына, рвала себе грудь, пока на неё не накидывали смирительный балахон, усыпляли уколom. Минуту назад, обнимая прелестную женщину, он

увидел лицо жены и малиновую зарю над карельским озером, где они были с женой так счастливы.

— Ты не хочешь об этом слышать. Тебя устраивают наши отношения. Но пойми, они меня не устраивают. Они тяготят меня своей недосказанностью, двойственностью. Мы встречаемся целый год. Бываем в обществе, ты представил меня друзьям. Опекаешь меня, даришь мне драгоценности. Ты идеальный возлюбленный. Но мне этого мало. Я люблю тебя, я хочу быть твоей женой. И ты этого хочешь, но не находишь в себе мужества развестись с этой несчастной женщиной. Ты сам сказал, что она неизлечимо больна. Тебя разведут с ней. Ты будешь так же её навещать, помогать ей. Но она не может быть препятствием для нашего счастья.

— Прошу, не надо об этом.

— Я всё время молчала, но уж коли начала, то скажу. Я очень тебя люблю. Ты прекрасный, благородный, добрый. Среди мелких суетливых мужчин, этих героев на час, то алчных, то скаредных, то трусливых, то жестоких, ты возвышаешься, как прекрасный великан. Ты мой избранник. Я посвящаю тебе мою музыку. Я хочу быть украшением для тебя. Хочу, чтобы те, кто восхищается мной, восхищались тобой. Хочу иметь семью, родить от тебя ребёнка. У нас будет прекрасная семья, прекрасный дом, куда ты сможешь приглашать самых изысканных гостей. Хоть мировых знаменитостей. Хоть принцев крови. Я буду служить тебе всю жизнь и никогда не дам тебе повода во мне усомниться. Ни один мужчина не посмеет бросить на меня неосторожный взгляд, потому что все будут знать: ты мой единственный и ненаглядный. Прошу тебя, разведись с женой.

— Не теперь, умоляю. Не надо об этом.

Они лежали молча, не касаясь друг друга. И ему казалось, что по дому невидимая, босая бесшумно бродит жена. Сейчас заглянет в их комнату.

Ольга тихо поднялась, пробежала в прихожую и вернулась с футляром. Открыла крышку. В тёмной сафьяновой глубине лежала тёмно-красная флейта с драгоценными серебристыми клапанами. Ольга извлекла флейту, поднесла к губам, положила пальцы на блестящие кнопки. Пробежала по ним беззвучно.

Лемехов смотрел, как она сидит, обнажённая, приподняв острые плечи, чуть вытянув губы, словно для поцелуя. Красное лакированное дерево флейты переливалось, розоватый отсвет волшебного инструмента лежал на её голый груди. Её глаза изумлённо расширились, а потом сжались, словно устремились в лучистую даль. Тягучий, как язык мёда, звук сладостно излился из флейты. Лемехов испытал головокружение, будто его повлекло в медленных струях, водоворотах, понесло в разливы прохладных вод.

Её пальцы перебирали клавиши, словно ласкали флейту. Инструмент казался морским существом, приплывшим к ней в руки из таинственных глубин. Звуки, которые издавала флейта, были звуками моря, перламутровых раковин, шелестящих приливов. Он испытывал нежность, умиление, какие случались с ним в детстве, во время болезни, когда мама клала его на свою большую кровать, и он, беспомощный, в туманном жару смотрел на её любимые руки, ожидая их чудного прикосновения.

Ольга закрыла глаза, отрешаясь от внешнего мира, погружаясь в глубины перламутровых звуков. Лемехов тоже закрыл глаза и перенёсся в прозрачный весенний лес, где просторные ели, остатки серого снега. И в вершинах поёт одинокая птица, незримо и безответно. И в душе такая печаль, такая сладостная боль, предчувствие огромной, ему уготованной жизни с её предстоящими утратами.

Ольга открыла глаза, они ликующе вспыхнули. Пальцы заплясали на дудке. Золотистые волосы рассыпались по голым плечам. Волны радости, ликования хлынули из волшебной флейты. И казалось, из тучи брызнули голубые лучи, накрыли землю шатром, и стали видны каждый колосок в поле, каждая росинка в лугах, каждая тропка в дубраве. Лемехов испытал восхищение, необъятную силу, с которой ему по плечу любая схватка, достижима любая победа.

Ольга запрокинула голову, обнажив хрупкое горло. Оно дрожало, как у поющей птицы. Устремила флейту ввысь, словно обратилась с мольбой в небеса. Славила лазурь. Просила Творца отворить врата небесного сада. И врата открывались. Лемехов видел красоту небесных цветов.

Ольга отняла флейту от губ. Опустила её на колени.

— Для тебя! О тебе! Люблю!

Он целовал её колени, целовал лежащую на коленях флейту.

Глава десятая

Лемехов сосредоточил внимание на программе лазерной орбитальной системы, которая выводилась в космос сверхмощным носителем. Система фиксировала старты баллистических ракет противника, передавала информацию на дальнобойные орбитальные лазеры, и те сбивали ракеты врага. В дальнобойных лазерах использовались линзы и зеркала из особых стёкол с идеальной поверхностью. Лемехов торопил строительство новых объектов, способных создавать подобные стёкла. Теперь он ехал на подмосковный оптический завод, где предполагалось строительство новых цехов.

Лемехов находился в одной машине со своим заместителем Леонидом Яковлевичем Двulistиковым. Смотрел на его сосредоточенный утиный нос и чуткие хрящевидные уши, и строго выговаривал:

— Вы возьмёте под личный контроль строительство этих цехов. Сегодня же проведёте совещание с представителями Минобороны, Военно-промышленной комиссии и Министерства промышленности. Соберете строителей, учёных и финансистов. И выработайте, наконец, чёрт возьми, внятный график работ.

— Мне будет трудно провести совещание без вас, Евгений Константинович. Моего авторитета не хватит.

— Причём здесь авторитет! Говорите жёстко от моего имени. А мне дайте вздохнуть. Я сегодня иду в театр, слушаю оперу “Борис Годунов”. Вы можете меня отпустить? Ведь я вам не нянька.

— Есть вопросы, Евгений Константинович, которые без вас не решаются, — упрямо возразил Двulistиков.

— А если я умру? Или меня прогонят с работы? Или переведут на другое место? Вы, мой заместитель, займёте мою должность. Вам придётся самостоятельно решать все вопросы.

Хрящевидные уши Двulistикова побелели, а мочки налились, словно ягоды брусники. И он, как в редких случаях душевного волнения, пренебрёг субординацией и обратился к Лемехову, как давний товарищ:

— Женья, что ты говоришь! Лучше я умру, чем умрёшь ты! Если тебя отстранят от работы, я в ту же секунду уйду! Я не предатель. Если кому-то ты не угоден, я этим никогда не воспользуюсь. Если ты перейдёшь на другую работу, я уйду вместе с тобой. Пойдёшь прорабом на стройку, и я пойду. Пойдёшь учителем в сельскую школу, и я пойду. Пойдёшь улицы подметать, и я пойду. Я тебе сказал, что останусь с тобой до конца, и ты мне верь!

Лемехову были приятны эти уверения в преданности. Усмехаясь, он поддразнивал Двulistикова:

— Если меня, как скифского царя, закопают в курган, то придётся и тебя заколоть и закопать рядом. Ты согласен?

— Женья, я согласен! Я уже в одном кургане с тобой!

Лемехов пожалел о своей шутке. Благодарно посмотрел на товарища, лицо которого трепетало от волнения.

Они приехали в подмосковный город. Здесь размещался оборонный завод оптического стекла, уцелевший в камнедробилке недавних лет. Инженеры сберегли драгоценные технологии, не отдали на растерзание “реформаторов”, которые рубили под корень могучее древо советской промышленности. Стекло продолжало вариться, оснащая танки, корабли, самолёты прицельной оптикой.

Директор завода показывал Лемехову площадки под будущие цеха. Лемехов выслушивал жалобы директора на затруднения. На городское начальство, не отдававшее под строительство землю. На проектировщиков, медлящих с чертежами. На финансистов, не дающих денег на приобретение немецкого оборудования.

— Наши люди, Евгений Константинович, хотят работать. Истосковались по большому делу. Мы люди космические, нам на земле тесно.

Они шли по цехам, и Лемехов с юношеским интересом наблюдал за работой стекловаров, этих “людей света”, колдующих над стеклом. Не тем, оконным, что вставляют в окна или вешают на фасады банков и супермаркетов. А тем драгоценным и таинственным, в котором свет обнаруживает свои волшебные свойства.

От керамических печей, от титановых тиглей веяло жаром. Гудели формунки. Метались рыжие отсветы. Мерцали индикаторы.

— Когда мы на ладан дышали, Евгений Константинович, к нам приезжали американцы. Просили продать рецепт стекла, устойчивого к радиации. Не только для самолётов, попавших под атомный взрыв, но и для марсианского корабля, которому предстоит парить в потоках космического излучения. Мы деньги не взяли, секрет сохранили. Когда на Марс полетим, вы к нам обращайтесь, Евгений Константинович. Сейчас мы вам покажем марсианское стекло.

Директор махнул рукой. Рабочие подцепили к подвесному устройству и повлекли окруженный пламенем тигель через весь цех к металлической форме — пустому стальному ящику. Тигель медленно наклоняли, и из него истекал вялый оранжевый мёд, медленный тягучий язык, от которого лицу становилось жарко, а по цеху разливалась заря, будто вставало солнце. Форма принимала стекло, и оно янтарно дышало, окружённое нимбом.

— Теперь, Евгений Константинович, это стеклышко будет остывать. Его остыванием управляет компьютер. Программа остывания — это наша тайна. Секрет нашей кухни. Американцы хотели узнать секрет, а я им сказал; “Возьмите, говорю, ложечку и хлебните. Может, угадаете”.

Директор, освещённый стеклянным слитком, таинственно улыбался, как хранитель волшебных тайн. Пояснял Лемехову, что слиток остывает несколько дней, а иногда и недель. А огромное зеркало для лунного телескопа остывало два года.

— А эти алмазные пилы мы заказали в Японии. Они занесены в список запрещённых к продаже товаров. Но японцы не любят американцев и продали нам пилы втайне от них: “Пилите, да нас не выдавайте”!

Многотонный стеклянный брусок, похожий на льдину, подводят под алмазную пилу. С жужжаньем и звоном пила рассекает льдину на тонкие ломти. Членит прозрачную глыбу на матовые пластины. Из них, отшлифованных до блеска, будут созданы линзы для биноклей и подзорных труб, танковые триплексы и прицелы, дальномеры и телевизионные трубки. Соединённые с электроникой, они наполнят самолёты и танки, рубки кораблей и космические аппараты. Хрустальные зрачки помогут обнаружить врага и уничтожить его на земле, на воде и в небе.

— Спасибо вам, Евгений Константинович, мы с вашей помощью получили заказ на стёкла для лунной атомной станции. Уже смоделировали их работу на компьютере и получили отличный результат. Вы же видите, мы вполне современное производство. Давайте строить новые цеха. И мы весь мир застеклим.

Лемехов трогал зеленоватые стёкла, похожие на прозрачные леденцы. Их вставят в смотровые гнёзда атомных станций. Оператор механическими стальными руками будет извлекать из реактора прогоревшие твэлы, заменять их новым горючим.

— А это уникальные зеркала для установок термоядерного синтеза. В этих зеркалах, если хотите, отражается будущая энергетика. “Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи...”. Александр Сергеевич Пушкин знал секрет этих стёклышек.

Лемехов рассматривал зеркала, слушая пояснения директора. Эти зеркальные стёкла собираются в установку, в которой лучи множества лазеров направляются к мишени, обстреливают её сверхточными попаданиями. Удар света поджигает мишень, превращает её в крохотный плазменный взрыв. Из этого взрыва вычерпывается электрический импульс. Пульсирующие безопасные взрывы станут источником дешёвой электроэнергии, утолят энергетический голод планеты.

Лемехов был увлечён волшебными стёклами, игрой светового луча. Он преклонялся перед людьми, сохранившими завод среди погромов и разорений. Восхищался директором, в котором, казалось, сияет тихая радуга. Стеклоvarами, подобно алхимикам, кидающими в печи крупицы золота и свинца. Молодым инженером, играющим зеркалами, в которых мечется солнечный зайчик. Лемехов расспрашивал о трудностях, мешавших работе. Обещал помочь. Хотел быть полезным этому героическому заводу, без которого невозможно оборонное дело, невозможно становление государства. “Русская история, — думал он, — световод, по которому из древности в наши дни льются потоки света. Пробиваются сквозь тьму, пронзают ослепительными вспышками чёрные тромбы истории. Выполняют божественный завет о неизбежной победе света над тьмой, вечной жизни над смертью. Смерть одолима не только здесь, на земле, но и в бесконечной Вселенной, где гибнут звёзды и умирают планеты. Смерть одолима, ибо мир сотворён как источник света, и тьма не объёмлет его”.

— А есть ли такие стёкла, что пропускают луч из нашего мира в мир загробный? Лазеры, своими лучами уничтожающие смерть?

— Построим новые цеха и создадим такие стёкла, Евгений Константинович, — серьёзно ответил директор.

Лемехов увидел огромную стеклянную чашу, похожую на чёрное озеро. Над поверхностью озера мерцала слабая вспышка, хрупко отражалась в стеклянной толще. Директор подвёл Лемехова к чаше. Чаша была громадным зеркалом телескопа, которое привезли на завод из обсерватории в горах Кавказа. С великой предосторожностью его спускали с горы в долину, грузили на платформу и доставляли в низовья Дона. По Дону, по Волге влекли по воде до Москвы-реки. Осторожно, как драгоценный сосуд, привезли на завод. Установили в цеху, где его шлифуют и полируют, удаляя с поверхности образовавшиеся шероховатости и неровности. Сообщают зеркалу способность видеть зорче, различать во Вселенной незаметные прежде светила.

— Для шлифовки, Евгений Константинович, уже не достаточны прежние мастики и пасты. Шлифуем с помощью ионных пучков, — он указал на мерцающую вспышку. — Эти пучки вылизывают поверхность зеркала, снимая неровности величиной с молекулу. А это уже воплощение нанотехнологий: откусываем от стекла по молекуле.

Вечером Лемехов отправился в Большой театр слушать оперу “Борис Годунов” с чудесным басом Моториным. Постановка была классическая, сталинская, не испорченная нововведениями, которые умаляли мощь державной музыки.

Перед спектаклем он заехал за Ольгой и нашёл её у зеркала. Она примеряла вечернее платье с обнажёнными плечами и голой спиной. Они бело-снежно сверкали среди чёрных шелковых складок.

— Ну, как тебе? Как я буду выглядеть в золочёной ложе?

Лемехов опустил руку в нагрудный карман. Извлёк длинный футляр. Раскрыл, и бриллиантовое кольцо брызнуло лучисто, заиграло у него на ладони.

— Боже, это мне?

Он надел кольцо на её высокую шею. Прильнул губами, чувствуя, как благоухает её тёплая кожа. Они оба отражались в зеркале, и кольцо сверкало, как солнечная струйка.

— Люблю тебя, — сказала она.

Большой театр поражал своим пышным имперским величием: могучими колоннами, чёрным, летящим в небесах Аполлоном. Зал из царской ложи казался сафьяновым, был полон бархатного мягкого света. Высились золотые ярусы, переливалась великолепная люстра. Занавес с неподвижными склад-

ками был украшен серебристой геральдикой. Оркестровая яма зияла таинственным провалом. Из неё раздавались обрывки мелодий, какофония скрипок, валторн. Звуки напоминали бесформенный вихрь, который вдруг, по мановению волшебной палочки дирижёра, превратится в могучий вихрь. Театралы занимали места, погружались в малиновые кресла. Малинового цвета становилось все меньше. Лемехов, восседая вместе с Ольгой в золочёной ложе, видел, что на них оглядываются.

— Все думают, что ты президент, а я первая леди, — сказала Ольга. — Неужели в этой ложе сидел Сталин?

— Этот зал с золотыми ярусами напоминает старинный многопалубный фрегат, готовый вот-вот отправиться в плаванье.

— По волнам русской истории. И ты — капитан!

Она смотрела на него счастливыми глазами. Чёрное платье открывало её белое, сверкающее в сумерках тело. Бриллиантовое кольцо переливалось, отражая свет люстры. Ему хотелось поцеловать её близкое плечо...

— Люблю тебя, — сказала она.

Люстра стала медленно гаснуть, словно из неё утекала драгоценная влага. Исчезли все звуки и шорохи. Певучая, грозная подземная музыка медленно наполнила тьму, словно предвещая восход неведомого светила. Занавес потянулся вверх, и возникли тускло-золотые заиндевевшие купола, морозная синева небес с розовой зарёй.

Лемехов вдруг со страхом и сладостью ощутил подлинность этого московского утра, такого русского, зимнего, в котором тяжело и морозно звенели колокола, дышала паром толпа, двигались стрелы, выходил на крыльцо усыпанный золотом и камнями царь. Музыка чудодейственно воскрешала исчезнувшее время, пропавшие в вечности мгновенья. Теперь колдовством света и звука они возвращались в мир. Лемехов был вовлечён в это воскрешённое время, погружался в его угрюмую русскую красоту.

Во время антракта в ложе появился могучего сложения господин в туго натянутом пиджаке, с жирной грудью, чернобородый, губастый, с весёлыми глазами навывкате. В господине Лемехов узнал миллиардера Вениамина Гольдберга, с которым изредка встречался на многолюдных именинах какого-нибудь главы корпорации или банкира, связанного с производством оружия. Гольдберг радостно сверкал зубами из чёрной бороды. Поцеловал в щёку Ольгу, ухватил ладонь Лемехова большой тёплой рукой, украшенной тёмным перстнем.

— Будь добр, принеси-ка три бокала шампанского, — приказал он служителю, отсылая его из ложи. — Вся публика смотрела не на сцену, а на вас, — засмеялся Гольдберг. — Вы чудесно смотрите. Ольга, дорогая, не могу забыть наши встречи в Лондоне. Вы знаете, Евгений Константинович, когда Ольга давала сольный концерт, все мужчины сбегались на звук её флейты. Если бы она захотела, она могла бы повести их к морю и утопить, как мышей. И я, и я, как мышь, пошёл бы за её флейтой на край света! — Гольдберг хохотал, воображая, как вся русская знать, обитавшая в пригородных лондонских замках, тянется вслед за грациозной флейтисткой и тонет в море.

— Вениамин сделал всё, чтобы мне в Лондоне не было одиноко. Он был очень внимателен, — произнесла Ольга. Лемехову послышались в её голосе едва уловимые пленительные интонации, которые уязвили его. Она почувствовала это, провела рукой по его шее, по щеке. — Я рассказала Вениамину о тебе, и выяснилось, что вы хорошо знакомы.

— Друзья, приглашаю вас на мою яхту. Поплывём из Монако с заходом в Неаполь, Барселону, через Гибралтар на Канары. Будет чудесное общество. Французский дизайнер, владелец “Коррьере делла сера” и какой-то принц крови, кажется немец, отпрыск аристократического европейского рода. Вам они все понравятся. Здесь, в России, будут самые мерзкие месяцы, тьма, холод. А там лазурь, тепло, восхитительные города.

— К сожалению, вместо яхт я вынужден заниматься подводными лодками, — сухо произнёс Лемехов.

— Статьи, о подводных лодках, Евгений Константинович. Я готов разместить на моих заводах заказ на антиракету. Вы же знаете мои возможности и мою пунктуальность.

— Не я распределяю заказы. Это не в моей компетенции.

— Да что вы, Евгений Константинович, вы же почти президент. Ну, ладно. Как вам Моторин? Отличный старик. Хочу пригласить его в Лондон. Пусть попоёт среди наших в своих побрякушках.

Служитель принёс на серебряном подносе шампанское. Они чокнулись, выпили, и Гольдберг покинул ложу.

И опять музыка редела, как зимняя русская буря. Плескалась и вспыхивала, словно огромная, в водоворотах, река. Лемехов то слепо погружался в неё, то ошеломлённо всплывал. Всё было родное, дикое, восхитительное. Всё было знакомое, происходило будто с ним самим — в монастырской келье, в пьяной корчме, в блистательном зале с бравурной мазуркой. Музыка ковшами вычерпывала таинственную, наполненную огнями тьму, которая была его тьмой, его памятью, его пугающим предчувствием. Опера была не о царе, не о русском бунте, не о самозванце, она была о той тёмной бездне, которая разверзалась в самой сердцевине русского бытия, русского царства, русской власти. Он стремился в эту бездну, она затягивала его, влекла в свою восхитительную тьму.

Царь умирал на троне, сражённый болезнью. Бояре при живом ещё царе делили власть.

Глава одиннадцатая

Они сидели в ресторане “Боттичелли” на Тверском бульваре, роскошном, пустынном, с гулким полумраком. Светились колонны из родосского мрамора, переливалась вода в фонтане, бесшумно появлялись и исчезали официанты в костюмах флорентийских дождей. Метрдотель в золочёной парче, узнав Лемехова, был обволакивающе любезен, раскрывал карту вин и средиземноморских яств.

— Мне сегодня по вкусу сибас, приготовленный на пару, — сказал Лемехов.

— А я бы предпочел осьминога, — сказал Верхоустин, — И всё остальное, на ваш вкус. Всё, что попадает в невод итальянского рыбака.

Им принесли округлые, похожие на прозрачные шары бокалы. Вино лилось из тёмного горла бутылки, наполняя бокал золотым искрами. Появился серебряный поднос, на котором, посыпанная кристаллами льда, лежала рыба с голубоватыми плавниками. Лемехов уловил исходящий от рыбы запах далёкого моря. На деревянной дощечке угодливый официант принёс зеленюватые, в присосках, щупальца осьминога, демонстрируя их клиенту перед тем, как положить их на раскалённые угли. На скатерть выставляли блюда с раковинами, тёмными, розовыми, перламутровыми, в которых таилась нежная плоть моллюсков. Их ужин начинался с тихого звона бокалов, с лёгкого звяканья падающих на тарелку ракушек, из которых извлекалась влажная мякоть.

— Я долго думал над вашими словами, Игорь Петрович. Над теми, что вы произнесли в охотничьей избе, — сказал Лемехов, опуская бокал. — Я сделал выбор. Я буду президентом России.

— Это не вы сделали выбор, Евгений Константинович. Это вас выбрало Провидение. Оно управляет вашими делами и помыслами, — Верхоустин спокойно посмотрел на Лемехова, словно ждал от него этих слов. В ясной синеве его глаз было одобрение. Казалось, именно воспоминание об этих глазах подвигло Лемехова совершить судьбоносный выбор.

— Вы как будто что-то знаете обо мне. Долгое время следили за мной, ни так ли?..

— Я действительно не первый год наблюдаю за вами. Я исследовал ваш жизненный путь. Перечитал все ваши статьи, все интервью, что вы давали прессе, всё, написанное о вас, дурное и хорошее. Я даже ходил к астрологам и составлял на вас гороскоп. Я улавливаю и измеряю то поле, что вас окружает. Чувствую энергии, которые вы излучаете. Вижу вектор, который ведёт вас к цели. Мне кажется, в вашей жизни случилось нечто, что предо-

пределило ваш путь. Вы получили свыше знак, который направил вас к великому свершению. Я не знаю, что это было, должно быть, какая-то вспышка. Вы соединились с божественным промыслом, который повёл вас, был вашим поводырём, спасал от несчастий, наделял неиссякаемой энергией. Я не знаю, когда произошла эта вспышка. Но она случается в жизни всех пророков, всех полководцев, всех великих вождей. Она была в жизни Пушкина. В жизни Сергея Радонежского. В жизни Сталина. А как она случилась у вас?

И опять Лемехов оказался во власти колдовских глаз, которые помещали его в прозрачный светящийся кокон. На него начинали воздействовать таинственные силы, побуждая к откровению и исповеди. Они побуждали его плыть туда, куда дул бесшумный ветер. Так плывёт по тихой воде лист, повинуясь неслышным дуновениям.

— Студентом я увлекался лыжами, ходил в спортивную школу, участвовал в соревнованиях, которые проводились в Тимирязевском парке. Помню солнечный морозный день, синее небо, зашпательные сосны, красные стволы. Мы ринулись со старта гурьбой, мешали друг другу, цеплялись палками, гремели лыжами. Но скоро большинство отстало, и только несколько лыжников, и я среди них, мчались по аллее. Мне было легко бежать, радостно вдыхать ледяной воздух, радостно смотреть, как лыжи врезаются в скользкую лыжню. Я обогнал одного, другого, третьего. Начинал бить лыжами по хвостам мешающих мне бежать лыж. Кричал: “Лыжню! Лыжню!” И они неохотно уступали мне дорогу. Впереди оставался только чемпион института, высокий парень в чёрных рейтузах и красной куртке. Как лось, переставлял он свои мускулистые ноги, мощно толкался палками, совершая могучие броски. “Обгоню!” — думал я. Задыхался, жгло горло, грохотало сердце, напрягались в непосильных бросках все мои жилы. Я подумал, что если не обгону его, то вся моя жизнь кончится тут же, на этой аллее. Что я недостоин жить. Что эти красные стволы, и седая хвоя, и перелетевшая аллею сойка с голубым крылом — все они требуют от меня: “Обгони!” Я стал его настигать. Мои золотистые лыжи приблизились к его фиолетовым. Я вонзал свои лыжи в лыжню, как золотые копыя. Они начинали бить его лыжи, и я слышал звон деревянных ударов. Я чувствовал ярость, неистовую страсть, прилив небывалых сил, которые, казалось, вливались в меня с неба. Он зло оглядывался, не уступая дороги. А я, задыхался, неистово рычал: “Лыжню, лыжню!” Но он не уступал, его чёрные рейтузы и красная куртка загоразживали мне путь. Тогда я собрал все силы, всю свою негодующую волю, всё своё страстное стремление победить, вырвался из лыжни и побежал по рыхлому снегу с ним вровень. Я видел его побелевший от мороза лоб, зашпательные брови, обветренные красные щёки и букеты пара, которые вырывались из его раскрытых губ. Я сделал бросок вперёд, толкнул его и выбил из лыжни. Я видел, как он падает и ломает лыжи. Тогда я встал в сверкающую, отливающую стеклом лыжню и помчался. Не бежал, а летел, в шуме и свисте. Я не чувствовал тела, словно меня несло по воздуху, а потом опять опускало на снег. Внезапно на пересечении аллеи, где росла огромная, с туманной хвоей сосна, передо мной возникла слепящая вспышка — высокий радужный столп в переливах лучей, в огненной белизне. Это был великан с горящим лицом и сияющими глазами в серебряном облачении. Он поднял меня в небо, откуда я видел вершины сосен, аллею, по которой бежали разноцветные лыжники, город, озарённый зимним солнцем. Он приблизил меня к своему лицу и что-то сказал, громогласное, неразличимое и прекрасное. Опустил на землю, и я стоял, ошеломлённый, не зная, что это было, какие слова я услышал. Передо мной была огромная сосна с золотыми суками. Мимо пробежал мой недавний соперник, с изумлением оглядываясь на меня. Я и по сей день не знаю, кто был этот великан.

Лемехов умолк. Щёки его горели, как от мороза, и всё ещё звучали громоподобные неведомые слова.

— Я же говорил, что у вас была вспышка, — произнёс Верхоустин, победно сияя глазами. — Это было знамение, определившее весь ваш путь. И тот, кто вас поднял в небо, сопутствует вам всю вашу жизнь.

— Это так, — сказал Лемехов, — Тот неведомый ещё несколько раз мне являлся. Уже не великан, не огненный столп, а невидимая, оберегающая меня сила. Если бы ни она, вряд ли я пил бы с вами сейчас тосканское вино.

— Что это значит? — спросил Верхоустин.

— На полигоне испытывался новый снаряд для установок залпового огня. Колоссальная мощь, сумасшедшая скорость. Мы ещё не успели спуститься в укрытие, как произошёл аварийный взрыв. Я увидел слепящий всплеск огня, и мимо меня с рёвом пронеслась стальная буря. Тысячи осколков, которые смели сооружения, пробили борт бронемшины, растерзали шестерых солдат и двух испытателей, а на мне ни царапины. Смертоносная сталь с воём и ветром прошла в сантиметре от моей головы. В этой вспышке опять прогремел чей-то голос, что-то проревел, но что, я не мог понять.

— Это был голос вашей судьбы.

— И ещё: на Дальнем Востоке я летел на вертолёте, осматривая сверху стартовые площадки для космодрома. У вертолёта заглох двигатель, мы стали падать. Падали в жуткой тишине. Я видел побледневшее лицо генерала, который прощался с жизнью. Я смотрел, как приближается земля, как оловянной струйкой светится речка. Я знал, что не умру, что мой неведомый покровитель не даст мне умереть. И вдруг из-за тучи вышло солнце, как слепящая вспышка. Салон вертолота стал прозрачным, как стекло, и раздался рокошующий гром. Всё тот же обращённый ко мне таинственный голос произнёс неразличимые громоподобные слова. Тут же взревел и взвыл вертолётный двигатель, который пилотам удалось запустить. Мы сели на берегу таёжной реки. Я много раз пытался понять, с какими словами обратился ко мне великан. Пытался в этих грохочущих звуках уловить членораздельную речь. Диктофон моей памяти записал этот звук. Я много раз медленно прокручивал запись, выделял из ревушей какофонии скрытые в ней слова. И вот что мне удалось услышать. Там, на зимней лыжне, и на степном полигоне, и в уссурийской тайге звучало одно и то же слово: “Крым!” Что значит “Крым”? Великан сулил мне какое-то будущее, сберегал меня ради этого будущего. И это будущее на великаньем языке называлось “Крым”!

Они сидели молча. Слышно было, как где-то за античными колоннами тихо играет музыка и журчит в фонтане вода. Верхоустин, благодарный за исповедь, страстно смотрел на Лемехова. А Лемехову казалось, что синеглазый исповедник выманил у него заповедную тайну, завладел его сокровенной сущностью, обрёл власть над его душой.

Им принесли обещанные блюда. Лемехов вкушал приготовленную на пару рыбу, снимая с неё ломти нежного розового мяса, открывая хрупкий, жемчужного цвета позвоночник. Средиземноморская рыба смотрела на него неподвижным фиолетовым глазом. Верхоустин отрезал от оранжевого щупальца осьминога сочные дольки, и щупальце лежало на блюде, как извилистый иероглиф. Пили тосканское вино, не чокаясь, лишь поднимая друг на друга глаза.

— Его болезнь становится публичным фактом, — произнёс Верхоустин. — В американском медицинском журнале появился рентгеновский снимок его позвоночника. Отчётливо видна опухоль спинного мозга и распространение болезни по лимфатическим узлам. Медицинский эксперт утверждает, что жить президенту осталось максимум полгода. Недавнее исчезновение Лабазова из информационного поля объясняется тем, что он лёг в клинику, где у него брали пункцию спинного мозга. Мне стало известно, что по всем монастырям разослали наказ молиться об исцелении раба Божьего Георгия. Так что мы накануне грозных событий.

— У меня была назначена встреча с президентом по вопросам противоракетной обороны. Экстренный вопрос. Встречу отменили. Теперь я знаю, почему, — произнёс Лемехов.

— Президент Лабазов — “замковый камень” российской государственности. Если этот камень выбить, рухнет весь свод, страна погрузится в хаос, кровь, менингуемый распад. Удерживающий камень упадёт, и начнётся бойня — война всех против всех. Олигархи вцепятся друг другу в глотку, проталкивая в Кремль каждого своего ставленника. Главы могущественных корпораций станут драться за право стать преемником. Губернаторы потянут на

себя лоскутное одеяло страны и растерзают её. Националисты — русские, татарские, якутские и прочие — начнут безумные национально-освободительные войны. Взорвётся Кавказ, и взрывная волна пойдёт по всему Поволжью. Сирия сгорит в одночасье, и вся вооруженная мусульманская армада хлынет в Россию. Китай нацелит свои армии на Сибирь. Турция двинется на Кавказ. Америка поднимет свою агентуру в бесчисленных неправительственных организациях и начнёт лить бензин в разгорающийся русский пожар. И вот в таких условиях вам предстоит перехватить власть в России. Заполнить собой пустоту, которая образуется после падения “замкового камня”. Самому стать “замковым камнем”. Принять на себя страшное давление свода — непомерное давление русской истории. Готовы ли вы? Вам придётся выдержать всё чудовищное давление русской истории, и если вы окажетесь неудачником, вам придётся сложить голову на очередной плахе, которыми уставлен весь русский путь, украшена геральдика русской государственности. Готовы ли вы принять такую судьбу?

— Россия — это судьба! — страстно, как безумный, выдохнул Лемехов.

Звон их бокалов висел в воздухе, пока они пили нежное, с легчайшей горечью осеннее тосканское вино.

— Вам предстоит в кратчайшее время создать партию. Название должно звучать страстно и лучезарно. Например, “Партия Победы”. Или партия “Звезда Победы”. Вы начнёте создавать гвардию, своих “семёновцев” и “преображенцев”. В партию должны вступить директора оборонных предприятий, конструкторы, армейские офицеры, ветераны спецслужб. Вы обратитесь к народу с пламенным словом, предложите русским Большой проект. Огромную идею, от которой страна отвыкла, но каждая русская душа тайно хранит мечту о великой задаче, о возвышенной цели, о грандиозной работе. На ваш призыв откликнется патриотическая интеллигенция, духовенство, молодёжные организации. Съезд партии должен открыть Патриарх. Его присутствие, его напутствие будет своеобразным благословением, своего рода помазанием. Все поймут, что создаётся не партия-однодневка, а президентская партия, призванная решить судьбу государства. На этом съезде вы объявите о дерзновенном космическом проекте, продолжающем штурм космоса, который был прерван после уничтожения “Бурана” и “Энергии”. Все увидят, что ваша политика носит космический смысл, ваша идеология имеет вселенский характер.

— А вы, а вы? Вам почему это надо? Почему вы хотите мне помогать? Как родились в вас эти идеи?

Верхоустин вдруг страшно побледнел. Его нос утончился, губы стали узкими и бескровными. На белом лбу вздулась больная жила. Глаза, как огненные васильки, сияли на помертвевшем лице.

— Наш род Верхоустиных был многолюден. Были купцы, священники и учёные. Были заводчики, путешественники и педагоги. Один построил первую в России турбину. Другой работал на раскопках в Помпее. Третий учредил земские школы и учил крестьянских детей. Когда пали Романовы и рухнула великая империя, в чёрную дыру истории провалился и наш род. Горели родовые усадьбы и библиотеки. Священников прибывали гвоздями к Царским вратам. Офицеры, Георгиевские кавалеры шли в Добровольческую армию и погибали в атаках. Часть рода ушла с Белой армией в эмиграцию, другая притаилась, но её отлавливали чекисты и морили в лагерях. Многие из Верхоустиных перешли на другой берег этого кровавого моря. Но они встрйоились в новую жизнь, стали служить новому государству. Проектировали заводы первых пятилеток, отправлялись на Дальний Восток строить молодые города, преподавали в школах рабочей молодёжи. А когда началась война, сражались под Москвой и под Сталинградом, горели в танках под Кенигсбергом, участвовали в Параде Победы. После войны Верхоустины восстанавливали Минск, испытывали реактивные самолёты, писали диссертации о древнем Новгороде. Среди Верхоустиных были кавалеры советских орденов, лауреаты Государственных премий, заслуженные артисты. Когда случилось страшное несчастье и рухнул Советский Союз, в эту пропасть снова упал мой род. Мы сходили с ума от тоски, умирали от разрыва сердца.

Один из нас застрелился, когда его дивизию под свист и улюлюканье немцев выбрасывали из Магдебурга. Другой спился, когда на ракетный завод пришли офицеры ЦРУ и унесли все секретные документы, закрыли производство тяжёлых ракет, и завод стал производить канцелярские скрепки. Это была вторая чёрная яма, куда упал мой род, теряя лучших своих представителей. Я один из немногих Верхоустиных пережил катастрофу. Уцелел физически и морально. Затаив дыхание, наблюдал, как на костях красной сталинской империи возрождается новое государство. Как мог, содействовал ему, работал с политологами и историками, взаимодействовал с партиями, участвовал в крупных государственных проектах. Верил, что президент Лабазов спасёт государство, совершит долгожданный рывок. Но рывок не состоялся, “замковый камень” начал крошиться, и в русской истории вот-вот разверзнется новая бездна, в которой может бесследно исчезнуть Россия. Поэтому мы и сидим с вами здесь.

Лемехов пугался этого бледного бескровного лица, из которого неведомый кровосос выпил жизнь. Пугался нечеловеческой синевы васильковых глаз, одержимых смертоносной страстью.

— Но какая же нам выпала доля жить и страдать в России? За что нам такой удел?

— История России — это непрерывные вершины и впадины. В русской истории сменяют друг друга дух света и дух преисподней. Несутся навстречу друг другу гений неба и гений подземного царства. Ясный сокол Русской Победы, и чёрный ворон Русской Беды. Дух света влетает в русское время, ищет того, кто станет Победителем, создателем великого царства. Ясный сокол летит в русском небе, вдохновляя народ на божественные деяния, на великие победы, несравненные стихи. Империя достигает расцвета. Но потом, по таинственным законам истории, соколу становится тесно в угарном русском небе, среди мутных клубящихся туч, и он улетает. И на смену ему является чёрный ворон — дух тьмы. Он ищет того, кто разрушит империю, свергнет Россию в бездну. В народных сказках и песнях сражаются сокол и ворон, две птицы русской судьбы. Из Лабазова излетел Дух Света и поселился в нём Дух Тьмы. Вас выбрал Дух Света и ведёт к победе. Быть может, эмблемой партии станет сокол в сверкании крыл, который терзает чёрного ворона, изгоняет его из русского неба.

На лице Верхоустина заиграл слабый румянец. Исчезла воспалённая жила на лбу, губы порозовели. В синих глазах пропала пугающая темнота и вернулась восторженная нежность. Казалось, он побывал в иных мирах и снова вернулся на землю.

Внезапно колонны озарились аметистовым светом, ударила счастливая музыка. Зал с фонтаном наполнился лучами. И в переливах свирелей, в струнном звоне лир возникли полубогаженные наяды, пленительные вакханки, проворные и страстные фавны. Танцевали, сливались в объятьях, плескались в воде фонтана. Появились гибкие девы с корзинами цветов, разбрасывая розы, гвоздики и хризантемы. И по этим цветам, как по ковру, шла босоногая женщина с распущенными волосами, в прозрачном платье, усыпанная цветами, — “Весна” Боттичелли, торжествующая и прекрасная, с волшебной улыбкой всевластной любви на устах. И за ней прекрасный стрелок с золотым колчаном и луком провёл живого оленя, чьи рога украшали венки. Шествие исчезало среди лучей, водяных плесканий, поющих свирелей. Лемехов восхищенно смотрел на босоногую богиню. На столе перед ним лежала алая роза.

Глава двенадцатая

Лемехов совершал поездки по оборонным заводам, собирая под свои знамёна “гвардию технократов” — оплот своей будущей партии. Он превращал заводы в опорные пункты своей президентской власти. Он переживал вдохновение: Победа была достижима. Директора и конструкторы видели в нём лидера, долгожданного “вождя перемен”.

Он приехал на Иркутский авиационный завод — любимое создание Сталина. Казалось, здесь, на берегу Ангары, среди старинных улиц и печальных колоколен раскручивается ослепительный вихрь, происходит преломление лучей, сияют кристаллы света в драгоценном стекле корпусов. И на глазах исчезают ветхие закопченные стены, опадают утомлённые оболочки, возникает новая плоть завода: сила, красота, энергия.

Лемехов шёл по цехам в сопровождении директора, широколобого сибиряка, чей изысканный, алюминиевого цвета костюм был созвучен металлической красоте самолётов.

Лемехов осторожно вёл разговор, не сразу открывая директору свой партийный проект.

— Теперь я вижу, Степан Степанович, мы не напрасно пробивали глухие стены. Завод прекрасен. Не уступает “Локхиду” или “Бомбардье”, честное слово. Эти чиновники в министерстве финансов жалеют деньги на модернизацию, а потом эти деньги превращаются в особняки на Лазурном берегу. Ещё раз поздравляю, Степан Степанович, отличный завод.

— Нам Лазурный берег не нужен, Евгений Константинович. У нас здесь берег Байкала. А заводу вы помогли. Мы видели, как вы бились в правительстве.

Лемехов замечал множество примет бурного повсеместного роста: ещё не распакованные станки с японскими иероглифами, стальные конструкции стен, на которые ложатся стеклянные панели, голубой водопад сварки, который изливается из-под огромного, похожего на планетарий купола. Такие мгновенные перемены именуются преобразованием. Так бурно сквозь угрюмые зимние тучи врывается в мир весна. Так из сонной куколки рождается восхитительная бабочка. Завод-ветеран строил “самолёты Победы” — крылатые машины великой советской авиации, пережил мучительное безвременье девяностых, получил мощные вливания, принял заказы на сверхновые самолёты. И сам, подобно самолёту, рванулся ввысь.

— Но мы должны понимать, Степан Степанович, что это временный, локальный успех. Каприз правительства, давление пацифистов, американское лобби в парламенте — и нам могут урезать финансирование. Вместо заводов будут строить развлекательные центры. “Боинг”, “Эйрбас” рвутся на рынок России. Дадут крупные взятки, и наш гражданский самолёт не найдёт покупателя.

— Мы делаем самолёты не хуже “Боинга”, Евгений Константинович. Нам нужны стабильные заказы и политическая воля в Москве. А её-то как раз иногда и не хватает.

Лемехов любовался мощным ровным движением металла, великолепными денно и ночью работающими станками, неторопливыми операторами, нажимающими кнопки программного управления. Инженеры в безлюдных цехах управляли бессчётным количеством механизмов. Директор в алюминиевом костюме источал силу и убеждённость. Он был человеком, занятым огромным делом, которое поручило ему государство.

— Нам, Степан Степанович, нужна политическая сила, которая отстаивала бы интересы промышленности, интересы инженеров. Инженеры должны участвовать в принятии стратегических решений, а не расхлёбывать ошибки дураков. Мы живём в мире машин, а нами управляют юристы. Государство — это тоже машина, и государство нужно правильно конструировать. Солнечная система — это всего лишь подшипник с шарами планет.

— Согласен, Евгений Константинович. Машины повсюду. Сталин писателей называл “инженерами человеческих душ”.

Лемехов наблюдал рождение самолёта. Оно совершалось по законам, действующим в природе. По тем законам, по которым возникали планеты, зарождалась и усложнялась жизнь. Самолёт рождался из крупиц, из крохотных деталей, из сияющих листов алюминия. На этих листах фрезы наносили тончайшие узоры и орнаменты. Сращивались узлы, укрупнялись конструкции. Появлялись элементы крыла и плоскости оперения, шпангоуты и полукружья фюзеляжа. Срастались, свинчивались, обретали стремительный контур. насыщались приборами, компьютерами, дальномерами и прицелами.

Лемехов переходил из цеха в цех, из одного объёма в другой. И вот перед ним возникло огромное пространство, похожее на дворцовый зал. В нём среди лучей длинными рядами, как экспонаты Эрмитажа, стояли самолёты. Мощные и изящные, застывшие и готовые мчаться в бесконечность, послушающие человеческой воле и смертельно опасные. Устремленные в бой, к победам.

— Мне кажется, Степан Степанович, время создавать партию инженеров. Эта партия предложит стране стратегический план развития, переход России с одного цивилизационного уровня на другой. Мы должны иметь мощное представительство в парламенте, должны формулировать повестку дня. А в случае если деструктивные силы попытаются захватить власть, мы должны ударить их по рукам.

— Я думаю о том же, Евгений Константинович. Многие из нас так думают.

Они двигались вдоль машин, и каждая излучала сияние, словно была окружена нимбом. Многоцелевой самолёт, способный выполнять множество боевых назначений. Это и дальний перехватчик, сбивающий врага хоть над Северным полюсом, хоть в центре Европы, и виртуозный истребитель, ведущий воздушный бой, то несущийся на сверхзвуковых скоростях, то застывающий в небе, как неподвижный крест, и самолёт-штурмовик, на поле боя поджигает танковую колонну врага, атакующий скопление пехоты и техники.

— Буду с вами откровенен, Степан Степанович. Я решил создать партию, которая провозгласит национальной идеей немедленное развитие. Мы топчемся на месте, а мир стремительно от нас удаляется. Сегодня главный ресурс — не углеводороды, не алмазы и даже не пространство. Главный ресурс — время: подлётное время ракет, время обработки информации в суперкомпьютерах. Историческое время. Мы, чёрт возьми, теряем историческое время. Партия, которую я создаю, должна устранить брешь, сквозь которую утекает историческое русское время.

— Я так считаю, Евгений Константинович: у России есть мощные двигатели, но они не задействованы. Сегодняшняя власть, похоже, о них просто не догадывается. Не знает, где они расположены. Инженеры укажут на эти двигатели, запустят их. И тогда Россия начнёт своё развитие.

Они двигались по цеху, где стояли компактные, похожие на остроносые рыб учебно-боевые самолёты — изящные “спарки”, предназначенные для обучения лётного состава. Такой самолёт в час войны из учебного превращался в грозную боевую машину, несущую ракетно-бомбовый груз.

Тут же, на заводе создавались элементы французского пассажирского “Эйрбаса”, летающего по всему миру. А в новых стремительно возводимых цехах готовились линии для производства отечественного магистрального самолёта. С его появлением слухи о кончине отечественного гражданского авиастроения прекратились сами собой.

Все эти машины демонстрировали взлёт русской авиации, возрождение оборонно-промышленного комплекса, указывали на то, что долгожданное развитие не за горами. Сдвигается с места застывшая машина страны, и гигантский самолёт “Россия” медленно начинает вырывать на взлётно-посадочную полосу и уже готов взмыть в небо.

Он покидал завод, создав на нём ячейку будущей партии.

Так неумолимо он посещал предприятия, решая в этих поездках множество производственных задач. Но среди совещаний, жёстких разговоров и споров он находил время для частных встреч с директорами, вовлекая их в строительство партии.

Под Новосибирском он побывал на заводе боеприпасов — реактивных снарядов для установок залпового огня. Стрельба из таких установок — ревущая плазма, которая летит в туманную даль, срезает горы, оплавляет скалы, превращает укрепления врага в жаркий пепел. Завод размещался под землей, был окружён земляным валом, как древнее поселение, чтобы взрыв на заводе, если случится беда, не снёс соседний город.

В Туле Лемехов посетил завод, выпускающий “Панцири” — зенитные ракетно-пушечные комплексы. Эти мощные установки сбивали армады крылатых ракет, несущихся на малых высотах, ломали стратегию “бесконтактной войны”, когда бомбардировщики, не влетая в зону противозенитной

обороны, на дальних подступах к городам выпускают по ним сотни ракет. Так были уничтожены Багдад и Триполи, не имевшие в своём распоряжении “Панцирей”. Теперь эти несравненные системы обороняли Дамаск, удерживая НАТО от бомбардировок. Лемехов устранил препятствия, мешавшие наращивать производство систем, в которых так нуждалась воюющая сирийская армия.

В Сарове Лемехов посетил “Российский ядерный центр”. Ему показали лаборатории, где разрабатывались ядерные боеприпасы для новейших торпед, баллистических ракет наземного и морского базирования, для перехватчиков ПРО, для космических аппаратов, именуемых “убийцами спутников”. Он осмотрел лазерные установки, на которых осуществлялся термоядерный синтез, и десятки лазеров бомбардировали мишень, превращая её в пульсирующую плазму. Ему показали монастырь, где когда-то подвизался Преподобный Серафим, а потом размещались атомные лаборатории. Теперь монастырь был восстановлен, и в нём обитало несколько монахов.

Лемехов в узком кругу рассказывал руководителям Центра о стратегии ядерных вооружений, о серьёзном продвижении американцев в создании “геофизического оружия”, способного направленными подземными взрывами сдвигать тектонические плиты.

Завершая разговор, он поведал о создании партии. Пригласил работников центра принять участие в съезде. Физики согласились.

Так Лемехов посещал оборонные заводы, созывая под свои знамена “гвардию победы”.

В Москве он встречался с Верхоустиным. Делился результатами поездок, и это напоминало отчёты о проделанной работе, которую поручил ему Верхоустин. Синеглазый куратор управлял строительством партии, ненавязчиво и осторожно формулировал идеологию, которую надлежало усвоить лидеру президентской партии. Идеологию будущего государства. Уже появилась партийная штаб-квартира — просторное многокомнатное помещение на Олимпийском проспекте, в огромном циркульном здании спортивного комплекса. Уже красовалась на дверях эмблема партии — алый щит с золотой надписью “Победа”. Уже сидели за компьютерами секретарши и референты, звонили телефоны, появлялись представители пиар-агентств.

Верхоустин представил Лемехову “орговика”, которому надлежало в кратчайшее время создать партийную структуру и обеспечить проведение съезда. Это был смуглый молодой мужчина с блестящими чёрными глазами, чуть вывернутыми наружу губами. Любезный, приветливый, он хватал налету мысли Лемехова, ещё не отточенные, шероховатые, и тут же возвращал их обратно в отшлифованном блистательном виде, словно деталь, прошедшую обработку на сверхточном станке. Мужчину звали Черкизов Кирилл Анатольевич. Лемехов, пожмая его лёгкую горячую руку, почувствовал в нём страсть и весёлость удачливого игрока и актёра.

— Евгений Константинович, мы утверждаем название партии: “Партия Победы”? — спросил Черкизов.

— Да, — слабо ответил Лемехов.

— Я поработаю с дизайнерами, и представлю вам логотип с партийной символикой.

— Хорошо, — отозвался Лемехов, всё ещё ослеплённый недавним видением.

— Мы поможем вам написать вступительное слово.

— Спасибо.

— Когда, вы полагаете, мы проведём учредительный съезд?

— Не знаю, — ответил Лемехов.

— В начале марта, — произнёс Верхоустин. — Тогда, по определению Пришвина, начинается “весна света”. Пусть съезд пройдёт среди сверкающих русских снегов.

— Я согласен, — кивнул Лемехов.

— Тогда я начинаю работать с пиар-агентствами. Буду встречаться с ведущими журналистами и руководителями телеканалов. Источники финансирования обсудим отдельно.

— Но вам, Евгений Константинович, следует встретиться с Патриархом и пригласить его на съезд, — сказал Верхоустин. — Президентскую партию должен освятить Патриарх. Это будет своеобразным помазанием.

— Я приглашу, — послушно ответил Лемехов и спросил: — Что за стеклышко у вас в руках?

— Ах, это? — Верхоустин поднёс к глазам кристаллик и посмотрел сквозь него на Лемехова. — Этот горный хрусталь родом из Аркаима. В могилах, где погребены древние арии, находят скелеты в позе эмбриона. Перед пустыми глазницами черепа лежат такие кристаллы горного хрусталя. По-видимому, это оптические приборы, соединяющие загробный мир с миром внешним. Луч света, проходя сквозь кристалл, преломляется и соединяет два царства.

Лемехов увидел, как прозрачный кристалл, заслоняя глаз Верхоустина, окрасился в васильковый цвет.

Глава тринадцатая

Лемехов нанёс визит Патриарху в его загородной резиденции. Канцелярия Святейшего не сразу назначила день визита, выбирая его среди многочисленных богослужений, миссионерских поездок и встреч. Наконец, Лемехов был приглашён в резиденцию, в подмосковное Переделкино.

Патриарх сидел в высоком кресле, напоминающем резной деревянный трон. Он был в чёрном простом подряснике. На груди сияла эмалевая панагия с Богородицей, усыпанная бриллиантами. На голове темнела скуфья, из-под которой выбивались седые волосы, собранные на затылке в косичку. Жёсткая борода была побита стальной сединой. Из-под густых металлических бровей смотрели зоркие, с острым блеском глаза.

Было видно, что Патриарху интересен Лемехов. Он изучает его, судит о нём по высказываниям, которыми тот откликается на его замечания.

— Я считаю, Ваше Святейшество, что, создавая новое оружие и возводя алтари, мы делаем одно и то же дело. Оружие отражает врага видимого, а храмы и монастыри заслоняют от врага невидимого. Наши зенитные ракеты и антиракеты прикрывают от ударов наши города, а монастыри и храмы развешивают над Россией незримый Покров Пресвятой Богородицы, неприкосновенный для атаки сил зла.

Патриарх зорко, остро взглянул на Лемехова, словно желал убедиться, что сказанное было не случайно, а вырвалось из глубины сердца.

— Воистину так, Евгений Константинович. Сейчас не слышно артиллерийских орудий и бомбовых взрывов, но Россия ведёт войну духовную, страшную, непомерную. На Россию направлены все силы ада, всё чёрное воинство. Русского человека растлевают, искушают, ввергают в уныние. Ему вместо хлеба духовного предлагают позолоченный камень, вместо живой воды духовного очищения вливают разноцветные отравы и яды. Запад подтачивает Россию духовно и ждёт, когда она упадёт. И тогда он возьмёт её без боя. Каждый алтарь сегодня — это рубеж обороны. Православное духовенство в каждой своей молитве даёт отпор врагу. Мы, православное духовенство, — действующая армия, мы день и ночь сражаемся за Россию.

Лемехов попросил исповедовать его. Патриарх мгновенно смотрел на него зорко и твёрдо, не удивляясь этому порыву. Мановением руки он приказал ему встать и приблизиться.

— Ближе. — Патриарх оставался сидеть, а Лемехов встал перед ним на колени, склонив голову к драгоценной панагии, где сияли бриллианты и светило лицо Богородицы.

— Грешен? — спросил Патриарх, накладывая ему на темя тёплую руку.

Лемехов чувствовал теплоту большой тяжёлой руки. Ему хотелось жарко и страстно признаться в своем корыстном умысле, повиниться, освободиться от искушений, открыться в других тяготивших его грехах: в той безрассудной и жестокой настойчивости, с какой побуждал он жену освободиться от нерождённого сына, в том мнимом сострадании, с которым он всё режет и режет по-

сещал жену в элитной психиатрической клинике, ссылаясь на занятость, а на деле тяготясь видом её изможденного постаревшего лица, седых волос. Он вспоминал о ней с горьким раздражением, когда обнимал душестное тело своей молодой возлюбленной. Лемехов хотел исповедоваться, облегчить душу, передать тяжесть греха могучему и всесильному монаху, черпающему силы в чудесных животворных стихиях. Он уже начал что-то бурно шептать. Но почувствовал, как четыре раза, совершая крестное знамение, стукнули его по темени твердые пальцы, и голос Патриарха произнёс:

— Не грехи больше.

У губ Лемехова появилась панагия с бриллиантами, и он растерянно целовал их драгоценные искры.

Он занял место в креслице, всё ещё чувствуя теменем твёрдые удары пальцев, испытывая разочарование от несостоявшейся исповеди.

В кабинет вошёл келейник отец Серафим, чернея сросшимися бровями, из-под которых пламенно и жарко смотрели фиолетовые глаза. В руках келейника был маленький золотой телефон, который тот держал на вытянутой руке, словно боялся обжечься.

— Святейший, вас просит президент, — монах передал Патриарху телефон и отступил к дверям.

Патриарх принял маленький золотой слиток, отвел от уха седую прядь волос и приложил телефон:

— Спаси Господи, Юрий Ильич. Слушаю вас.

Лемехов улавливал едва различимый шелест трубки. Так шелестел голос президента Лабазова, который находился сейчас в своём малахитовом кремлёвском кабинете или в загородной резиденции Ново-Огарево. Патриарх слушал, и на его лице было выражение терпеливого смирения и сердечной печали.

— Слава Богу, Юрий Ильич, по годам моим и здоровье, — Патриарх благодарно кивнул, словно президент мог видеть его поклон.

Лемехов смотрел, как горит в белой руке Патриарха золотой телефон, как дышит его грудь и переливаются бриллианты панагии. За окном в зимнем небе сказочно сияли главы храма, похожие на расписные пасхальные яйца. И его недавнее благоговение сменилось зорким любопытством, желанием запомнить этот патриарший чертог, откуда тянулись тончайшие золотые нити в Кремль, в отдалённые монастыри и приходы, к каждому верующему и молящемуся. А также на небо, где Вседержитель приложил своё ухо к золотому телефону, а за окном божественного чертога цветут деревья Райского сада.

Лемехов устыдился своей фантазии, постарался вернуть себе благочестивое настроение. Отец Серафим, словно угадывая его неосторожные мысли, смотрел от дверей огненным взором.

— Благодарю, Юрий Ильич, за доверие. Во время моих выступлений в Киеве я выполнял ваши наставления. Меня хорошо встречали в храмах. Православные люди тяготеют к России, и мы не должны оставлять их наедине с раскольниками и еретиками.

Лемехов догадался, что речь шла о недавнем визите Святейшего на Украину, где он выступал с жаркими проповедями, собирая многотысячные толпы. Проповедовал единство Русского мира, неразрывность духовных уз России и Украины.

— Я слышал, Юрий Ильич, о вашем нездоровье. Молось, чтобы хворь вас побыстрей оставила, и вы смогли бы с полными силами вернуться к государственным делам. Россия в вас очень нуждается. Вы — оплот Государства Российского.

Патриарх говорил как власть имущий, наставлял, вразумлял. И одновременно утешал, успокаивал. Было в его лице тихое сострадание и нежность, словно он разговаривал с больным ребёнком.

— Я уже разослал по всем монастырям и приходам указание, чтобы молились о вашем здравии. Все русские монастыри трижды в день молятся о здравии раба Божьего Георгия. Вы под покровом благодати, и ваши недруги, насылающие на вас телесную и духовную хворь, не одолеют этой благодатной защиты.

Лемехов жадно слушал. Он получал подтверждение тому, что президент Лабазов серьёзно болен, ибо только серьёзное недомогание могло побудить президента искать помощи у Святейшего. И в этом тоже чудилось что-то древнее, старомосковское, оперное, что недавно пережил он в золоченой ложе театра. Там царь, Патриарх, вероломные бояре, самозванные временщики подтверждали своими судьбами всю ту же извечную притчу о государстве, о тайне власти, о сладкой и ужасной бездне, куда увлекала власть.

— У президента очень мало друзей и очень много врагов, — заговорил Патриарх, окончив беседу с Лабазовым. — Враги президента — это враги нашего Отечества. Как бы они хотели вновь замутить русскую жизнь, вновь разжечь гражданскую рознь, вновь увидеть, как одни русские убивают других. Есть, я знаю, в ближайшем кругу президента такие, что мешают ему, губят его начинания, ожесточают против него народ. Есть такие, кто подтачивает его власть и метит на его место. Есть такие злодеи, которые умышляют на него покушение, желают его смерти. Но есть такие, кто прибегает к оккультным силам, к услугам магов и чародеев, и те охотятся за его душой.

Патриарх перекрестился, сложив щепотью крепкие пальцы, и снова быстро, из-под густых бровей бросил на Лемехова острый, с металлической искрой взгляд.

— В один из дней его рождения, когда душа человека особенно открыта и незащищена, и у него оживает пуповина, через которую он связан с матерью, — в этот день чёрные маги осуществили убийство известной журналистки. Она всегда критиковала президента, необоснованно и в очень резкой форме. Пустили слух, что убийство организовал президент, это его месть, устранение опасного врага. Лютые потоки ненависти ударили в президента, почти сокрушили его. Но мы в монастырях стали денно и нощно молиться, окружили его коконом непроницаемой защиты, отбили атаку колдунов. Отстояли президента.

— Я считаю, Ваше Святейшество, что у президента есть два союзника и защитника: оборонная промышленность и Православная Церковь, — Лемехов чутко следил за интонациями Патриарха, в которых мерцало потаённое чувство, ещё не раскрытое и не явленное. — Вы, Ваше Святейшество, есть второй столп, на котором зиждется купол России. Если, не дай Бог, первый столп покачнётся, то второй возьмёт на себя бремя государственного стояния. Опираясь на этот столп, Россия устоит.

Патриарх страстно и открыто взглянул на Лемехова. Его голос зазвучал зычно, грозно, как клёкот:

— Если, не приведи Господь, Государство Российское станет качаться, если смута приблизится, и брат пойдёт на брата, и самозванцы всех мастей устремятся в Кремль, я встану на пути русской смуты. Я остановлю самозванцев у стен Кремля. Народ пойдёт за мной, объединится вокруг Церкви ради спасения Отечества. Так было во времена Гермогена. Так было во времена патриарха Никона, который правил Россией на равных с царём. Бывали времена, когда волею Господа патриарший посох превращался в державный скипетр.

— Ваше Святейшество, вы произнесли то, что я не решался сказать. Я очень встревожен нездоровьем президента и тем клубком врагов, которые ждут его ослабления. Вы правы, нам грозит хаос и потеря государства. Я не вижу другой силы, которая могла бы спасти Россию, кроме Церкви, кроме вашего духовного авторитета. Я хочу быть рядом с вами в той борьбе, которая нам предстоит. Я хочу создать партию военных технократов, которые встанут на защиту страны. Это партия государственников, для которых алтари и оборонные заводы священны. Русское оружие свято, и Православная Церковь оберегает святость русского оружия и святость самой России. Помогите мне создать эту партию. Это будет ваша партия: светская по форме, она станет партией Патриарха.

Всё это Лемехов произнёс с пылкой искренностью, преданно глядя Патриарху в глаза. А тот, хмурая брови, молчал, словно хотел различить сокрытое в этой искренности лукавство.

— Чем я могу вам помочь, Евгений Константинович?

— Предстоит учредительный съезд партии. Откройте его своим напутствием. Освятите его своим именем. Пусть люди поймут, что во главе партии негласно стоит Святейший Патриарх, и соизмеряют свои поступки и цели с патриаршей волей.

Они некоторое время молчали. Патриарх закрыл глаза, словно духовным оком всматривался в потаённые мысли Лемехова, желая обнаружить в них лукавство.

Поднял веки:

— Хорошо. Я приду на съезд, — сказал он и стал тяжело подниматься.

Глава четырнадцатая

Съезд партии “Победа” проходил в Подмосковье, в фешенебельном пансионате с конференц-залом, помещениями для банкетов, пресс-конференций, телевизионных трансляций. Снежное поле с солнечными позёмками начиналось у стен пансионата, и сквозь стеклянные окна была видна зимняя русская даль с перелесками, синими холмами, ледяными, в солнечном блеске дорогами.

Появление Патриарха на сцене вызвало волнение в зале, шелест голосов, множество вспышек фотокамер. Патриарх стоял под алой эмблемой партии, торжественно опираясь на посох, панагия переливалась бриллиантами. Лемехов стоял рядом, склонив голову в знак смирения.

— Благодарю вас за то, что пригласили меня на своё высокое собрание, — голос Патриарха звучал резко, с металлическими, мегафонными звуками. — Вы создатели русского святого оружия, которое в руках славных русских воинов защищало Государство Российское и православную веру. — Патриарх, опираясь на посох, воздел правую руку, и от его движений с панагии полетели в зал драгоценные искры. — Россия — богоизбранная страна, она обладает бесценным сокровищем — верой православной. И это сокровище хотят затоптать злые силы, для которых православная Россия — вечный укор. Этот укор им невыносим, и они насылают на наше Отечество свои полчища. Так было в годину Мамая и ливонских рыцарей, нашествия Стефана Батория и Наполеона, так было и во времена нашествия Гитлера. И всегда русский меч и русская пуля отгоняли врагов от наших священных рубежей. Вы объединились во имя правды и веры, и ваше собрание будет способствовать укреплению нашей Родины. Я рад, что во главе вашего объединения стоит достойный труженик, ревнитель православной веры, Евгений Константинович Лемехов.

Патриарх, опираясь на посох, сделал шаг в сторону Лемехова. Воздел руки и медленно, трижды перекрестил его:

— Благословляю на служение Государству Российскому во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

И весь зал, повинувшись властной металлической силе его голоса, зачарованно встал. Лемехов почувствовал, как из твёрдых перстов Патриарха в его лоб полилась горячая сила, слабо колыхнула его, и он на секунду забылся в пугающем предчувствии. И весь зал ощутил бестелесные волны патриаршего благословения, которое сулило Лемехову великую судьбу и делало их молодую партию судьбоносной.

Патриарх покинул съезд. Кортёж машин унёсся в метельное поле.

Лемехов вышел на сцену, глядя в туманный зал, где множество людей, покинув цеха с самолётами, установками залпового огня, баллистическими ракетами и танками, ждали его слова. И он говорил. Много, жадно, вдохновенно, величественно. Заражал собравшихся своей энергией:

— Мы должны исцелить наш народ, который был ранен, пал, оказался в руках злых колдунов, и они дни и ночи вливают в него яды уныния, отраву отчаяния и неверия. Мы должны разбудить народ, который лежит в хрустальном гробе, как спящая царевна. Мы должны подойти к этой хрустальной гробнице и поцеловать царевну, чтобы она очнулась от сна. Так учит нас Пушкин, величайший русский волшебник, который не покидает нас в години несчастий и каждый раз спасает от гибели. Злые колдуны пре-

вратили нас в жалких карликов, но Пушкин снова сделает нас великанами. Мы — партия Пушкина, партия великанов, партия Русской Победы.

Лемехов чувствовал, что в душе его просторно, как в храме, и ждал, когда влетит в окно серебряный луч, ослепительный голубь — Животворящий Дух. Он искал слова, которыми встретит полёт ослепительной птицы. Искал в туманных рядах синие глаза Верхоустина.

Но глаза вдруг пропали. Синева погасла, и наступил мрак. Верхоустин опустил веки, и лучи померкли. Вместе с ними померкли слова. Они не рождались больше на устах, а вместо слов уста издавали лишь стоны и глухое мычание. Будто его оставил дар речи. Лемехова охватил ужас. Всё рушилось. Падали стены храма, осыпался купол, подкашивались столпы. И он сам вместе с храмом проваливался в бездонную тьму. Он умирал, словно горло его сжали удавкой, и чей-то железный кулак смял его сердце. Он упал на сцене. Но вдруг зажглись голубые прожекторы, лучи подхватили его, удержали, не дали упасть. Волшебная сила вернула ему дыхание и речь. На устах загудели, зазвенели слова:

— У России в самые страшные её времена появлялись лидеры, осененные духом Победы — этой ослепительной птицей русской истории. Такими лидерами были царь Иоанн Васильевич Грозный, император Пётр Первый, генералиссимус Сталин. Я сказал вам о проекте “Россия”. Но Россия не проект, это судьба. Моя судьба!

Он пошёл со сцены, слепо хватая руками воздух, слыша за спиной грохот и возгласы зала.

Следом выступал директор северной верфи, с которой недавно сошла стратегическая подводная лодка. Он говорил, что партия “Победа” станет защищать интересы оружейников от нападков либеральных экономистов, требующих сократить военные расходы.

Выступал академик, работающий над ядерными зарядами малой мощности. Он приветствовал создание партии, которая внесёт в политическую жизнь страны стратегическое мышление, среди несведущих политиков станет отстаивать национальные интересы государства.

Именитый писатель, воспевший в свое время атомную триаду СССР, призвал к союзу технократов и художников. Он заметил, что для заявленного прорыва, для создания Русского Вихря нужен великий лидер, под стать Иосифу Сталину. Лемехов, несомненно, является лидером подобного масштаба, и именно в нём нуждается сегодня Россия.

Писателю долго хлопали, а несколько юношей из молодёжного крыла партии стали скандировать: “Лемехов, Лемехов! ...Президент, президент!” Но их быстро успокоили.

Когда отгремели речи и аплодисменты, была учреждена партия и обнародован состав Политсовета. Единогласно председателем партии был выбран Лемехов.

На сцену вышел второй человек в партии Черкизов и, сверкая глазами, объявил:

— Дорогие соратники, прежде чем мы отправимся на банкет и поднимем бокалы в честь нашего председателя, приглашаю всех собраться у входа в наше замечательное здание, где вас ожидает сюрприз.

Все потянулись в вестибюль, выходя на морозный воздух, кто просто в костюме, кто, накинув пальто и шапку.

Уже стемнело. Перед стеклянным крыльцом в лучах прожекторов стоял танк. Огромный, литой, с тяжкой башней и громадной пушкой. На его броне алой краской было выведено слово “Победа”. Тут же находились молодые активисты партии с ведёрками краски и кисточками, они предлагали делегатам съезда поставить на броне танка свои подписи. Первым подписался Лемехов, за ним Черкизов. Все макали в ведёрки кисти, карабкались на брону, тянулись к башне, покрывая её письменами. Скоро весь танк — башня, пушка, корма — покрылись беглыми росписями, и казалось, темно-зелёный танк был оплетен алыми побегими.

Механик-водитель окунулся в люк. Мотор взревел. Танк дёрнулся и в лучах прожекторов метнулся в открытое поле, удалялся, окружённый

сверкающими снежными бурунами. Он нёс в ночные снега огненную весть о грядущей Русской Победе. И там, в глухой темноте, куда он исчез, взметнулся разноцветный салют. В небе зажигались хрустальные лостры, распускались букеты цветов, полыхали светила и звёзды. Лемехов, без шапки, жадно смотрел, вдыхая морозный воздух, в котором ещё держался запах выхлопных газов танкового топлива.

Глава пятнадцатая

Лемехов продолжал свои нескончаемые труды: ездил по заводам и полигонам, собирал совещания военных, промышленников и учёных, спорил с финансистами, выслушивал доклады разведчиков о новейших американских разработках, читал закрытые сводки о ходе боёв под Дамаском. Но при этом ежесекундно чувствовал своё высокое предназначение, своё мессианство. Был преисполнен могущества и всеведения.

Он посетил испытательный полигон в подмосковных лесах. Окружённые соснами, среди тающих мартовских снегов стояли стенды, лаборатории, исследовательские установки, где подвергались наземным испытаниям космические аппараты лунного проекта. Здесь, на Земле, создавались условия, в которых надлежало работать ракетносителям, лунным модулям, орбитальным станциям, солнечным батареям и дальнобойным лазерам.

В огромной стальной башне покоилась ракета. С одной стороны на её корпус дышал солнечный жар, а с другой — воздействовал космический холод. Мощные насосы откачали из башни воздух, обеспечивая абсолютный вакуум. Сотни ламп накаливания, имитируя солнце, направляли на ракету потоки жара. Криогенные установки создавали холод мёртвого космоса.

— Восхищаюсь вашей работой, товарищи, — Лемехов обращался к учёным и инженерам, которые стояли на талых снегах перед стальной башней. — Мы понимаем, что “Лунный проект” не только переводит оборону России на новый качественный уровень, не только совершает прорыв в космических и военных технологиях. Он переводит на новый уровень всю Россию. Возвращает ей космическое содержание. Очень важно, чтобы у нас получилось. Народ устал смотреть себе под ноги, боясь споткнуться. Пусть снова смотрит на звёзды.

Лемехов говорил не языком технократа и начальствующего управленца. Он говорил языком избранника, которого благословил Патриарх. Языком национального предводителя, который управляет русским развитием, строит победное государство.

Они приблизились к бетонному сооружению, похожему на бочку, опоясанную железными обручами.

— Здесь, кажется, должен находиться разгонный блок? — спросил Лемехов, — Как идут испытания?

— Разгонный блок ещё не доставлен на полигон, Евгений Константинович, — запинаясь, ответил главный конструктор.

— Как не доставлен? По какой причине?

— Не полная готовность блока, Евгений Константинович. Завершается заводская сборка, — потупясь, ответил директор ракетного предприятия.

— Но вы же докладывали о завершении сборки, — раздражаясь, глухо произнёс Лемехов.

— Сборка почти закончена, Евгений Константинович. Но в главке нам отказали в композитных материалах. Это привело к задержке.

— Кто в главке отвечает за композиты? — Лемехов грозно обвёл глазами собравшихся. В меховых шапках и тёплых куртках, в шубах и долгопольных пальто, чиновники, директора и конструкторы отводили глаза.

— Кто отвечает? — Лемехов сдерживал раздражение.

— Отвечает Саватеев, — откликнулся Двulistиков, указывая на того, кто повинен в срыве работ.

Это был тощий, с морщинистым лицом чиновник оборонного ведомства, одетый в поношенную куртку с неряшливо повязанным шарфом. На голове его

сидел меховой картуз с опущенными ушами, хотя было тепло. Большой крючковатый нос его был в мелких склеротических метинах, а глаза из-под редких бровей смотрели затравленно. Его вид вызвал у Лемехова едкую неприязнь, которая побуждала сделать больно немолодому испуганному человеку.

— Почему вы сорвали поставку композитов и, тем самым, задержали изготовление разгонного блока?

— Я... Евгений Константинович... На головном предприятии... Список зарубежных закупок... — лепетал Саватеев, ёжась под жёстким взглядом Лемехова. А у того лишь усиливалось ядовитое раздражение.

— На военно-промышленной комиссии вы гарантировали исполнение поставок. Значит, вы вводили в заблуждение руководство?

— Я не вводил, Евгений Константинович... Форс-мажор... Отсутствует строка финансирования...

Стариковская растерянность, дрожанье выцветших губ, растрёпанный шарф, нелепые уши картуза доставляли Лемехову мучительное страдание, будили в нём желание уязвить, сделать старику больно.

— Но вы понимаете, что своей бездарной позицией вы срываете грандиозный проект государства? Вы саботируете программу величайшей государственной важности. Вы кто? Саботажник? Враг? Или некомпетентный работник, что хуже любого врага?

Саватеев молчал, топтался. В его глазах была тоска и беспомощность. В них заблестели стариковские слёзы. И вид этих слёз вызвал у Лемехова мгновенное раскаяние, чувство вины, которое он заглушил вспышкой гнева:

— Вы бездельник и разгильдяй!

— Я не бездельник... Правительственные награды... — пробовал защититься Саватеев. Но этот слабый отпор лишь усилил гнев Лемехова. Словно прорвалась плотина в груди, и жаркая, слепая, обжигающая лава хлынула через горло, превращая речь в булькающий клёкот:

— Пишите заявление об уходе!.. Здесь, немедленно!

— Не имеете права... Заслуженный пенсионер...

— Уходите с площадки!.. Немедленно!.. Вон!

Красная пелена затмила глаза. Лемехов ужасался своему слепому безумию и неумению справиться с ним. Словно в груди корчило и скакало уродливое существо, выдувая сквозь горло хрипящий крик.

— Вон!.. Немедленно!..

Все, кто стоял рядом, отводили глаза. А Лемехов, несчастный, не понимая, что с ним случилось, какое существо поселилось в нём и управляло его волей и разумом, повернулся и пошёл прочь. Его горло болело, словно было набито толчёным стеклом.

Глава шестнадцатая

Канцлер Черкизов действовал блистательно, создавая образ национального лидера. Он учредил несколько сайтов, на которых размещал интервью Лемехова, его крылатые фразы, его шутки и глубокомысленные суждения. Постоянно вывешивал фотографии, на которых Лемехов выглядел доступным для общения, благодушным, сердечным. Вот на Масленицу он играет в снежки на фоне снежной крепости, и снежок, пущенный меткой рукой, разбивается о его плечо. Вот он молится в храме, окружённый набожными женщинами, и старушка возжигает свечку от свечи Лемехова. А вот с мастерком в руке закладывает камень в основание кардиологического центра.

Особенным успехом пользовалась фотография, где Лемехов стоит под крылом стратегического бомбардировщика “Белый лебедь”, и над его головой пламенеет красная звезда. И другая фотография, где он танцует вальс со своей возлюбленной Ольгой, восхитительной красавицей, и та смотрит на него с обожанием.

Черкизов, непревзойдённый мастер пиара, был неистощим на выдумки. Он подготовил поездку Лемехова в Волгоград, чтобы там, среди тысячной толпы Лемехов призвал вернуть городу героическое имя Сталина. Предлагал

даже поехать в воюющую Сирию, бесстрашно побывать под огнём и на фоне пылающих развалин заявить о национальных интересах России.

Лемехов охотно отдавал себя в руки этого искусного скульптора, который лепил из него новый образ. Чувствовал, как меняется выражение лица, жесты, взгляд. Казалось, он превращается в памятник саму себе — носит на своем природном теле пласты сияющего металла.

— Вам не кажется, Кирилл Анатольевич, что вы создаёте “культ личности Лемехова”? — со смехом спросил он Черкизова.

— Партия, которую мы создаём, роль, которую вам предстоит играть в судьбах России, связаны с религиозным культом, с мессианством. А это влечёт за собой ритуалы, над которыми нам ещё предстоит поработать, — серьёзно ответил Черкизов, и его жгучие глаза отливали золотом, как ягоды чёрной смородины.

Теперь Лемехов отправился на встречу с интеллигенцией, которую организовал Верхоустин.

— Вы должны собрать вокруг себя художников, писателей и артистов, — наставлял Верхоустин Лемехова. — Они должны почувствовать ваш магнетизм, вашу волю, которая строит новую Россию. Вы приглашаете их к сотрудничеству. Они своими талантами создадут образ новой эпохи — “эпохи Лемехова”. Каждому из них вы пообещаете славу и процветание.

Встреча проходила на теплоходе “Марк Шагал” на Москва-реке. У пристани на Воробьевых горах стоял нарядный корабль, а мимо по туманной чёрной воде плыли ленивые льдины.

— Скажу по правде, Евгений Константинович, мне трудно было заманить эту капризную публику. Но я дал понять, что они встречаются с будущим президентом России. Сделайте им заманчивые предложения. Обещайте каждому, что он станет придворным художником. Все они втайне хотели бы стать камер-юнкерами!

В ресторанном зале был накрыт стол, во главе которого восседал Лемехов. Подле него поместился Верхоустин, а далее, среди блеска стекла и фарфора расселись именитые гости — представители творческой элиты. Официанты в чёрных сюртуках разливали напитки, раскладывали по тарелкам закуски. У каждого официанта на сюртуке красовался партийный значок: колокольня Ивана Великого, космическая ракета и алое слово “Победа”.

— Господа, — Лемехов поднял бокал золотистого “Шабли”. — Для меня большая честь, что вы подарили мне своё время и собрались на этом ковчеге. Корабль готов отчалить от берега и бесстрашно плыть среди льдов русской истории...

Он вновь говорил ярко, образно, увлекательно. Потом выступали разные стилисты и новомодные писатели, в основном пустословы и кривляки. У архитектора Винограда было коричневое лицо и горбатый нос индейца, седые, падающие на плечи волосы, острый кадык, тонувший в шелковом банте, жёлтые ястребиные глаза, которые, как у птицы, вдруг закрывались кожаной плёнкой век.

— Я откликнулся на ваше приглашение, — обратился он к Лемехову, — потому что нынешний президент ни разу не удостоил меня приглашением. Видимо, для него архитектура является чем-то второстепенным. Он позволит спроектировать ещё одну виллу в Альпах, ещё одну резиденцию в окрестностях Сочи, но он не понимает, что архитектура оформляет эпоху, создаёт внешнюю форму, в которой бьётся дух живой истории. Архитектура — раковина, в которой живёт моллюск общества. Все великие эпохи рождали свой стиль, будь то средневековая готика с Кёльнским собором или Ренессанс с собором Петра, петербургское барокко Екатерины с Зимним дворцом или русский ампи́р царя Александра с Адмиралтейством, конструктивизм Мельникова времён революции или “сталинский стиль” Жолтовского. Но что теперь? Мы живём в эпоху супермаркетов и развлекательных центров, этих стеклянных пузырей! В эпоху элитного жилья, состоящего из затейливых башенок, декоративных колонок, нарядных арок. Эта архитектура мелких удовольствий, тайных похотей и жалких тщеславий!.. — Виноград закрыл кожаной плёнкой рыжие глаза, нахохлился и стал ещё больше похож на хищную пти-

цу. Поднял веки, и глаза его полыхнули золотом. — Я готов создать новый стиль, воплощающий новую эпоху — эпоху алтарей и заводов. Стиль “Лемехов”, если угодно. Когда вы станете президентом, сделайте мне заказ. Я построю завод, производящий космические роботы. Спроектирую университет, где станут преподавать космогонию и теологию, консерваторию, где зазвучит космическая музыка, и церковь, где вспыхнет огненное Православие. Эти четыре объекта положат начало новому стилю — “стилю Лемехова”. — Он умолк, задвигал острым кадыком, словно птица, проглатывающая добычу.

— Обещаю, вы получите этот заказ, — произнёс Лемехов. — И ещё вы построите Музей русской истории на Луне. — Он протянул бокал, чокаясь с архитектором. Тот пил вино, закрыв ястребиные глаза, двигая кадыком на жилистой шее.

Выступали художники и музыканты, и все они давали понять, что видят в Лемехове своего будущего президента. Как гром среди ясного неба прогремела речь литературного критика и культуролога Арсения Либкина.

Либкин был тучный, с короткой шеей, оттопыренными губами, с колечками сальных волос, прилипших к бледному лбу. Услышав своё имя, он громко задышал сквозь ноздри, зашлёпал губами, замахал у лица рукой, словно отгонял невидимую муху:

— Ложь! Никакого сокола! Никакого русского неба! Только чёрные воронки! Никакого будущего! ГУЛаг, кирпичная стенка! Это новый диктатор, без трубки, но с чётками из черепов! Он будет греметь черепами и подсчитывать, сколько миллионов расстреляно, сколько утоплено, сколько гниёт в тюрьме! Всех вас — как Мандельштама! Как Мейерхольда! Самцов, будешь модельером ГУЛага! Виноград, будешь проектировать крематории! Распевцев, будешь писать портреты диктатора за пайку хлеба! Очнитесь! Этот человек несёт нам войну, фашизм! Пушки вместо масла! Нас посадили на “философский пароход” и везут в никуда!

Он задышался, брызгал слюной. В уголках губ появилась белая пена. Верхоустин смотрел на него, вонзая свои синие лучи, которые потемнели, наполнились чёрным сверканием. Либкин стихал, сжимался, словно лучи проникали в него и сжигали его сердце. Он дрожал плечами, закрывал лицо худыми руками, и сквозь толстые пальцы текли слёзы.

— Ничего, ничего, Арсений, вы переутомились. Ваша статья о гастролях английского театра великолепна. Ваша книга “Фрески сталинизма” — образец новой культурологии. Мы уже решили с Евгением Константиновичем дать вам толстый журнал. Проблемы современной эстетики. Философия искусства. Не сомневаюсь, вы сделаете журнал европейского уровня.

Жёсткие лучи в глазах Верхоустина гасли, словно он извлекал отточенные копыя из рыхлого тела. Либкин стихал, доставал несвежий носовой платок, отирал слёзы. Все подавленно молчали.

В ресторанный зал вбежал Черкизов, белозубый, радушный, громко воскликнул:

— Господа, наш теплоход отправляется в плавание! Мы проплывём по Москва-реке до Ново-Спасского монастыря и снова причалим. И там нам подадут самые изысканные кушанья! Прошу, господа, на палубу!

Все хватали шапки, надевали пальто и шубы, выходили на морозную палубу.

Корабль отчалил от туманных гор. Раздвигая звонкие льдины, поплыл среди чёрных вод. Как зарево, отражались в воде “Лужники” с блуждающими аметистовыми лучами. Казалось, из тёмных глубин, из мерцающих льдин всплывает перламутровая раковина. Сейчас на ней, как на картине Боттичелли, возникнет божественной красоты Афродита с золотыми волосами, которые она прижимает к белоснежной груди.

К Лемехову приблизилась актриса Тереньтева, кинозвезда, прима театра. Она держала в руках два бокала с шампанским:

— Хочу выпить за вас, мой президент. Вы настоящий имперский вождь, русский царь!

Они чокнулись, выпили шампанское, и два стеклянных бокала полетели в тёмную реку.

Корабль проплывал под хрустальным мостом, напоминавшим оранже-рею. Казалось, в этом висячем саду цветут волшебные цветы, летают райские птицы. Отражение моста, разрезанное кораблем, разлетелось по воде бесчисленными золотыми осколками.

К Лемехову подошла оперная певица Баскакова, молодая, прелестная, кутаясь в пышный мех. Её серьги с крохотными бриллиантами переливались у самых его губ. Хотелось наклониться и поцеловать эти пленительные бриллианты, вдохнуть запах её духов, услышать её взволнованный вздох.

— Я знаю, вы любитель музыки. Вас видят в опере. Я хочу пригласить вас на спектакль, где я пою Травиату.

— Вы оборожительны. Ваш голос — национальное достояние России.

— Благодарю. Я готова поделиться этим достоянием с вами, — она загадочно улыбнулась, запахнулась в меха и пошла по палубе туда, где гигантским золотым слитком высилось здание штаба.

От реки поднимался прозрачный туман. Льдины плыли, ударялись о корабль с лёгким звоном. Крымский мост переливался, как огромный чешуйчатый хамелеон: то голубой, то зелёный, то алый.

Писатель Виолов, известный романист, лауреат литературных премий, указывая на мост, произнёс:

— Не устаю восхищаться Москвой. Она, как сказочная змея, постоянно меняет кожу. Если мне суждено увидеть обещанные вами перемены, напишу “Москву космическую”, куда из русского Космоса приземлились пришельцы с их отважным Предводителем.

— Я читал ваш роман о гибели советского подводного крейсера. Очень сильная, горькая книга. Я хочу пригласить вас на заводы, где строятся космические корабли, звездолёты, инопланетные города. Где создаётся не видимая миру новая русская цивилизация. Вы напишете блестящий авангардный роман.

— Ловлю вас на обещании. Вы дали честное президентское слово.

Из черноты, из туманной мглы вставало золотое ночное солнце храма Христа Спасителя. Золото плавилось, стекало в реку, золотая река несла корабль. Дом на набережной утратил свою угрюмую, мрачную тяжесть и парил в небесах, переливался, как прозрачный кристалл.

Поэт Благодаров завороченно смотрел на золотой проплывавший мимо шар.

— Ни кажется ли вам, — обратился он к Лемехову, — что помимо канонических русских святых, которым посвящаются алтари, лики которых украшают росписи храмов, существуют неканонические святые? Это русские поэты, которые находятся в прямом общении с Богом. Они есть посланцы Бога, они несут в народ благовест, когда Церковь дремлет, алтари остывают, лампы меркнут. Разве не святые Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Гумилёв, Есенин? Разве их стихи — не псалмы, обращённые к Богу? Многие из них умерли мученической смертью.

— Это глубокая мысль, — ответил Лемехов, глядя на золотое отражение. На отражении качалась тёмная льдина. — Может быть, попросим нашего художника Распевцева расписать храм “огненного Православия” ликами русских поэтов?

— Великолепно! — поэт, блаженно улыбаясь, удалялся, пропадая в золотом тумане.

Из-за моста, как розовая заря, появлялся Кремль. Усыпанный рубинами, бриллиантами, золотыми украшениями, он казался короной на царственной главе Москвы. Лемехов тянулся к нему губами, словно хотел поцеловать золотой крест, рубиновую звезду, мерцающую загадочную надпись на колокольне Ивана Великого. Кремль звал его к себе, посылал ему таинственное благословение, венчал его голову драгоценной порфирой.

Храм Василия Блаженного, озарённый прожекторами, стоцветный, как волшебный букет, принесённый с неба и поставленный в чёрную вазу, освещал собою Красную площадь.

— Этот храм послан русским людям как образ рая, — рядом с Лемеховым стоял Верхоустин. На его лице было восхищение, обожание и необъяс-

нимая мука, словно он чувствовал всю недоступность, непостижимость божественной тайны, о которой силился поведать людям дивный храм. Но тайна эта во все века оставалась неразгаданной, томила своей небесной природой, обещала чудо, которое всё не наступало, заслоняемое горем и тьмой.

— Удивительный вы человек, Игорь Петрович. Мне кажется, вам однажды в детстве приснилась жар-птица. И вы всю жизнь ждёте повторения сна.

— Да ведь и вы такой же, Евгений Константинович.

— Значит, мы ищем одно и то же?

— А разве это не жар-птица? — Верхоустин провожал глазами фантастический храм, который теперь был похож на пернатое, слетевшее с неба диво.

Река плавно изгибалась. Словно розовая гора, туманилось высотное здание. Стекланные реторты у Павелецкого вокзала кипели разноцветным пламенем. Бледный, как луна, возник вдалеке Ново-Спасский монастырь.

На палубе появился Черкизов:

— Господа, смотрите на небо! И вы узрите избранника небес!

Все подняли лица к небу, к облакам, по которым, словно северное сияние, блуждали ответы города.

На корме корабля что-то замерцало. Ввысь понеслись лазерные лучи, зачертили на облаках розовые, голубые, зелёные узоры. Разноцветные нити ткали зыбкое полотно. И на этой небесной ткани появилось лицо Лемехова. Оно смотрело из небес, и казалось, его губы шевелятся, брови двигаются. Он зорко и строго взирает на паству, возносившую к небу свои хвалы.

Все, кто собрался на палубе, рукоплескали, кричали “Ура”. Культуролог Арсений Либкин, без шапки, с развеянными волосами, безумно рукоплескал, восхищённо смотрел на явленную ему с небес икону.

Корабль причаливал к пристани у стен монастыря. Все возвращались в ресторанный зал, усаживались за столы, где красовались царские блюда: огромный остроносый осётр; жареный поросёнок, в ноздрях которого запекалась кровь; глухарь с мускулистым обципанном телом и красной бровью над остекленевшим глазом. Официанты разделявали осетра, поросёнка и лесную птицу. И уже лилось вино, и звенели бокалы.

Глава семнадцатая

Самолёт, полный журналистов, телеоператоров, функционеров партии “Победа” летел в Волгоград, где Лемехову предстояло совершить мистерию: сочетаться с энергиями мистической Победы, воздать хвалу поколению святых героев. У подножий монументов заявить, что настало время вернуть победоносному городу огненное имя Сталина.

Эту поездку тщательно готовил “канцлер” Черкизов. Выбирал места, где Лемехов станет произносить свои речи. Созывал слушателей этих вещей речей. Приглашал газеты, сайты, телеканалы, которые представят Лемехова как твёрдого государственника, верного заветам непобедимого вождя.

Эта поездка служила негласным началом президентской компании, указывала на Лемехова как на будущего президента России.

Верхоустин не участвовал в подготовке визита, он лишь наставлял Лемехова, какими идеями и образами насыщать выступления.

Был конец апреля. Деревья парков стояли в зелёной дымке. Волга текла огромно и солнечно, переполненная вешними водами. Главным мероприятием было открытие старинного восстановленного фонтана, уничтоженного во время войны. Вокруг фонтана были расставлены стулья, на них усадили ветеранов — глубоких стариков, чьи мятые пиджаки и старомодные кители были увешаны орденами и медалями. Тут же сидели представители общественности: начальник гарнизона, знаменитый профессор истории. Юноши и девушки в куртках с надписью “Победа” построились, ожидая торжественного приёма в партию. Черкизов давал им последние наставления.

Множество телекамер снимало торжество. Мерцали вспышки. Юркие журналисты сновали в толпе, протягивая диктофоны.

Лемехов, которому надлежало включить фонтан, сидел рядом с губернатором, любуясь возрождённым творением.

Фонтан был сделан из ослепительно-белого алебастра, который казался прозрачным, был окружен сиянием.

Над площадью зазвучала песня “Священная война”. На большом экране возник разгромленный Сталинград, каким он выглядел после смертельного налёта немецкой авиации: чёрные развалины, дымное зарево, остатки фонтана с безголовыми и безрукими танцорами, чёрными от пепла и копоти. Атака советских солдат, перепрыгивающих через исковерканное железо. Пленные немцы, бредущие по зимним дорогам России.

Экран погас, и запели трубы в руках у военных музыкантов. Певучая музыка была под стать золоту праздничных труб.

Выступал губернатор. Моложавый, с весенним загаром, он поблагодарил директоров оборонных заводов и лично Лемехова за чудесный подарок городу. Воздал хвалу ветеранам, пообещав увеличить льготы и пенсии. Призвал молодёжь быть достойной своих дедов и прадедов.

Потом выступил начальник гарнизона — молодой генерал с благородным лицом. Он заверил народ, что вооружённые силы стоят на страже безопасности страны и готовы в час беды повторить подвиг своих предшественников. Пошутил, что отдал приказ десанникам: в день их праздника ни под каким предлогом не прыгать в этот замечательный фонтан.

И эти слова генерала были слишком легковесными и обыденными. Они не касались тайны фонтана, не касались тайны оружия, которое одержало победу в священной войне, а потому было священным оружием. И фонтан был священным, и в нём скрывалась священная тайна. Люди чувствовали её, но не могли высказать.

Лемехов, готовясь выступить, боялся не найти нужных слов.

Поднялся со стула ветеран, не сам, а с помощью двух молодых людей. Они, поддерживая его под руки, осторожно повели к микрофону. Он шёл, едва переставляя ноги, почти висел на руках своих помощников. Лицо его, всё в морщинах и складках, выражало страдание. Веки провалились, словно глазницы были пустыми. От плеч и до пояса его офицерский китель был покрыт многоцветной чешуей орденов и медалей. Они чуть слышно звенели при ходьбе. Его подвели к микрофону, он слепо нащупал его стебелёк и стариковским голосом, похожим на плач, произнес:

— Я у этого фонтана ходил в атаку 14 ноября 1942 года, старшим сержантом, за командира взвода. До фонтана нас добралось четыре бойца, а остальные остались лежать по дороге. Меня у этого фонтана не убило, а ранило в голову. Я после этого дошёл до Кенигсберга и воевал с японцем. Потом ослеп и уже ничего не вижу. Спасибо, что восстановили фонтан. Я его хоть руками пощупаю и помяну моих павших товарищей. А глазами уже не увижу.

Молодые люди подвели ветерана к фонтану, и тот осторожно ощупывал край алебастровой чаши.

Лемехов чувствовал, что разгадка тайны фонтана близка. Она есть у старика, который знает её, но не может высказать. Она в ослепительной белизне танцоров, которые похожи на ликующих ангелов.

К Лемехову подошёл Верхоустин и передал две алые розы:

— Не забудьте сказать, что из фонтана льётся “живая вода”.

Лемехов чувствовал святость этого места. Вода, которой он наполнит фонтан, — это святая вода. Глубинная вода русской жизни, которая в час беды выходит на поверхность. Лидер своей волей и личной жертвой открывает путь воде. Россия — хранительница святой воды, которой она кропляет мир, когда тот умирает. Святая вода России не даёт миру погибнуть, каждый раз воскрешая его.

Лемехову казалось, над фонтаном поднимается столб прозрачного света. Так светилась святая вода, готовая хлынуть в фонтан. Так светились души погибших солдат. Так светились чувства и мысли Лемехова, который разгадывал тайну фонтана.

Наступил черёд Лемехова. Он держал в руках две алые розы. На него смотрели синие глаза Верхоустина. Белели подвенечные платья двух невест. Слепой ветеран поднимал лицо к небу, словно надеялся, что солнечный луч

пробьёт крошечную тьму в глазах. Лемехов подошёл к микрофону, и множество телекамер следило за ним, мерцали вспышки, репортеры норовили подобраться поближе.

— “Фонтан любви, фонтан живой, / я в дар тебе пришёл две розы...” Эти стихи написал великий Пушкин, будто предвидел нашу сегодняшнюю радость.

Лемехов подошёл к фонтану и положил цветы на край белой алебастровой чаши. Камеры снимали алые розы, белых танцоров и лицо Лемехова, побледневшее от волнения. Он вернулся к микрофону и продолжал:

— Сталинград — это священное слово, которое мы произносим, как молитву. Здесь родина нашей победы. Мы должны вновь вернуть священному городу имя Сталинград.

Лемехов видел, как его слушают. Ветераны вытягивали морщинистые шеи, чтобы не пропустить ни слова. Взрослые сажали на плечи детей, чтобы те могли видеть Лемехова. Губернатор чутко вслушивался, стараясь уловить в словах высокого гостя веяния кремлёвских кругов. Невеста обняла жениха, да так и осталась стоять, забыв разомкнуть объятия. Верхоустин торжественно взирал синими очами. А Лемехов продолжал:

— В этом священном месте, в городе русской Победы был построен фонтан. Этот Сталинградский фонтан — священный. Это часовня, построенная на источнике русской Победы. Вода в фонтане — святая. Она исцелит больных, утешит оскорблённых, вернёт веру унывающим, наполнит силой ослабевших. Этой Сталинградской водой мы напоим Россию, она стяхнёт наваждение, вернёт былое величие и славу.

Лемехов умолк, ибо от волнения у него не хватало слов. Но слова вернулись, будто кто-то вкладывал их ему в уста:

— Мы несём эту святую Сталинградскую воду из города в город, из дома в дом, от одних жаждущих губ к другим. Мы воскресим всех павших солдат, всех командиров, всех командующих фронтами, воскресим великого генералиссимуса Сталина. Воскресим имя города — Сталинград!

Он умолк, потому что голос его задрожал от слёз. Солнце в глазах превратилось в радужный крест.

К нему приблизился Черкизов и протянул маленький пульт с кнопкой, которую следовало нажать, чтобы включить фонтан.

— Вы прекрасно сказали, Евгений Константинович. Это настоящая проповедь.

Лемехов принял пульт и нажал кнопку. Шумные сверкающие струи прыгнули, сшиблись, схлестнулись, накрывая фонтан сплошным стеклянным куполом. Среди брызг нёсся ликующий хоровод, и каждый танцор переливался на солнце. Купол распался, и бурлящий водяной столп вознёсся к солнцу, и оно кипело, слепило, танцевало, словно огненный шар.

Черкизов поднёс к шумящей струе хрустальную кружку. Вода пузырилась, выплескивалась, но Черкизов выхватил кружку из бурлящего водоворота. Мокрый, счастливый, в потемневшей рубашке, он протянул кружку Лемехову:

— Испейте, Евгений Константинович, святой водицы.

Лемехов принял кружку и пил холодную, почти ледяную душистую воду, чувствуя её сладость и силу. Эта сила вливалась в него, дивно пьянила.

Солнце играло в хрустале. Шумел и искрился фонтан.

— И вы отпейте, господин губернатор, — Черкизов выхватил из фонтана кипящую кружку, и губернатор отпил. Глаза его стали светлее.

Черкизов черпал и черпал воду. Две розы, лежавшие на краю чаши, упали в фонтан и кружились в водовороте.

Пили ветераны, проливая воду на ордена, и тусклая латунь медалей начинала сиять. Пили юноши и девушки, вступившие в партию “Победа”. Черкизов брызгал на них водой, крошил, как священник, и те хохотали сквозь брызги. Пили жених и невеста, передавая друг другу кружку, а после целовались мокрыми смеющимися губами.

Слепому ветерана вели к фонтану под руки. Он слушал шум и шелест, ловил худосочным лицом приближавшуюся прохладу. Черкизов поднёс ему кружку, вложил её в слабые стариковские пальцы. Ветеран пил, захлебывался, снова пил. И вдруг выпустил кружку из рук, и ахающим, испуганным голосом воскликнул: “Вижу!”

Его запёкшиеся веки поднялись, и под ними открылись живые глаза. В них отражался фонтан, переливались радуги. Он тянул руки к солнцу, к блеску воды, боясь, чтобы они не исчезли.

Глава восемнадцатая

Через несколько дней в Москве Лемехову позвонил Верхоустин:

— Хочу поговорить с вами, Евгений Константинович.

— Конечно. Давайте поужинаем. Хотите, опять в “Боттичелли”.

— Нет, это место не подойдёт.

— Тогда приходите в “Ваниль” или в “Пушкин”.

— И это не годится. Мы бы могли уехать за город и где-нибудь погулять на природе. Тем паче, погода чудесная.

— Хорошо, погуляем в лесу.

Машина увезла их за город по Осташковскому шоссе, туда, где кончались торговые центры, ревущие трассы и эстакады, и среди нетронутых лесов начиналась водоохранная зона. Они оставили машину перед слагбаумом и пошли по пустынной асфальтированной дороге среди весеннего леса. Два охранника на большом расстоянии следовали за ними. Редкие велосипедисты, сверкая спицами, с лёгким шорохом пронеслись мимо.

Верхоустин шагнул на обочину, нагнулся, поднял суковатую ветку. Вернулся на асфальт, упираясь веткой в землю. Стал похож на странника с посохом.

— Мы успешно создаём партию, Евгений Константинович. Уже в тридцати регионах есть наши подразделения. Есть газеты и сайты, есть выход на радио и телевидение. Строительство верхней, открытой для глаз общества башни идёт успешно. Теперь пора подумать о глубинном её основании. О невидимой партии, которая будет скрыта в недрах явной и видимой.

Сырая палка в руках Верхоустина при каждом ударе оставляла на асфальте влажный след. Лемехов считал эти тёмные метины, которые соответствовали ритму и содержанию предстоящего разговора.

— Я не очень понимаю, Игорь Петрович, назначение этой тайной партии. Зачем это подполье, если мы намерены заниматься легальной политической деятельностью?

— Мы создаём партию не на один политический сезон, не под частную политическую задачу, даже если эта задача связана с избранием президента. Мы создаём партию, в недрах которой рождается Проект нового государства. Проект, исполнение которого потребует десятилетий труда. В этом проекте, помимо технологий, будет содержаться метафизическая сущность, без которой невозможно любое государство, особенно Государство Российское. Это сокровенные знания о природе русской цивилизации, о её религиозных мистических основах, о волшебных учениях, соединяющих Россию с небом, о райских смыслах, обретению которых посвящена вся русская история, всё русское время. Это сокровенное знание важнее любых засекреченных планов генштаба, любой запечатанной в сейфах статистики. Носителями этих знаний могут стать только избранные, прошедшие “крещение водой и огнём”. Если над землёй пронесётся буря и сметёт видимую миру башню, останется подполье, где уцелеют все волшебные смыслы, и русская цивилизация не погибнет. Пусть срежут дерево, но корневище останется. От него пойдёт новый побег. Так было не раз в истории Государства Российского.

Две бабочки-крапивницы кружились над дорогой, то сливались в тёмно-красный вихрь, то разлетались в разные стороны, садились на палые листья, сливаясь с коричневой землёй. И снова взлетали, находили друг друга, мчались в весеннем солнце, ликующие и счастливые.

— Что за вихри должны пронестись над землёй, ради которых мы строим сокровенную партию? И как она выглядит? Где будут проходить её заседания? На этой безлюдной дороге? — Лемехов усмехнулся, глядя, как удаляется дорога в солнечной дымке, и по ней несутся велосипедисты, похожие на миражи.

— Русская история — это горы и пропасти. Цветущие вершины, когда русская цивилизация достигает могущества и красоты. Обвалы во тьму, ког-

да цивилизация испепеляется почти дотла. Но она сохраняется и снова выныривает из бездны для нового взлёта и цветения. Богословы называют это “Русским чудом”, совершаемым по Божьему промыслу. Но это заслуга “тайных партий”, которые невидимо существовали рядом с очевидными. Царства, династии, уклады сгорают в пожарах, гибнут в революциях и смутах, но “тайные партии” сохраняются. “Большие проекты” сберегаются и ложатся в основу возрождённого Государства Российского. Именно это имел в виду Иван Калита, когда молился, чтобы “свеча не погасла”. Свеча Государства Российского. Когда рушилось первое русское государство, Киевско-Новгородское, когда оно начинало дробиться, мельчать, погружалось в междоусобицы и распри, перед тем, как пасть под копыта монгольской конницы, Андрей Боголюбский ушёл из Киева во Владимир и унёс с собой икону Богородицы. Он был членом “тайной партии”. Днепровская дубрава была вырублена и сожжена, но он унёс во Владимир жёлудь русской цивилизации, посадил в новую почву, и из него выросла новая дубрава — Московское царство.

Лемехов уже был в плену колдовских слов Верхоустина. Синеглазый странник, ударявший посохом в землю, знал о жизни то, что неведомо было Лемехову. История, о которой он говорил, подчинялась другим законам, протекала в другом времени, была населена другими героями. Верхоустин помещал в эту историю Лемехова, и тот, не находя вокруг знакомых и понятных персонажей, уповал на одного Верхоустина, вверяя ему свою судьбу, был от него зависим, не мог без него обойтись.

— Смута сгубила Московское царство, пресеклась династия Рюриковичей. Но князь Пожарский пересадила жёлудь Московского царства в почву Романовской империи, и русская цивилизация была спасена. Князь Пожарский был членом “тайной партии” Ивана Грозного, тайным его опричником.

Лемехова убеждали, что существует потаённая история, тайное человечество, которое, словно невидимая солнцу река, пребывает в глубинах истории, тайно управляет её ходом, сберегает божественные смыслы и заповеди. Не даёт им кануть в замутненных воронках времени. Лемехов верил этой сокровенной науке, которой не найти ни в одном учебнике и которая была отпечатана на дороге ударами чудесного посоха.

— Когда пали Романовы, и Государство Российское уподобилось фабрике пушечного фарша для мировой революции, граф Игнатъев, член “тайной партии”, внёс свечу в чёрные казематы, где томился русский народ, и передал эту свечу Иосифу Сталину. И “свеча не погасла”, превратилась в бриллиантовую звезду Победы. Жёлудь русской истории превратился в могучую дубраву сталинской эры.

Всё, что Лемехов узнавал от Верхоустина, было пленительно, напоминало лунатический сон, когда идёшь по карнизу с закрытыми глазами. Тебе снятся прекрасные сады и озёра, восхитительные дворы, праздники. Ты блаженно улыбаешься, чувствуя ароматы сирени и запахи дивных духов. И вдруг просыпаешься и видишь у ног чёрную пропасть, ржавый карниз и в небе — синюю кладбищенскую луну, летящую сквозь осенние тучи.

— А кто передаст свечу теперь, когда рухнул Советский Союз? Кто явится в нашу горемычную жизнь, как член “тайной партии”, держа в руках жёлудь? — Лемехов чувствовал, как кружится голова, словно он опьянел от запахов цветочной пыльцы, солнечных вод, пения одинокой невидимой птицы. — Кто он, несущий жёлудь?

— Это я, — сказал Верхоустин.

Они молча шагали. Обочина была в ярко-жёлтых цветах мать-и-мачехи, которые, словно цыплята, сбегались и разбегались весёлыми стайками.

— Я не мог сказать вам об этом раньше. Это отпугнуло бы вас, выглядело бы неправдоподобно. “Тайная партия”, которая направила меня к вам, — это группа лиц, в основном, офицеров военной разведки. Она сложилась после войны вокруг Судоплатова по настоянию Сталина, который в своём ясновидении предчувствовал грозящую стране катастрофу. Эта тайная группа получила название “Жёлудь” и по сей день сохраняет своё название. После развенчания Сталина группа ушла в глубокое подполье, сохранив влияние в партии, в армии, в органах безопасности, в культуре и в экономике. Старики умирали, их место занимали другие. Когда началась перестрой-

ка, и стало ясно, что страна погибает, “Жёлудь” перебрался в Австралию и увёз с собой громадные деньги, разместив их на счетах европейских, американских и азиатских банков. С этих пор люди “Жёлудя” внимательно следили за событиями в России, наблюдали обвал “красной цивилизации”, контуры “чёрной дыры”, в которую кануло Государство Российское. Дожидались момента, когда случится удар о дно и начнётся медленное всплытие. Оценивали всех видных российских политиков, стараясь угадать, кого из них выберет провидение и сделает лидером Русского Возрождения. Пришли к выводу, что этим лидером являетесь вы. И решили послать к вам меня. У “Жёлудя” есть колоссальные ресурсы. Есть Проект новой русской цивилизации. Есть разветвлённые связи с закрытыми структурами мира, от старой европейской аристократии до парapolитических кружков в транснациональных корпорациях. “Жёлудь” готов предоставить вам свои ресурсы для “русского рывка”, для воплощения “русского чуда”. Вас просят поторопиться. Многие из членов “Жёлудя” умерли, другие — глубокие старики, некоторые не покидают инвалидных колясок. Они хотят, чтобы вы создали партию, и в этой партии свил гнездо, в которое они положат яйцо будущей русской цивилизации, передадут Проект великого возрождения. Вот об этом я и хотел вам поведать.

Лемехов слушал, как в прозрачном лесу звонко, словно ксилофон, стучит дятел. Музыкальная дробь летела среди гулких стволов.

— Но как же я начну возрождение? Я ещё не стал президентом! Есть действующий президент — Лабазов.

— Его дни сочтены. Он неизлечимо болен. От него отвернулись элиты. От него отвернулся весь мир. “Замковый камень” Государства Российского начал крошиться, и свод вот-вот упадёт. Вы должны заместить пустоту, стать “замковым камнем”. Мы построим партию “Победа”, и в её недрах поместим катакомбный штаб, куда австралийские соратники передадут свой Проект, свои финансовые и организационные ресурсы.

— Но кто эти люди? Откуда вы их взяли? — вырвалось у Лемехова.

— Многих из них вы знаете. Здороваетесь с ними на совещаниях, приёмах, великосветских встречах. Некоторых считаете своими противниками. Эти люди не обнаруживают своё родство, принадлежность к тайному ордену.

— Когда я смогу их увидеть?

— Как только вернётесь из Сирии. В Сталинграде вы прошли крещение водой. Теперь вы поедете в Сирию и пройдёте крещение огнём.

Верхоустин поклонился и пошёл по дороге, опираясь на палку. Лемехов смотрел, как он удаляется в солнечной дымке, и вслед ему пролетела жёлтая бабочка.

Лемехов медленно шёл по дороге. Вдалеке за спиной маячили охранники. Проносились редкие шелестящие велосипедисты. Он вдруг подумал, что стал заговорщиком, плетёт заговор против президента Лабазова, который благоволит ему, доверяет, поручает, как никому другому, сверхсложное государственное дело. А он уверовал в своё мессианство и предаёт президента. Надо как можно скорее встретиться с ним, объясниться. Пусть президент не видит в нём врага, а, напротив, — защитника, друга, который не отдаст Лабазова на растерзание кровожадных элит. Возьмёт под защиту его репутацию, благосостояние, саму жизнь. Лемехов попросит президента о встрече во время кремлёвского приема в День Победы. После парада в Кремлёвском дворце сойдутся именитые чины государства, президент Лабазов поднимет бокал, станет обходить сподвижников. И тогда, чокаясь с президентом, Лемехов попросит его о встрече.

У обочины длинная канава была наполнена солнечной зеленоватой водой, в которой плавали лягушки. Самцы были нежно бирюзового цвета, раздували прозрачные пузыри, издавали трескучее кваканье. Вся водяная канава плескалась от лягушачьего месива.

(Окончание следует)